

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации
Свидетельство
о регистрации
№ 0110347
от 27 октября 1993 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю.И.ИГРИЦКИЙ
кандидат исторических наук,
член-корреспондент МАИ,
главный редактор

Л.Н.ВЕРЧЁНОВ
кандидат философских наук

В.И.ГЕРАСИМОВ
кандидат филологических
наук, член-корреспондент
МАИ, зам. главного
редактора

Л.П.ДЕЛЮСИН
доктор исторических
наук, профессор

Е.Б.КАЛОЕВА
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

А.Д.НЕКИПЕЛОВ
доктор экономических
наук, академик РАН

Б.С.ОРЛОВ
доктор исторических
наук, профессор

Т.Г.ПАРХАЛИНА
кандидат исторических наук

Ю.С.ПИВОВАРОВ
доктор политических наук,
академик РАН

Л.В.СКВОРЦОВ
доктор философских наук,
профессор, академик МАИ

Б.А.ХЕЙФЕЦ
доктор экономических наук

Л.Н.ШАНШИЕВА
кандидат философских наук

В.М.ШЕВЫРИН
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

Ответственный секретарь
А.А.ХАЛАТОВ

Редактор-консультант
И.Л.БЕЛЕНЬКИЙ

Литературный редактор
Д.А.СЕМЁНОВА

Художник обложки
Г.И.КОЗУБОВ

ISSN 1726-5223

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

В НОМЕРЕ:

In This Issue:

Уроки глобального финансового кризиса

Lessons of the Global Financial Crisis

Нефть и газ из России для Германии

Russian Oil and Gas for Germany

Человек и цивилизация

Man and Civilization

Образ России в Восточной Европе

Image of Russia in Eastern Europe

Первая мировая война глазами детей

World War I as Seen by Children

МОСКВА

2009

© ИНИОН РАН

———— **СОДЕРЖАНИЕ** ————
CONTENTS

<u>РОССИЯ И МИР</u> <u>В XXI ВЕКЕ</u>		<u>RUSSIA AND THE WORLD</u> <u>IN THE 21ST CENTURY</u>
О.Т. Богомолов Уроки глобального финансового кризиса	5	O.T. Bogomolov Some Lessons of the World Financial Crisis
Н.В. Смородинская Развитый мир против мира офшоров: Кто сильнее?	16	N.V. Smorodinskaya The Developed World Vs the Offshore World: Whose Upper Hand?
Н.К. Меден Нефть и газ из России: Трактовки энергобезопасности в Германии	34	N.K. Meden Oil and Gas from Russia: German Views of Energy Security
<u>ЧЕЛОВЕК, ИСТОРИЯ,</u> <u>СОЦИУМ</u>		<u>MAN, HISTORY,</u> <u>SOCIETY</u>
Л.В. Скворцов Человек в парадигме цивилизационной истины	50	L.V. Skvortsov Man in the Paradigm of Civilization Truth
О.А. Вусатюк Современный массовый человек и история (на примере Украины)	73	O.A. Vusatyuk Contemporary Man of the Mass and History (a case of Ukraine)
<u>ОБРАЗ РОССИИ</u> <u>В МИРЕ</u>		<u>THE IMAGE OF RUSSIA</u> <u>IN THE WORLD</u>
Л.Н. Шаншиева Образ России в учебниках истории стран Балтии	90	L.N. Shanshieva Russia's Image in the Baltic Countries' Textbooks
Ю.А. Щербакова Восприятие России в современной Чехии	101	Yu.A. Shcherbakova Current Czech Perceptions of Russia

Л.М. Светлорусова Болгарская периодика о России в новом веке	115	L.M. Svetlorusova Bulgarian Periodicals on Russia in the New Century
Т.Г. Биткова Постсоветская Россия глазами румынского исследователя	123	T.G. Bitkova Post-Soviet Russia as Viewed by a Rumanian Researcher
<u>РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ</u>		<u>REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS</u>
А.А. Сальникова «Великая», «святая», «далекая»... Первая мировая война в восприятии детей-современников	134	A.A. Salnikova «Great», «Sacred», «Faraway»... World War I in the Eyes of Children
И.Л. Беленький О контекстах проекта сборника «Русская наука»	151	I.L. Belenkiy On the Contexts of the «Russian Science» Book Project
Н.Н. Платошкин Берлин в августе 1961 г.: Установление пограничного режима	162	N.N. Platoshkin Berlin, August 1961: The Ascent of the Borderline Regime
А.В. Бакустин Турция, Россия и государства Центральной Азии в XXI веке	175	A.V. Bakustin Turkey, Russia and the Central Asian States in the 21 st Century
<u>ОБЗОРЫ</u>		<u>SURVEYS OF LITERATURE</u>
А.А. Алиев Ислам и национализм. (Исламская парадигма в концепциях современной мусульманской государственности)	187	A.A. Aliev Islam and Nationalism. (The Islamic Paradigm in the Concepts of Current Moslem Statehood)
<u>ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ</u>		<u>FACTS. EVENTS. PEOPLE</u>
В.М. Шевырин Павел Павлович Рябушинский	205	V.M. Shevyrin Pavel Pavlovich Ryabushinsky

И.В. Корнилова Василий Филиппович Кудрявцев: Этнограф и просветитель	212	I.V. Kornilova Vassily Filippovich Kudryavtsev: Ethnologist and Enlightener
---	------------	--

**НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ
ЖИЗНЬ**

**SCHOLARLY
AND CULTURAL LIFE**

П.М. Лавринец Двадцать лет русского культурного центра в Литве	222	P.M. Lavrinets Twenty Years of the Russian Cultural Center in Lithuania
--	------------	---

А.С. Шуринов Центр по изучению семейно- родовой культуры: Страницы истории и современность	226	A.S. Shurinov The Center for Family and Kinship Study: Past and Present
---	------------	--

Э.В. Соколова Дом-музей Ф.И. Шаляпина	232	E.V. Sokolova The F.I. Shalyapin House Museum
---	------------	---

АННОТАЦИИ **240**

ABSTRACTS

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

О.Т. Богомолов

УРОКИ ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

**Богомолов Олег Тимофеевич –
академик РАН, советник РАН.**

Сотрясающий мир финансово-кредитный кризис чувствительно сказался на российской экономике. Все активнее включаясь в процесс экономической глобализации Россия еще не успела осознать все последствия возрастающей взаимозависимости стран мира. Было бы, однако, большим упрощением объяснять наши трудности только негативным воздействием извне: падением экспортных цен, сужением внешнего товарного и кредитного рынка, приступами паники на мировых фондовых и товарных биржах, под влияние которых попали и отечественные бизнесмены, оттоком иностранного капитала. Принимаемые государством меры по смягчению этого воздействия не устранили неблагоприятия в экономике. Импульс извне обнажил и обострил собственные российские проблемы.

Инфляция, постепенная девальвация рубля, свертывание и без того недостаточно развитого внутреннего кредитного рынка, вызванный всем этим спад спроса и падение производства, деградация многих жизненно важных отраслей, включая сельское хозяйство, сокращение занятости, падение уровня жизни значительной части населения, социальное расслоение – все это, по преимуществу, следствие просчетов и ошибок во внутренней политике, усугубленных кризисными явлениями в глобальной экономике. Внешнеэкономическая политика также оказалась достаточно близорукой, поскольку как и внутренняя опиралась в основном на неолиберальную идеологию. Преимущества экономической глобализации переоценивались, а ее риски и угрозы недооценивались.

Словом, российская экономика переживает второй после дефолта и девальвации рубля в 1998 г. кризис, на сей раз более глубокий и, видимо, более продолжительный. Кажется, достаточно двух серьезных

предупреждений, чтобы извлечь уроки на будущее и скорректировать экономический курс.

В кризисных условиях дерегулирование, упование на невидимую руку рынка все явственнее демонстрируют свою ущербность. На Западе и в России на это давно указывали видные экономисты. Начиная с Джона Майнарда Кейнса выдвигались альтернативные идеи функционирования капиталистической экономики. К сожалению, основное течение экономической мысли пошло по другому руслу. Господствующим стал либеральный фундаментализм. Его и восприняли, не без зарубежных советов, российские реформаторы. Однако сегодняшняя ситуация в экономике ведущих стран Запада, как, впрочем, и во всем мировом хозяйстве, заставляет пересматривать сложившиеся взгляды. И даже из лагеря убежденных либералов все громче раздаются критические голоса.

Показательны в этом отношении публикации журнала «Экономист». В октябрьском 2008 года номере он иронизирует по поводу отступничества от либеральной доктрины президента Франции Николя Саркози, печатая карикатуру на него с томом «Капитала» К. Маркса в руках (3, с. 2). Действительно, на саммите ЕС в октябре 2008 г. Саркози признал, что ультралиберальный капитализм себя дискредитировал и миру нужна рыночная социальная модель. А в следующем номере журнал помещает специальный доклад «Когда фортуна хмурит брови», в котором допускает перемены в капиталистическом мироустройстве.

В нем, в частности, говорится: «Предсказывать последствия незавершившегося кризиса опасно. Но уже ясно, что даже в условиях отсутствия катастрофы направление глобализации изменится. В течение последних двух десятилетий ее ход совпадал с усиливающимся интеллектуальным влиянием англо-саксонской модели капитализма свободного рынка. Глобальная интеграция явилась по большей части триумфом рынка над государством... Теперь баланс между ними сдвигается в сторону государственного регулирования, причем не только в сфере финансов» (4, с. 6). «Уолл Стрит, – говорится далее, – оказался в центре нынешнего кризиса, так что статус Америки и ее интеллектуальный авторитет резко упали» (4, с. 33). «Больше, чем в новом капитализме, – заключает журнал свой доклад, – мир нуждается в новом мультилатерализме» (там же). Говоря проще, за этим мудреным словом скрывается оправданность, помимо либеральной, других моделей развития современной экономики. В этом отношении весьма поучителен опыт европейских государств, особенно скандинавских, где социальная ориентация рыночного хозяйства и государства практикуется многие годы и достаточно успешно.

Мировому сообществу предстоит извлечь правильные уроки из нынешнего кризиса. Многие склонны объяснять свои беды раздуванием финансово-кредитного пузыря в США, который, лопнув, втянул в кризис и другие страны. Но глобальный кризис имеет не только американские корни. Дешевые заемные деньги, отсутствие надлежащего регулирования денежных рынков, узость внутреннего платежеспособного спроса, несогласованность антикризисной политики ведущих государств, слабость международных финансовых институтов – все это результат серьезных изъянов функционирования глобальной рыночной системы. И это делает необходимой выработку ведущими странами совместной стратегии реформирования этой системы. Уже в ЕС и на встрече лидеров «Большой двадцатки» в повестке дня стоит новая архитектура мировой финансовой системы и роль коллективных действий государств в обуздании стихийных сил и обеспечении стабильности глобального рынка. Этому может помочь диалог ученых и общественных деятелей относительно путей назревших перемен.

Если Запад втягивается ныне в полосу поиска новой модели или парадигмы экономического устройства, то для российского доморощенного капитализма, следующего примеру США, это не менее актуально. Конечно, открыто признать несостоятельность ультралиберальной идеологии наши реформаторы еще не готовы. Но критические настроения в России, испытавшей все прелести дикого капитализма, пожалуй, сильнее, чем где-либо. Поэтому можно ожидать, что новые подходы в экономической политике проложат себе дорогу. Кризис должен способствовать отрезвлению проводников нынешнего рыночного курса.

В каких главных направлениях можно ожидать переосмысливания экономической идеологии и политики? Одна из наиболее острых проблем – роль государства в национальном хозяйстве. В СМИ широко растиражирована мифологема – государство должно уйти из экономики или, по меньшей мере, свести к минимуму свое участие в ней. Один из советников В.В. Путина в бытность его президентом, например, пытался на лукавых цифрах убедить общественность, что, чем меньше доля государственного бюджета в ВВП, тем успешнее растет экономика. И это в то время, как мировая статистика неопровержимо показывала рост этой доли на протяжении всего минувшего века с 10–20 до 50% и более (1, с. 188).

Бесспорно, современное государство, тем более социальное, каким Россия является по конституции, призвано представлять и обеспечивать интересы всего населения, а не быть комитетом по заведованию делами наиболее состоятельной и влиятельной его части. Но это предполагает не только справедливое и эффективное демократическое устройство общества, подконтрольность ему государственной бюрократии, но и значительную роль

государства в перераспределении ВВП. Только в его власти противодействовать стихии нарастающего социального расслоения, гарантировать справедливый доступ людей к общественным благам – образованию, здравоохранению, культуре. И именно так поступают многие государства мира. Отсюда и рост доли бюджетных расходов в ВВП.

На современное государство ложатся ответственные функции предотвращения и преодоления провалов чисто рыночных механизмов, и не только в денежно-финансовой сфере, что сегодня всем очевидно, но и в других областях. Речь идет о развитии науки, образования, культуры, охране здоровья и окружающей среды, модернизации производства, создании экономической инфраструктуры, не говоря уже об обеспечении национальной безопасности и правопорядка.

Государство способно играть существенную роль в стимулировании инновационного процесса, вкладывая бюджетные средства в ключевые, технически передовые производства, особенно во вновь создаваемые, а также принимая участие в управлении ими. Его поддержка незаменима и для сельского хозяйства многих стран. Это более чем актуально для России, учитывая далеко не самые благоприятные климатические условия в большей части страны и последствия прошлых социальных катаклизмов в деревне.

Доводы российских либералов против государственного вмешательства обычно сводятся к его неэффективности из-за недостаточной компетенции чиновников, зашкаливающей коррупции и чрезмерного бюрократизма. Государство обвиняют в непрозрачности обсуждения и принятия решений, необъективной, а то и заведомо ложной информации, доводимой до общественности, в отсутствии обратной связи с подопечным населением и бизнесом. Конечно, подобные упреки зачастую небезосновательны. Но разве частный бизнес уж столь непогрешим? Его недобросовестность, бесчестность, уклонение от законов, подкуп чиновников, мошенничество, да и другие криминальные действия в неумной жажде обогащения общеизвестны. Поэтому сама дилемма: «свободный рынок или контроль и участие государства в нем» выглядит надуманной. Вопрос заключается в правильном сочетании обоих начал в развитии экономики и принятии мер по наведению порядка в каждой из этих двух сфер.

В первую очередь, на мой взгляд, требуется качественное улучшение работы государственной системы управления, выращивание класса неподкупных, добросовестных и высоко компетентных управленцев. Подбор кадров должен происходить не по принципу их лояльности начальству и «вменяемости», не по родственной близости, дружбе и личным симпатиям, а по уровню компетентности, профессиональным знаниям и трудовому опыту, добросовестности, умению работать с людьми, отстаивать общественные интересы. Понятно, что в одночасье такого рода перемены не происходят.

Россия еще долго будет сильно уступать другим странам в своей конкурентоспособности на мировом рынке из-за неэффективности государственной системы управления и низкого качества и коррумпированности чиновничества. Но чтобы вырваться вперед, важно решить, с учетом современных мировых реалий, какой должна быть роль государства в нашей экономике и как к этому прийти. Недостаточно расплывчатых и двусмысленных высказываний на этот счет, пора сформулировать четкую концепцию государственного строительства и экономического участия. И разумеется, последовательно проводить ее в жизнь.

В переходе России от дикого к цивилизованному и социально ориентированному рынку многое зависит от государства, тех законов и моральных норм поведения, соблюдение которых оно обеспечивает своим авторитетом, всеми доступными в его распоряжении средствами. Поэтому и нужно укреплять государство, а не сводить на нет его экономические функции. Иначе не обуздать частный бизнес в его стремлении к быстрому обогащению, идущему, как правило, вразрез с интересами общего процветания, не сдерживать его корпоративный эгоизм.

Гигантские потери страны от бегства капиталов за границу представляют, пожалуй, один из наиболее ярких примеров недооценки возможностей государства, вернее, его неспособности влиять на развитие производства, направлять имеющиеся в стране капиталы на подъем собственной экономики. Если Минфин России оценивает чистый отток капиталов из страны за весь период перестройки и рыночных реформ примерно в 400 млрд. долл., то по расчетам Ассоциации российских банков, эта цифра может достигать от 800 млрд. до 1 трлн. долл., что согласуется и с данными Базельского банка международных расчетов (БМР) (2, с. 166–167). Ряд западных экспертов не исключают, что утечка капиталов могла достичь даже 2 трлн. долл.

В приведенные суммы входит сравнительно скромный легальный вывоз капиталов, тогда как львиную долю составляет нелегальное их бегство, связанное с уклонением от налогов и стремлением укрыть и сохранить нажитое сомнительным путем. Часть беглых денег хранится на банковских депозитах (220 млрд. долл. в 2006 г., по данным БМР) (2, с. 167), другая – вложена в акции зарубежных компаний, в недвижимость, яхты, футбольные клубы, истрачена на личное потребление и т.д. В точности оценок можно, конечно, сомневаться, но порядок цифр в любом случае поражает количеством нулей.

К тому же этим не ограничивается отток российских денег за рубеж. Государственные валютные, стабилизационные и другие резервы вложены по преимуществу в иностранные ценные бумаги и банковские депозиты, далеко

не всегда надежные. В первой половине 2008 г. их общая сумма составляла почти 600 млрд. долл., что мотивировалось необходимостью иметь на черный день надежную подушку безопасности. Однако наступивший кризис показывает, что это не лучший способ спасения. Разумнее было бы использовать значительную часть этих денег на развитие отечественного производства.

Понятно, что имел место и приток капиталов в Россию, особенно в последние годы, в виде прямых и портфельных инвестиций, значительных корпоративных заимствований наших компаний. Но общий баланс складывался с перевесом не в нашу пользу. Из-за нежелания или неспособности государства установить надлежащий контроль за вывозом капиталов экономика пережила чудовищное кровопускание. Можно только поражаться тому, что при этом она сумела оправиться. Помогли богатые природные ресурсы, человеческий капитал и взлет мировых цен на наши энергоносители.

В годы высоких цен на энергоносители российские корпорации накопили колоссальный внешний долг, который с наступлением кризиса не смогли обслуживать, и государство вынуждено было спасать своих финансовых и промышленных магнатов. На это ушла значительная часть государственных валютных резервов. Трудно найти рациональное объяснение поведению государства, которое одной рукой направляет свои свободные валютные средства на хранение за рубеж, кредитует тем самым Запад, а другой рукой подталкивает отечественные компании к крупным заимствованиям за рубежом. Лучшего подтверждения близорукости и неразумности государства в экономических вопросах не надо и искать.

Если бы мы, вывозя капиталы, не кредитовали сотнями миллиардов долларов США и другие развитые страны, а сумели инвестировать эти деньги в модернизацию своей промышленности, транспорта, сельского хозяйства, энергетики, в здравоохранение, образование, науку, жилищное строительство и т.д., то не испытали бы, начиная с 1992 г., такого глубокого и многолетнего спада производства и жизненного уровня населения. И сегодня не были бы столь уязвимыми перед лицом мирового кризиса.

Объяснение случившемуся, естественно, существует: наша рыночная экономика была и до сих пор остается неспособной освоить такие колоссальные деньги. Считалось, что их разворуют или разбазарят без видимой отдачи. Такое возможно, если государство выпускает вожжи из рук, снимает с себя ответственность за эффективное и динамичное развитие реального сектора экономики и перепоручает заботу об этом якобы более способному частному бизнесу. Но мировая практика дает немало обратных примеров. Высокие темпы роста, к которым мы стремимся, предполагают значительное увеличение доли в ВВП вложений в основные

производственные фонды. Пока в России меньше половины ежегодных накоплений инвестируется в реальный сектор экономики. Повышению доли инвестиций в ВВП должны быть подчинены государственная политика и влияние.

То, что делалось, шло в другом направлении. Ослаблялся и отменялся валютный контроль, облегчавший отток капиталов. Курс рубля сознательно поддерживался на заниженном уровне, увеличивающем рентабельность экспорта сырья и топлива и удорожающем импорт. Это сказывалось на повышении цен потребительских и продовольственных товаров. Из-за узости внутреннего платежеспособного спроса и низкой рентабельности ориентированные на отечественного потребителя производства хирели и сворачивались. То, что могли бы делать сами, закупалось за рубежом. Это коснулось не только текстильной, обувной, швейной, фармацевтической промышленности, но и многих машиностроительных и других отраслей. Их неохотно кредитовали коммерческие и государственные банки, а если и давали деньги, то на короткие сроки и за непомерные проценты. Собственной же прибыли не доставало для расширения и модернизации производственных мощностей. Кроме того, инфляция и слабость внутреннего спроса создавали повышенные инвестиционные риски. При все большей открытости экономики конкуренция с импортными товарами становилась безнадежной.

В исключительно благоприятном положении оказались сырьевики, нефтяники, газовики, металлурги, словом, те, кому экспорт приносил баснословные прибыли. Но такой возможность не имели другие отрасли. Складывалась однобокая структура экономики с гипертрофированной долей первичных отраслей. Это отрицательно отражалось на уровне национальной производительности труда и конкурентоспособности на мировом рынке. Экономика попадала в сильную зависимость от положения дел в странах – потребителях нашего сырья и энергоносителей. Утрачивались преимущества устойчивого развития на основе взаимосвязанности и взаимодополнения добывающих и перерабатывающих отраслей в рамках целостного народнохозяйственного комплекса.

Нельзя сказать, что негативные процессы оставались незамеченными. Серьезное беспокойство высказывали и ученые, и практики. Но государство демонстрировало беспомощность в попытках изменить положение к лучшему. Надежды по-прежнему возлагались на рыночные механизмы, которые сами должны все исправить. Убежденность архитекторов реформ во всесии рынка не ослабевала. Увы, не получилось. Скорее предпринимаемые властями меры работали в противоположном направлении.

Особенность России как крупнейшей по территории страны, простирающейся на два континента, с практически полной обеспеченностью

природными ресурсами, высоким научно-техническим и человеческим потенциалом, диктует предпочтительность ориентации своего экономического развития на использование преимуществ не столько международного, сколько внутреннего и регионального разделения труда. В отличие от государств, основывающих свою стратегию роста на экспортной экспансии, нам надежнее и выгоднее делать все для углубления внутреннего разделения труда и расширения емкости отечественного рынка. Это не означает отказа от дальнейшего включения в процесс экономической глобализации и использования выгод разумной открытости экономики. Но делать это важно с оглядкой на неустойчивость и неподконтрольность мировых товарных и фондовых рынков, колебания которых и периодические кризисы способны нанести России тяжелые потери. Капитализму в силу его природы присущи кризисы перепроизводства, вызываемые ослаблением инвестиционного и потребительского спроса. Это констатировал еще К. Маркс, и, приступив к строительству капитализма, мы должны были бы с этим считаться.

Настойчивое стремление быстрее вступить во Всемирную торговую организацию отнюдь не гарантирует нам модернизацию и обеспечение успешного развития собственных отраслей обрабатывающей промышленности и особенно высокотехнологичных, не говоря уже о сельском хозяйстве. Предварительно необходимо дать возможность окрепнуть и встать на ноги отечественным производителям. Так поступали Япония, Южная Корея, Китай, Индия, Бразилия и ряд других стран, прежде чем многие виды их промышленной продукции, на которые государства делали ставку, обрели заметный сбыт и конкурентоспособность на мировом рынке. Нельзя к тому же не видеть, что крупные страны, имеющие или создающие современную индустрию, направляют на экспорт значительно меньшую долю своей продукции, чем малые и средние. Их производство преимущественно ориентировано на отечественный рынок. Россия, однако, выпадает из этой закономерности, имея слишком высокий удельный вес внешнеторгового оборота в ВВП.

Сегодня бесполезно обсуждать, имела ли шоковая терапия и обвальная приватизация альтернативу. Страна преодолела самые тяжелые времена и обрела новую жизнь. Но родовые травмы, связанные с переходом в другое состояние, остаются и могут спровоцировать серьезные осложнения. Мы уже с ними сталкиваемся не только в финансово-кредитной сфере, на которой сегодня сосредоточено основное внимание. Наиболее ощутимые угрозы представляют углубляющаяся социальная дифференциация общества, растущая безработица и высокая инфляция. И то, и другое, и третье болезненно сказываются на большей части населения, представляющей

низко- и среднедоходные его слои. Наши сильно извращенные рыночные отношения не ослабляют, а, напротив, усугубляют развитие этих процессов. Избранные государством способы противодействия им также вызывают большие сомнения. Нужны более радикальные и решительные шаги.

Плоская шкала подоходного налогообложения, льготные налоги на дивиденды, сохраняющиеся лазейки для уклонения от налогов и вывоза капиталов сомнительного происхождения, в том числе использование для этого офшорных гаваней, разгул коррупции, безнаказанность многих экономических преступлений и махинаций, – все это ведет, по мнению специалистов, к колоссальному недобору бюджетных доходов и углублению пропасти между богатыми и бедными.

У нас еще присутствуют масштабная бедность и скудость потребления миллионов граждан. Казалось бы, моральные нормы бережливости и скромности должны возобладать в обществе, широко признаваться и соблюдаться. К сожалению, превалирует культ богатства и роскоши, купеческий размах – «знай наших». Телевидение рекламирует жизнь нуворишей в их шикарных квартирах и виллах, показывает их яхты, самолеты и автомобили класса «люкс», разгул на зарубежных фешенебельных курортах, светские с обильным угощением рауты для избранных. Высшие менеджеры в крупных корпорациях, в том числе контролируемых государством, вознаграждаются порой щедрее, чем их американские или европейские коллеги. И если за рубежом все громче раздаются протесты общественности против запредельной оплаты и бонусов топ-менеджеров и государства начинают в это вмешиваться, то у нас это молчаливо принимается как само собой разумеющаяся реальность.

Превосходящее все мыслимые стандарты имущественное расслоение общества бросает вызов представлениям о социальной справедливости, лишает людей моральных и материальных стимулов к добросовестному труду, обостряет проблему бедности, питает нищету, порождает детскую беспризорность и другие социальные беды. В конечном счете страдают темпы и качество экономического роста. Осознание упомянутых негативных последствий делает необходимым нахождение новых подходов в идеологии и практике проведения государством модернизации российской экономики.

Методы борьбы с инфляцией также требуют переосмысления. К сожалению, наши экономические и особенно финансовые деятели придерживаются монетаристских рецептов, т.е. делают ставку главным образом на ограничение денежной и кредитной эмиссии, практикуют так называемую «стерилизацию» денежной массы, сдерживание бюджетных ассигнований на зарплату и социальные выплаты. Кстати, в трудные времена в США и Европе государства шли на расширение денежного предложения,

чтобы повысить платежеспособный спрос и оживить производство. Мы почему-то связывали с этим только всплеск инфляции.

Ужесточение денежной политики имело негативную сторону, которая проявилась ныне, когда государство вынуждено предпринять беспрецедентное дополнительное вливание денег из своих резервов в испытывающую недуг экономику. Предоставленная на льготных условиях денежная помощь Сбербанку, ВТБ, Газпромбанку, Роснефти, «АЛРОСА» (Дерипаска), «Евразас» (Абрамович), промышленным корпорациям была по большей части конвертирована в валюту и переведена за рубеж в погашение долгов и создание резервов. Производители, реальный сектор экономики от нее мало что получили.

Инфляция не сводится к переполнению каналов обращения деньгами. Она вызывается ростом издержек производства под влиянием различных факторов: повышения стоимости сырья и топлива, транспортных тарифов, заработной платы, удорожания импорта и т.д. На ее размерах отражаются монопольные сговоры, инфляционные ожидания, степень доверия к устойчивости экономической системы, налоговая нагрузка и прочие побочные расходы производителей, компенсируемые повышением цен. Поэтому бороться с инфляцией надо по всем линиям и разнообразными методами.

Но чтобы иметь верное представление о ее последствиях, важно объективно оценивать масштаб инфляции, причем не только в среднем, по принципу средней температуры в больнице, а для различных секторов экономики и слоев населения. Инфляция всегда проявляется как дополнительный скрытый налог на население и бизнес, но тяжесть и возможность компенсировать его далеко не одинаковы. Детальные исследования, предпринятые рядом специалистов, выявили, что в наибольшей степени страдают бедные и средние по достатку слои населения. Цены на корзину потребляемых ими товаров и услуг возрастали у нас в последнее время не менее чем на 25–30% ежегодно, тогда как для богатых этот показатель совпадал с официально публикуемым в 10–14%.

Для отраслей, работающих на внутренний рынок, сбыт постоянно сужается из-за высокой инфляции, урезающей покупательную способность населения. Отсюда проистекают замедление роста и даже сокращение производства. Потребление же верхних слоев общества состоит в основном из импортных товаров и поэтому не служит рынком для отечественной перерабатывающей промышленности. Оно поддерживает зарубежных производителей.

Неплохо было бы попробовать сдерживать инфляцию не столько монетаристскими методами, сколько расширением платежеспособного спроса основной части общества и соответственно стимулированием

производства и предложения отечественных товаров и услуг приемлемого качества и по доступным ценам. Недооценка труда в России по сравнению с близкими к нам по уровню странами ограничивает платежеспособный спрос населения. Те же последствия вызывают трудности в получении кредитов бизнесом, особенно мелким и средним, непомерная дороговизна кредитных заимствований.

Не стоит пренебрегать постулатом классической политэкономии: «государство богатее, когда простой товар имеет». Разумеется, сегодня важно, чтобы он был хорошего качества, находил сбыт и его производство постоянно увеличивалось. Здесь многое способен сделать мелкий и средний бизнес, который еще не получает необходимой поддержки и защиты государства.

Конечно, и без денег экономика не может обойтись. Они тоже часть национального богатства, когда не лежат без дела, а работают как мера стоимости, средство обращения и средство накопления. Последняя функция – определяющая для экономического роста. Естественно при условии, что немалые ресурсы на счетах наших государственных институтов и банков, в том числе заимствованные на Западе, используются не для биржевых спекуляций, не растранижаются или омертвляются в неоправданных резервах, а служат приумножению реальных производительных сил страны, ее основных фондов, другими словами, превращаются в инвестиции.

Чтобы это происходило, нужен благоприятный инвестиционный климат в стране. Его создание и поддержание – задача далеко не чисто экономическая. Он зависит от эффективности государственного управления, отсутствия неоправданных бюрократических препон, политической стабильности, доверия инвесторов ко всей экономической, правовой и налоговой системе, состояния деловой морали и эффективности борьбы с коррупцией. Само собой разумеется, и от перспектив получения хорошей прибыли, которые открывают динамичное и гармоничное развитие экономики.

Практика показывает, что при возможности сорвать большой куш, иностранные инвесторы готовы рискнуть и пренебречь многими изъянами нашей государственной и рыночной системы. Но почему мы должны позволять наживаться на нашей бесхозяйственности и отсутствии элементарного порядка?

Роль государства в содействии инвестиционной деятельности, а также участия в ней нельзя переоценить. Оно ответственно за определение ее приоритетных направлений, предоставление гарантий в случае рисков, которые частный бизнес не готов взять на себя, за создание льготных условий кредитования и налогообложения для стратегически важных инвестиций. И несомненно, выдвигаемые президентом и правительством перспективные

цели развития страны делают необходимым усиление этой роли. Это потребует соответствующих инициатив, немалых управленческих усилий и реформаторских начинаний, которые либералы могут выдавать за попытки огосударствления экономики. Но без участия государства, налаживания государственно-частного партнерства решительное улучшение инвестиционного климата маловероятно. А стало быть, и реализация амбициозных планов экономического процветания. Хочется надеяться, что настал момент истины, когда становятся возможными извлечение уроков из ошибок прошлого и исправление того, что тормозит движение вперед.

Литература

1. Богомолов О.Т. Раздумья о былом и насущном. – М., 2007. – 422 с.
2. Хейфец Б.А. Офшорные юрисдикции в глобальной и национальной экономике. – М., 2008. – 335 с.
3. Economist. – L., 2008. – October 4. – P. 2.
4. A special report on the world economy // Economist. – L., 2008. – October 11. – P. 6, 33.

Н.В. Смородинская

РАЗВИТЫЙ МИР ПРОТИВ МИРА
ОФШОРОВ: КТО СИЛЬНЕЕ?

**Смородинская Наталия Вадимовна – кандидат
экономических наук, заведующая сектором
Института экономики РАН.**

Мировой офшорный бизнес зародился в конце XIX в., получил импульс к развитию после Первой мировой войны и широко распространился в 1960–1970-х годах. В последующие два десятилетия в результате его бурного развития появилось понятие «офшоризация» мировой экономики. В этот период многие некогда слаборазвитые территории сделали офшорные услуги основой своей специализации и тем самым обрели неожиданные перспективы для привлечения капиталов и устойчивого роста. Одновременно резко возросло число деловых структур, зарегистрированных на этих территориях (офшорных компаний и фондов, трастов, секретарских компаний и др.) и перечень предоставляемых ими услуг. В 1990-е годы офшорный бизнес стал активно проникать на ранее закрытые рынки постсоциалистических стран, осваивать новые сферы деятельности, совершенствовать формы и методы ведения операций. В итоге к началу XXI в. в мире действовало несколько десятков офшорных финансовых центров (ОФЦ) и множество квази-офшорных юрисдикций, имевших благоприятные режимы для ведения безналоговых трансакций. Сегодня использование этих территорий для целей международного финансового и налогового планирования стало общепринятой практикой, характерной для любых видов компаний и даже для физических лиц во всех странах мира. Вместе с тем бесконтрольное разрастание офшорной практики породило серьезные проблемы в развитии мировых финансовых рынков, национальных финансовых систем и международных экономических отношений.

Вот почему на рубеже нынешнего столетия страны Большой семерки (G-7) развернули беспрецедентное по масштабу и сценарию наступление на

мир офшоров с целью установления надзора над их деятельностью. Толчком к этому послужил рост числа финансовых злоупотреблений в условиях все более глобализированных рынков, возросшей мобильности капиталов и быстрого развития новых платежных инструментов на базе цифровых технологий.

Во-первых, члены G-7 стали опасаться, что «закулисная» деятельность офшоров может спровоцировать лавину рыночных банкротств и новые глобальные потрясения – типа Азиатского финансового кризиса 1997 г. Мировой финансово-экономический кризис 2007–2009 гг. в значительной мере подтвердил справедливость этих опасений. *Во-вторых*, возросшая прозрачность государственных границ и прогресс в технологиях резко расширили поле использования офшоров для уклонения от налогов, что породило риски подрыва стабильности национальных бюджетов. *В-третьих*, не меньшей угрозой для национальных правительств (и в целом мирового сообщества) стала практика отмывания через офшоры потоков грязных денег и связанная с ней проблема финансирования терроризма (после событий 11.09.2001 г. в США).

Влияние офшорных территорий на мирохозяйственные процессы вышло далеко за рамки традиционного посредничества в перемещении капиталов, а его противоречивый характер значительно усилился: с одной стороны, они оптимизируют мировые финансовые потоки и улучшают глобальный бизнес-климат, с другой – содействуют недобросовестной предпринимательской деятельности, теневой активности и нечестной конкуренции¹.

Имеются основания полагать, что сегодня деятельность офшоров связана с рядом новых и слабоизученных процессов в мировом развитии, формирующих центральные сюжеты предстоящих десятилетий.

Во-первых, это глобальная налоговая конкуренция (а офшоры выступают ее лидерами) и тенденция к глобальной либерализации предпринимательского климата в условиях все более открытых рынков. *Во-вторых*, это противостояние развитого мира, оседлавшего технологический прогресс, и развивающихся юрисдикций, не сумевших пока перейти к инновационной экономике. *В-третьих*, это структурная ломка мирового пространства и его регионализация на новых принципах². Наконец, особую озабоченность вызывает противостояние между миром сетей и миром суверенитетов – с заведомо прогнозируемой перспективой все большей десоверенизации мировой экономики.

1. О положительном и отрицательном влиянии офшоров на мировую экономику см.: Б.А. Хейфец «Офшоризация глобальной экономики: вызовы для национальных хозяйств». М., ИЭ РАН, 2008. – С. 18–19.

2. Смородинская Н. Россия: войти с крыльца // Ведомости 29.11.2007, № 226 .

В век глобализации, сетей и ИСТ границы национальных государств постепенно размываются, а сами государства подвергаются дисагрегации (*disaggregation*)³. Интеграция стран и территорий в глобальный рынок (по сути – в глобальные бизнес-сети) идет сегодня поверх государственных границ и не столько через политику государств, сколько независимо от нее, иногда вопреки ей, т.е. совсем в ином формате, чем взаимодействие суверенитетов. Сетевой мир офшоров и выступает, по нашим представлениям, одним из важнейших механизмов и каналов этой интеграции.

Развитый мир против мира офшоров:
«антиофшорная» кампания 2000-х годов

Устранение барьеров в мировой торговле повышает эффективность работы финансовых рынков и создает новые возможности для экономического роста. В то же время либерализация мировой экономики ставит страны перед необходимостью повышения конкурентоспособности национальных налоговых систем. Решая эту задачу, развитые страны провели за последние 15 лет либеральные налоговые реформы (в частности, многие европейские страны значительно сократили ставки подоходного и корпоративного налогов), что позволило им расширить налоговую базу и устранить ряд структурных деформаций в экономике.

Однако, как подчеркивается в документах ОЭСР, «национальные экономики не смогут до конца воспользоваться преимуществами более либерализованной рыночной среды пока в основу их конкурентных отношений не лягут **принципы прозрачности налоговых режимов и международной кооперации в налоговых делах**, позволяющие противостоять возросшим трансграничным возможностям уклонения от налогов»⁴.

Глобализация сопровождается все большей «текучестью» государственных границ, что вместе с прогрессом в технологиях расширяет сферу так называемого несоответствия налоговым обязательствам (*tax non-compliance*), т.е. открывает для налогоплательщиков **новые возможности уклонения от налогов**.

Во-первых, при нынешнем усложнении системы регулирования предпринимательской деятельности на внутренних и зарубежных рынках, бизнес все шире прибегает к инновационному налоговому планированию для

3. См.: Anne-Marie Slaughter: *A New World Order*. Princeton University Press, 2004.

4. OECD's Project on Harmful Tax Practices: the 2006 Update on Progress in Member Countries. (www.oecd.org/ctp)

легальной минимизации налоговых затрат. Во-вторых, то же растущее усложнение законодательства побуждает компании применять «креативную» бухгалтерию с использованием законодательных брешей (намеренное сокрытие доходов, трансфертные цены и т.п.). В-третьих, все большее число юридических и физических лиц используют преимущества возросшей свободы трансграничного перемещения капиталов для незаконного ухода от налогов и отмыwania грязных денег через офшорные центры.

В итоге, **уклонение от налогов охватывает сегодня все налогооблагаемые виды деятельности**, приобретая самые разные формы, что угрожает растущей эрозией налоговой базы и подрывом целостности национальных бюджетных систем⁵. Это вынуждает страны Запада объединять усилия под эгидой международных организаций для противодействия налоговым утечкам и отмыванию грязных денег, в частности – идти на серьезное ужесточение международного контроля над ОФЦ, чья деятельность способствует сокрытию доходов и активов.

В целях выявления степени и характера влияния офшоров на мировую финансовую систему Форум финансовой стабильности (ФФС) сформировал **Рабочую группу по офшорным центрам**, которая разработала *концепцию и рейтинг надежности офшорных территорий*. В отчете за апрель 2000 г. эксперты Рабочей группы отметили, что «в мире распространен упрощенный подход к оценке офшорного бизнеса, а сам термин “оффшор” зачастую неправомерно ассоциируется лишь с сомнительной и противозаконной деятельностью, провоцирующей мировые финансовые кризисы»⁶. В действительности существует множество офшорных территорий с высокой степенью транспарентности и соблюдения международных стандартов, в то время как среди других стран, в том числе и развитых, часто встречаются проблемные территории с точки зрения мировой финансовой стабильности. Неслучайно в ряду центров по легализации грязных денег нередко фигурируют Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Хьюстон, Монреаль, Торонто, Ванкувер, Мехико, а иногда Лондон и Цюрих.

В противовес этому подходу эксперты ФФС справедливо признали, что *оффшоры являются отнюдь не первопричиной, а лишь инструментом для финансовых злоупотреблений*, который при благоприятных на то условиях используется всякого рода мошенниками. Кроме того, они подчеркнули, что проблема офшоров касается всего мирового сообщества, а не только развивающегося мира.

5. Owens, Jeffrey. *Tax in a Borderless World* // «OECD Observer», № 257, October 2006.

6. *Financial Stability Forum: Report of the Working Group on Offshore Centres*, 5 April, 2000. – P. 27.

По заключению Рабочей группы, офшорные операции не оказывают неблагоприятного воздействия на мировые финансовые рынки, если за ними осуществляется надлежащий надзор, и если местные власти активно сотрудничают с международными институтами и службами. Проблемы возникают лишь в тех случаях, когда ОФЦ не способны или не желают соблюдать соответствующие принципы и правовые стандарты. Такие проблемные ОФЦ были выявлены по результатам рейтинга и включены в «черный» список ФФС 2000 г. Одновременно Рабочая группа разработала **11 рекомендаций** по усилению соблюдения офшорами международных норм финансового надзора и правил международного сотрудничества по обмену информацией. Главная рекомендация для стран Запада состояла в том, чтобы проводить регулярный мониторинг и углубленную оценку деятельности офшорных центров в целях своевременного выявления изъянов в их финансовом регулировании и улучшения их законодательно-правовой базы.

Работу по организации мониторинга и реализации рекомендаций Рабочей группы взял на себя **МВФ**. Главное внимание МВФ сосредоточил на уязвимости финансовых секторов офшорных центров и, в частности, на таких проблемах, как избыточная мягкость финансового надзора, барьеры на пути проведения консолидированного надзора, а также недостаток информации о направлениях деятельности и объеме операций зарегистрированных в офшорах финансовых структур.

В июле 2000 г. МВФ принял **Программу по офшорным финансовым центрам** (Offshore Financial Center Program), нацеленную на *принципиальное улучшение качества их систем финансового регулирования и финансового надзора*.

Программа включала *три этапа мониторинга*:

- самооценка офшором своей деятельности при участии группы внешних экспертов – специалистов по пруденциальному надзору, представителей центральных банков различных стран и сотрудников МВФ;
- оценка экспертами МВФ степени выполнения офшором международных регулирующих стандартов;
- комплексная оценка рисков и финансовой уязвимости офшора с привлечением рекомендаций других программ и других систем оценки финансовой стабильности.

Программа МВФ допускала проведение мониторинга в рамках любого из трех этапов, или сразу по всем трем этапам одновременно. При этом в зависимости от специализации офшора система мониторинга могла методологически базироваться на рекомендациях либо Базельского комитета

по банковскому надзору, либо Международной ассоциации комиссий по ценным бумагам, либо Международной ассоциации страхового надзора⁷.

Из 42 офшорных центров, перечисленных в «черном» списке ФФС, 23 – находились на территории стран-членов МВФ и 13 – являлись юрисдикциями, зависимыми от стран-членов⁸. Выявив после тщательного мониторинга степень отклонения деятельности того или иного центра от международных стандартов регулирования финансовых операций, МВФ предлагал ему принять *план действий* по совершенствованию соответствующего раздела национального законодательства⁹. Одновременно, совместно со Всемирным Банком и при тесном сотрудничестве с ФАТФ¹⁰, эксперты МВФ разработали методологию всесторонней оценки мер, принимаемых офшорами для борьбы с отмыванием грязных денег¹¹.

ОЭСР занимает наиболее жесткую позицию в отношении офшорных центров. Еще в 1989 г. она создала **Форум по вопросам вредных налоговых практик** и развернула долгосрочный проект по борьбе с уклонением от налогов, основанном на использовании «*вредных налоговых режимов*»¹². ОЭСР выступает за всестороннее ограничение офшорной деятельности и грозит применением санкций к тем офшорным центрам, которые пренебрегают ее рекомендациями. Эксперты ОЭСР особенно враждебно настроены в отношении так называемой банковской тайны, которая,

7. Financial Stability Forum, Report of the Working Group on Offshore Centres, 5 April 2000.

8. На государства и территории, не являющиеся непосредственно членами МВФ, не распространяются обязательства, вытекающие из условий Соглашения о членстве. Однако МВФ может предоставить таким территориям техническую помощь и консультирование по их просьбе.

9. Так, в октябре 2004 г. МВФ рекомендовал Островам Кука следующие меры: ратифицировать международные соглашения по борьбе с отмыванием денег; законодательно признать финансирование терроризма тяжким преступлением; развить навыки и техники расследования финансовых преступлений (обучить местных прокуроров и т.п.); законодательно учесть резолюции Совета Безопасности ООН по вопросам финансирования терроризма; улучшить правовое регулирование в сфере идентификации личности клиента, сотрудничества с органами финансовой разведки и др.

10. ФАТФ – Группа финансового противодействия отмыванию грязных денег (Financial Action Task Force on Money Laundering, FATF) была создана в 1989 г. по инициативе министров финансов стран Большой семерки. Ее членами ныне являются более 30 стран и два международных института – Европейская Комиссия и Совет по сотрудничеству арабских государств Персидского залива.

11. IMF: Financial System Abuse, Financial Crime and Money Laundering. Background Paper, February 12, 2001.

12. OECD's project on harmful tax practices: the 2000 Progress Report. 4 July 2000. – P. 5.

ограничивая доступ правительственных учреждений к банковской информации, дает возможность отдельным налогоплательщикам уклоняться от уплаты налогов и осуществлять нелегальные финансовые операции. Особую остроту эта проблема приобретает в условиях глобализации, когда налогоплательщики развивают международный бизнес и осуществляют свою деятельность в общемировом экономическом пространстве.

Проект реализуется силами *двух подразделений ОЭСР*: среди стран-членов – *Комитетом ОЭСР по фискальным делам (OECD's Committee on Fiscal Affairs, CFA)*, созданным Форумом по вредным налоговым практикам, а среди не входящих в ОЭСР стран – *Глобальным форумом ОЭСР по вопросам налогообложения (OECD's Global Forum on Taxation)*.

За несколько лет «антиофшорной» кампании, развернутой Большой семеркой и международными организациями, **законодательно-правовая база и налоговые режимы ОФЦ претерпели колоссальные изменения.**

Прогресс в оздоровлении офшоров наблюдался в эти годы не только в части их налоговых практик (за что отвечала ОЭСР), но и по линии противодействия отмыванию денег (за что отвечала ФАТФ), в том числе – благодаря усилиям самих офшорных юрисдикций. Так, Карибская ФАТФ (CFATF), в которую входят 30 стран Карибского бассейна, согласилась принимать общие контрмеры и сотрудничать с международными партнерами. Многие офшорные центры, имевшие в 1990-е годы репутацию «убежищ по отмыванию грязных денег», например такие, как о-ва Антигуа и Барбуда, стали полностью соответствовать международным стандартам, выполнив 40 требований ФАТФ, 19 требований Карибской ФАТФ и 25 правил, касающихся «не сотрудничающих» с ФАТФ стран и территорий¹³.

К середине 2002 г. почти все офшорные юрисдикции, ранее попавшие в «черные списки» ОЭСР и ФАТФ, были выведены из этих списков. К марту 2004 г., как утверждалось в отчете Комитета по фискальным делам, ОЭСР достигла больших успехов в упразднении вредной налоговой практики. Одновременно многие ОФЦ приняли четкий план действий по устранению недостатков в сфере финансового регулирования, выявленных в ходе реализации Программы МВФ по ОФЦ. Большинство офшоров также приняли новое законодательство по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма. А некоторые ОФЦ создали собственную службу финансовой разведки (*financial intelligence unit, FIU*) и присоединились к группе ЭГМОНТ. Все это позволило МВФ начать интеграцию мероприятий

13. *The Future of Offshore as a Business Location. Following the EU/OECD/FATF/FSF Initiatives. Special Report.*// Tax-news.com. – 2006 (http://www.tax-news.com/asp/res/st_offshorefuturecontents.html)

Программы в более общие программы контроля над финансовыми рынками, разработанные для всех стран и территорий, а не только для ОФЦ.

Вместе с тем события второй половины 2003 и всего 2004 г. показали, что **борьба развитого мира с практикой уклонения от налогов через офшоры уперлась в свои правовые и рыночные пределы.**

В этот период представители офшоров как в развитом мире (Швейцария, Люксембург), так и в развивающемся подвергли антиофшорную кампанию ОЭСР самой жесткой критике. По их мнению, действия ОЭСР плохо согласуются с нормами международного права и по сути являются *вмешательством в дела суверенных государств*, ибо формирование финансовой и налоговой политики, принятие валютного, корпоративного и банковского законодательства является прерогативой исключительно самого национального государства¹⁴. Как заметил в связи с возникшими проблемами президент американского Центра свободы и процветания (*Center for Freedom and Prosperity*), «если страны с высоким налогообложением озабочены бегством рабочих рук и капиталов в низконалоговые гавани, **им следует совершенствовать плохие законы, а не пытаться создавать глобальный налоговый картель** и «черные» списки из стран-аутсайдеров»¹⁵. Другие организации также поддержали идею открытия доступа к информации обо всех финансовых центрах мира, а не только о периферийных офшорных территориях.

В итоге, ведущие международные экономические организации, и прежде всего ОЭСР, стали постепенно отходить от своих жестких первоначальных требований к офшорным центрам, осознавая объективное неравенство «правил игры» между развитыми и развивающимися странами, необходимость предварительной гармонизации их правовых и экономических условий жизнедеятельности.

Вместе с тем в ОЭСР рассчитывали, что с принятием в июне 2003 г. **Директивы ЕС о налогообложении сберегательных счетов (*EU Savings Tax Directive*)** все страны – члены ЕС, а также другие страны, не входящие в

14. В частности, по мнению Рональда Сандерса лондонского представителя островов Антигуа и Барбуда, «мир вступил в опасный период, когда некоторые более крупные и мощные страны присвоили себе право навязывать другим юрисдикциям собственные правила игры путем угрозы введения санкций, тем самым ставя под вопрос суверенное право этих юрисдикций самостоятельно регулировать свои финансовые сектора». (*The Future of Offshore as a Business Location. Following the EU/OECD/FATF/FSF Initiatives. Tax-news.com, 2006*)

15. *The Future of Offshore as a Business Location. Указ. соч.*

ЕС, в том числе Швейцария и США, будут автоматически обмениваться информацией о процентных доходах инвесторов-нерезидентов¹⁶.

Однако в ответ на давление Запада многие офшорные территории заявили, что не пойдут навстречу его требованиям до тех пор, пока все страны – члены ОЭСР не согласятся подчиниться тем же правилам – ведь ряд членов ОЭСР, такие как Великобритания, Люксембург и Швейцария, являются по определению самой ОЭСР «налоговыми убежищами». В марте 2004 г., критикуя работу ОЭСР, президент Европейского политического форума Грэм Матер подчеркнул, что хотя эта организация преимущественно проникнута духом рыночной экономики, в отношении офшоров она руководствуется скорее интересами сбора налогов, нежели перспективами развития электронной торговли. А в мае 2004 г. Джулиан Фрэнсис, в то время управляющий Центральным банком Багамских островов, призвал малые офшорные юрисдикции к более тесному сотрудничеству при обсуждении налоговых инициатив ОЭСР – с тем, чтобы не допустить ущемления интересов более слабых стран и выработать собственные инициативы в противовес доминирующей позиции классических оншорных территорий¹⁷.

В результате, расчеты ОЭСР оправдались лишь частично. К 2005 г. к требованиям Директивы ЕС присоединились 39 стран – кто добровольно, а кто и под особым нажимом со стороны других членов ЕС. Вместе с тем целый ряд офшорных юрисдикций (острова Джерси, Гернси, Мэн и др.) ввели налог на процентные доходы нерезидентов (так называемых *withholding tax*) и тем самым успешно обошли основное требование Директивы ЕС – передавать информацию об инвесторах-нерезидентах в их национальные налоговые органы. Иными словами, *эти юрисдикции сумели найти компромиссное решение, сохранив одно из своих главных конкурентных преимуществ – принцип конфиденциальности в отношении операций клиентов*¹⁸.

На сегодняшний день офшорные центры стали несколько прозрачнее, а их хозяйственные режимы – менее преференциальны, чем в 1990-е годы. Тем не менее **изменились сами условия и стратегии ведения офшорного бизнеса, а не его возможности и масштабы.** Пережив натиск стран G-7 и во

16. Эта Директива, вступившая в силу 1 июля 2005 г., обязывает физических лиц, проживающих в странах – членах ЕС, выплачивать налоги с процентных доходов в соответствии с национальным законодательством этих стран, независимо от того, где эти доходы получены.

17. *The Future of Offshore as a Business Location*. Указ. соч., 2006.

18. *EU Savings Tax Directive – Some Good News* // «Shelter Offshore», April 23, 2005.

многим уступив ее требованиям (зачастую формально), ведущие офшорные территории обрели еще более сильные позиции, чем семь-десять лет назад¹⁹.

Что же касается попыток развитых стран взять под контроль движение доходов, оседающих в офшорных территориях, то, по мнению ряда наблюдателей, полного успеха здесь добиться не удастся. Если ОФЦ и откроют когда-либо реальную информацию о доходах своих резидентов, став полностью прозрачными, то это произойдет благодаря объективному развитию глобализации и информационных технологий, а вовсе не в силу специальных усилий налоговых служб.

Борьба с отмыванием «грязных» денег
и участие в ней России

Общественная опасность отмывания грязных денег, именуемых в юридической практике преступными доходами, обусловлена не столько степенью противоправности их происхождения, сколько характером их введения в легальный оборот и их последующего разрушительного воздействия на национальную и мировую экономику²⁰.

К началу нынешнего десятилетия в мире был накоплен определенный межгосударственный опыт противодействия отмыванию грязных денег и разработана общая международно-правовая концепция этого противодействия. Она нашла отражение в таких документах, как Конвенция ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» (Вена, декабрь 1988 г.), Конвенция Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» (Страсбург, ноябрь 1990 г.), Конвенция ООН «Против транснациональной организованной преступности» (Палермо, ноябрь 2000 г.)²¹.

Кроме того, руководители центральных банков стран G-7 приняли в декабре 1989 г. в г. Базеле Декларацию по принципиальным положениям, относящимся к отмыванию доходов от нелегального бизнеса (**Базельская декларация 1989 г.**). Изначально Базельская декларация являлась

19. Cabral, Warren. *Role of Offshore Jurisdictions in International Finance*. Appleby Spurling Hunter Lecture, May 2006.

20. Алиев В.М., Болотский Б.С. Разработка российского законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем: некоторые дискуссионные вопросы // *Государство и право*. 1999. № 6.

21. Подробнее см. Кутаков Р.Б. *Современные тенденции развития офшорных центров в условиях активизации борьбы с бегством (утечкой) капитала* // *Вестник академии (Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы)*, № 1, 2006.

рекомендательным документом, но со временем ее положения стали обязательными для всех центральных банков мира, а многие страны разработали соответствующие четкие инструкции для национальных банков и принимают меры к их соблюдению.

Предписания международных документов о мерах борьбы с отмыванием грязных денег обычно закрепляются странами на уровне национального законодательства. Причем такая борьба носит комплексный характер и касается нормативно-правового регулирования одновременно многих сфер деятельности – финансовой, банковской, административной, уголовно-процессуальной и др.²²

Определить масштабы деятельности организованных преступных группировок и, соответственно, истинные масштабы отмывания грязных денег можно лишь приблизительно, на уровне экспертных оценок.

По данным Интерпола, в середине 1990-х годов мировой оборот грязных денег достигал 500 млрд. долл. в год²³. Однако, по данным ООН, эта оценка касается только незаконной продажи наркотиков, тогда как совокупный годовой доход организованных преступных группировок составлял в эти годы не менее 1 трлн. долл., а ежедневный оборот грязных денег – минимум 1 млрд.²⁴. Причем по подсчетам целевой Группы по финансовым мероприятиям (в ее состав входят представители стран Большой семерки и Комиссии ЕС), почти 85 млрд. наркодолларов отмывалось или использовалось в качестве инвестиций, что составляло лишь часть доходов, получаемых организованной преступностью от продажи наркотиков на рынках США и Европы²⁵.

По данным МВФ, к началу нынешнего века на офшорных банковских счетах ежегодно оседало уже около 1,5 трлн. долл. грязных денег²⁶. Не удивительно, что по аналогии с показателем ВВП появился даже термин ВКП – валовой криминальный продукт.

В 1996 г. ФАТФ разработала **Сорок требований** в отношении эффективной системы противодействия отмыванию денег. В настоящее время эти требования являются важнейшим международным стандартом – обязательным к применению для всех стран – членов ФАТФ и

22. Кутаков Р.Б. *Современные тенденции развития офшорных центров* // Вестник университета (Государственный университет управления), № 1, 2008.

23. Саркисянц А. *Финансовый терроризм и стабильность мировой экономики* // Вопросы экономики, № 11, 2001. – С. 77.

24. Суэтин А. *Макроэкономические последствия отмывания денег* // Вопросы экономики, № 10, 2001. – С. 127.

25. Кутаков Р.Б. *«Офшорные территории в мировой и российской практике»*. Кандидатская диссертация. – М., Институт экономики РАН, 2008.

26. Саркисянц А. Указ. соч., с. 77.

рекомендательным для других стран, в первую очередь офшорных территорий.

После терактов в США 11 сентября 2001 г. ФАТФ дополнительно утвердила **Девять специальных рекомендаций для стран-членов** и широкий план борьбы с финансированием терроризма. В частности, члены ФАТФ обязаны выявлять счета движения капиталов, через которые идет отмывание денег и финансируются террористические организации.

По вопросу борьбы с отмыванием денег **ФАТФ находится в постоянном контакте с МВФ, Всемирным банком и Комитетом ОЭСР по фискальным делам**. Она имеет четыре макрорегиональные организации (по странам Америки, по странам АТР, по странам Европы, а также по странам Африки и Ближнего Востока), контролирующим положение дел на тех территориях, которые не готовы следовать рекомендациям ФАТФ.

В России действует система правовых положений, определяющих деятельность кредитных учреждений и различных государственных органов по недопущению грязных денег в легальный оборот. Ее основой выступает Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г. (*Федеральный закон № 115-ФЗ*), дополненный рядом нормативных правовых актов, которые регулируют различные аспекты такой борьбы²⁷.

По мнению Р.Б. Кутакова, в Федеральном законе № 115-ФЗ значительно сужен круг предметов, легализация которых является преступлением. К таким предметам относятся лишь денежные средства и имущество, полученные преступным путем, а вовсе не все объекты гражданских прав, полученные любым нелегальным способом (в том числе вещи, ценные бумаги, имущественные права, работы и услуги, информация, результаты интеллектуальной деятельности и др.). Закрепленный в законе механизм противодействия легализации преступных доходов сводится к тому, что организации, осуществляющие операции с денежными средствами и иным имуществом, обязаны вести контроль над финансовыми транзакциями, обладающими указанными в законе признаками и не позже чем на следующий день передавать информацию о них в уполномоченный правительством орган²⁸. Таким специальным органом контроля стал Комитет по финансовому мониторингу, или Росфинмониторинг.

27. К числу таких актов относятся Закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 г., Закон «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г., Закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» от 9 июля 1999 г., Закон «О валютном регулировании и валютном контроле», от 10 декабря 2003 г., Налоговый кодекс РФ и др.

28. Кутаков Р.Б. Кандидатская диссертация. Указ. соч.

Росфинмониторинг накапливает и анализирует информацию и, если посчитает, что операция связана с отмыванием преступных доходов, передает ее в правоохранительные органы. Передавать информацию обязаны все финансовые структуры: банки, профессиональные участники рынка ценных бумаг, страховые и лизинговые компании, ломбарды, компании, содержащие тотализаторы и игорные заведения, организации по скупке драгметаллов и ювелирных изделий, организации, регистрирующие права на недвижимость и имущество, даже организации по проведению лотерей и организации почтовой и телеграфной связи. Любопытно, что по требованию уполномоченного органа эти организации должны предоставлять ему информацию и о тех операциях, которые согласно закону не подлежат обязательному контролю. Иными словами, **под контроль Росфинмониторинга ставятся все операции на любую сумму.**

Результатом проделанной в России законотворческой работы стал массовый отзыв лицензий у кредитных организаций за нарушение ими положений Федерального закона № 115-ФЗ: за три года (2004–2006) это коснулось свыше 150 кредитных организаций. По данным ФСФР России, в 2005 г. в Росфинмониторинг поступило около 80 тыс. сообщений от кредитных организаций, по которым было проведено 2400 расследований, а в 2006 г. — уже 120 тыс. сообщений. Однако по итогам взаимодействия кредитных организаций и Росфинмониторинга было возбуждено всего 12 уголовных дел²⁹.

Неудивительно, что эксперты ФАТФ не вполне удовлетворены результатами деятельности Росфинмониторинга. Они ждут от России реальных раскрытий преступлений (число возбужденных уголовных дел, статистика осужденных за легализацию доходов и т.п.) и реальных наказаний виновных, а не роста объема сообщений, которые стекаются в Росфинмониторинг. Заметим, что в США число сообщений в финорганы о подозрительных операциях заметно меньше (70 тыс. в год), а в Швейцарии в год поступает лишь чуть больше 200 таких сообщений, но при гораздо большей эффективности (74% сообщений подтверждается, доводится до суда и до наказания нарушителей)³⁰.

Тем не менее результатом усилий России стало ее исключение из «черного списка» ФАТФ и предоставление ей статуса сначала официального наблюдателя в работе этой организации (осенняя сессия ФАТФ в Париже, октябрь 2002 г.), а затем — и полноправного члена ФАТФ (летняя сессия

29. Р.Б. Кутаков. *Современные тенденции развития офшорных центров*. Указ. соч.

30. Фитуни Л.Л. ФИГи владеют миром. Интервью // ОРЕС.RU — «Открытая экономика». 2002, 15 апреля.

ФАТФ в Берлине, июнь 2003 г.). Это позволило России **войти в список «международных законодателей» по борьбе с легализацией преступных доходов.**

Мир офшоров и новая парадигма развития

Как показал опыт первого десятилетия нового века, коллективное политическое давление на деятельность офшоров со стороны развитых стран может быть весьма эффективным. Однако экономическая логика подсказывает, что стремление этих стран взять под контроль налогообложение доходов, оседающих в офшорах, едва ли будет реализовано в полной мере.

Попытки положить конец превращению криминально нажитых доходов в законные на самом деле нереальны. Если странам G7 что и удастся, так это увеличить долю офшорного богатства, которая ассоциируется с налогоплательщиками-физическими лицами и выплатой налогов с личных доходов. Считается, что они могут добиться здесь успеха просто потому, что большой процент физических лиц будет, как и раньше, проживать в юрисдикциях с высокими налогами, и офшорам будет трудно избежать обмена информацией о клиентах (особенно после вступления в силу в 2005 г. Директивы ЕС о налогообложении сберегательных счетов).

Что же касается компаний, то они, напротив, будут все более свободны в размещении своих ресурсов и активов в низконалоговых гаванях. Помимо всего прочего нужно учитывать, что информационные технологии и глобализация объективно изменили баланс власти между налоговыми органами и корпоративными объектами налогообложения: если страны и люди остаются физически «привязаны» к своим территориям, то бизнес – уже наоборот.

В целом, мы полагаем, что наблюдаемый дальнейший рост офшорной экономики является воплощением объективных вызовов времени, связанных с глобализацией, распространением ИСТ и в конечном счете – с фундаментальной трансформацией современной системы капиталистического хозяйствования³¹. Речь идет прежде всего об объективной тенденции десуверинизации мировой экономики и усиления ее сетевых начал как альтернативы Вестфальского миропорядка. **Офшорный бизнес – это, по-видимому, один из механизмов появления и укрепления глобальных сетей, со всеми вытекающими отсюда последствиями для их**

31. Подробнее см.: Смородинская Н.В. Глобальный системный кризис: уроки нового мышления. Тезисы доклада // Материалы X Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М., ГУ-ВШЭ, 2009.

конкуренции с суверенными государствами. Примечательно, однако, что сами суверенные государства поддерживают легальное существование либерализованных экономических пространств (офшорных территорий), возникших для обслуживания международных финансовых потоков, создания безналоговых «гаваней», территорий удобного флага и электронной коммерции. Почему?

На это имеются свои объективные причины.

Во-первых, **растущая офшорная экономика формирует новый глобальный рынок услуг, где государства торгуют суверенными полномочиями**. Государства обнаружили, что их право писать и принимать законодательные нормы может быть использовано как коммерческий ресурс. Согласно Ронену Палану, эта коммерциализация прав суверенных государств подрывает их легитимные полномочия, порождая новые, «мигрирующие» формы капитализма (*nomadic capitalism*), что в свою очередь, бросает вызов нашим традиционным представлениям о государстве, власти и основах рыночного хозяйства³². Иначе говоря, офшоры продемонстрировали развитому миру неожиданные выгоды, получаемые властями от перехода в разряд традиционных рыночных игроков.

Во-вторых, в попытке отвести исходящие от офшоров угрозы дестабилизации, развитый мир стал оказывать на них **слишком сильное давление, препятствующее нормальному развитию налоговой конкуренции**. Поэтому в качестве оптимального подхода к регулированию офшорной экономики Запад в конечном счете избрал такой, который позволяет этим территориям сохранять либеральные налоговые режимы, но делает их деятельность значительно более транспарентной.

Более того, складывается «парадоксальная» ситуация, когда сугубо оншорные территории вступают в жесткую налоговую конкуренцию с офшорами, пытаясь поставить себе на службу некоторые применяемые ими нормы и практики. Так, страны новой Европы, вступившие в Евросоюз в 2004 г., движутся в сторону введения низких налогов и либеральных хозяйственных режимов, бросая, тем самым, прямой конкурентный вызов странам старой Европы. А в России в 2007 г. был принят закон, нацеленный на создание в стране холдинговой юрисдикции.

Все большая привлекательность низконалоговых гаваней как центров аккумуляции капиталов, в том числе прямых иностранных инвестиций, объясняется, на наш взгляд, не «беспринципным» поведением мирового бизнеса, а тем, что в условиях глобальной гиперконкуренции **традиционное административное вмешательство государств в экономику достигло**

32. Ronen Palan. «The Offshore World: Sovereign Markets, Virtual Places and Nomad Millionaires». Cornell University Press, 2003.

своего логического предела – и по форме, и по масштабам. Дальше играть по старым правилам уже нельзя, дальше так не получится.

В-третьих, деятельность офшоров наглядно демонстрирует всему миру, что в XXI в. перспективы процветания и повышения благосостояния наций обеспечиваются не столько наращиванием темпов роста ВВП, сколько большей сохранностью прав собственности, большей либеральностью бизнес-климата и более высоким уровнем партнерского доверия. Не случайно в 2000-е годы группа офшорных и околоофшорных юрисдикций стала составлять, по данным Б.А. Хейфеца, абсолютное большинство наиболее преуспевающих государств мира, а многие классические офшоры, бывшие некогда отсталыми территориями, опередили Японию и ведущие европейские экономики по величине среднедушевого ВВП³³. Более того, по нашему мнению, оншоры со временем проиграют офшорам в налоговой конкуренции – им придется снизить общий уровень налогообложения бизнеса и, как результат, сократить расходы на административно-управленческий сектор³⁴.

В офшорной экономике обеспечение комфортного бизнес-климата для фирм-резидентов (включая защиту коммерческой тайны) давно стало самостоятельной услугой, одним из ключевых вкладов в производство ВВП. Сегодня этот фактор все явственнее трансформируется в общемировой тренд, затрагивая оншорные территории, а *уровень партнерского доверия между игроками, прежде всего между государством и бизнесом, становится новейшим макропоказателем, влияющим на стабильность экономического роста во всех странах мира.*

Принципиальный же вывод заключается в том, что **любая антиофшорная политика лишается в современных условиях своего экономического смысла.** И глобальные, и встроенные в их сети более мелкие деловые структуры всегда найдут пути обхода выдвигаемых ограничений. И они будут обращаться к классическим офшорам или квази-офшорным территориям (в целях налоговой оптимизации или сохранности имущества) до тех пор, пока это остается для них экономически целесообразным. Бизнес всегда стремился размещать свои активы на тех территориях, где пресс государственного вмешательства заметно меньше. Так, «зачистка» европейских офшоров в начале 2000-х годов привела лишь к массовой передислокации прямых иностранных инвестиций в пока еще более свободные Гонконг и Сингапур.

Мир офшоров – лишь зеркальное отражение и изнаночное лицо оншорного. Поэтому причины его «неувядаемости» и дальнейшего роста

33. Б.А. Хейфец. Указ. соч., с. 19.

34. Смородинская Н.В. Глобальный системный кризис. Указ. соч., 2009.

следует искать, по нашему мнению, в несовершенстве организации самих развитых, нормативно устроенных систем, прежде всего – в их пока еще слабой институциональной подготовленности к условиям глобальной гиперконкуренции по сравнению с мобильными сетевыми структурами.

Таким образом, офшорная экономика выступает по отношению к мировой не просто ее встроенным мощным сегментом, но и **тем противоречивым по своим проявлениям звеном, которое провоцирует зарождение нового качества мирового развития и нового миропорядка**. Офшоры – это то исключение из общих норм, которое объективно содействует болезненной, но эффективной перестройке мировой экономики в сторону более высокой степени консолидации, либеральности и открытости. Не случайно в последнее время национальные налоговые ведомства развитых стран стали проводить все более открытую политику, разъясняя налогоплательщикам свое отношение к различным схемам налоговой оптимизации. Например, в Австралии введена система «Сигнал тревоги», позволяющая налоговому ведомству разъяснять налогоплательщикам свои озабоченности по поводу любых новых схем налоговой оптимизации³⁵. При этом госвласти начали требовать от бизнеса большей ответственности за применяемые им налоговые стратегии и связанные с ними финансовые риски.

В конечном счете, пройдя через системную ломку, начавшуюся в мировой экономике осенью 2007 г., мир придет к конвергенции своих оншорной и офшорной частей, а следовательно, к универсализации своего строения на новых, сетевых началах.

Все вышеуказанные выводы имеют прямое отношение и к России как части мирового хозяйства. Вместе с тем следует признать, что как десятилетие назад, так и сегодня **мировые офшорные центры служат для российского бизнеса своеобразным ресурсным амортизатором**, который позволяет компенсировать недостаточную развитость национального рынка капиталов и слабую доступность банковских кредитов в силу их относительной дороговизны (особенно для малых и средних по размерам компаний). Что же касается вопроса легального ухода от налогов (или, говоря строже, налогового планирования), то нужно признать, что офшорные операции по-прежнему являются для нашего бизнеса инструментом ослабления налогового бремени, которое все еще остается в России достаточно высоким.

Литература

35. Jeffrey Owens. Tax in a borderless world // In: «OECD Observer», N 257, October 2006.

1. Алиев В.М., Болотский Б.С. Разработка российского законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем: некоторые дискуссионные вопросы // Государство и право. 1999. № 6.
2. Кутаков Р.Б. «Офшорные территории в мировой и российской практике». Кандидатская диссертация. – М., Институт экономики РАН, 2008.
3. Кутаков Р.Б. Современные тенденции развития офшорных центров // Вестник Государственного ун-та управления. – М., 2008, № 1.
4. Кутаков Р.Б. Современные тенденции развития офшорных центров в условиях активизации борьбы с бегством (утечкой) капитала // Вестник Московской академии предпринимательства при правительстве Москвы. – М., 2006, № 1.
5. Пеппер Дж. Антиофшор. Практическая энциклопедия международного налогового и финансового планирования. Часть 2. – М., Инфра-М, 2002.
6. Саркисянц А. Финансовый терроризм и стабильность мировой экономики // Вопросы экономики. – М., 2001, № 11.
7. Смородинская Н.В. Россия: войти с крыльца // Ведомости. – М., 29.11.2007, № 226.
8. Смородинская Н.В. Глобальный системный кризис: уроки нового мышления». Тезисы доклада. // Материалы X Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. ГУ-ВШЭ. – М., 2009.
9. Суэтин А. Макроэкономические последствия отмывания денег // Вопросы экономики. – М., 2001, № 10.
10. Фитуни Л.Л. ФИГ и владеют миром. Интервью // ОPEC.RU – «Открытая экономика». 2002, 15 апреля.
11. Хейфец Б.А. Офшоризация глобальной экономики: вызовы для национальных хозяйств. М., 2008.
12. Cabral W. Role of offshore jurisdictions in international finance. Appleby spurling hunter lecture. – 2006.
13. EU Savings Tax Directive – Some Good News // Shelter Offshore. 2005, April 23 http://www.shelteroffshore.com/index.php/offshore/more/esd_2005/
14. Financial stability forum: report of the working group on offshore centres. – 2000, 5 April.
15. IMF: Financial system abuse, financial crime and money laundering. Background paper. – 2001, February 12.
16. OECD's project on harmful tax practices: the 2000 Progress Report. – www.oecd.org/ctp
17. OECD's project on harmful tax practices: the 2006 update on progress in member countries. – www.oecd.org/ctp
18. Owens J. Tax in a borderless world // OECD Observer. – 2006, № 257.
19. Palan R. The offshore world: Sovereign markets, virtual places and nomad millionaires. – Cornell University Press, 2003.
20. Slaughter A.-M. A new world order. – Princeton, 2004.
21. The Future of Offshore as a Business Location. Following the EU/OECD/FATF/FSF Initiatives. Special Report // Tax-news.com. – 2006. http://www.tax-news.com/asp/res/st_offshorefuturecontents.html

Н.К. Меден

НЕФТЬ И ГАЗ ИЗ РОССИИ: ТРАКТОВКИ
ЭНЕРГОБЕЗОПАСНОСТИ В ГЕРМАНИИ

**Меден Наталия Кирилловна – младший
научный сотрудник Центра политических
исследований ОМЭПИ РАН.**

По масштабам поставок энергоносителей, интенсивности и многообразию связей с нашей страной в энергетических отраслях наиболее значимым внешним партнером России в течение длительного периода является Германия. При этом, несмотря на конъюнктурные наслоения и периодическое обострение разногласий между Россией и ЕС, оказывающее негативное влияние на двусторонний формат отношений, диалог с Германией в области энергетики протекает конструктивно. С точки зрения экономических интересов, две страны представляют собой классический случай взаимной зависимости потребителя и поставщика. Однако для выявления стратегических перспектив подобного сотрудничества необходимо разобраться в специфике национальной трактовки (или, точнее сказать, внутринациональных трактовок) энергобезопасности Германии.

Российская сторона заявляет о заинтересованности в укреплении своих позиций энергетического партнера ЕС; в связи с такой констатацией возникает вопрос, возможно ли в этих целях использовать положительный опыт двустороннего российско-германского сотрудничества, и если это возможно, то каковы границы подобной инструментализации. Способно ли исторически сложившееся, объективно обусловленное естественными природно-географическими условиями, подкрепленное наличием технической инфраструктуры сотрудничество России и Германии положительно повлиять на состояние энергетического диалога России с ЕС, восстановление пошатнувшегося доверия к надежности поставок из России или, напротив, выработка единой энергетической политики ЕС приведет к стагнации и даже сокращению

двустороннего сотрудничества? Не менее важной представляется также реальная оценка шансов российской стороны на использование сотрудничества в энергетике как средства для укрепления двусторонних связей с Германией по более широкому спектру взаимодействия, включая политическое.

Российский и германский подходы
к проблеме энергобезопасности

Существенное отличие в трактовках энергетической безопасности основано на том, что по отношению к энергетическим ресурсам одна страна выступает как нетто-экспортер, другая – как нетто-импортер. Поставщик заинтересован в высоких, а потребитель – в низких ценах за продукт, и оба – в надежности поставок. Ситуация осложняется наличием противоречий между государственными и корпоративными интересами энергетических компаний.

В Германии доля отечественного сырья в потреблении первичных энергоносителей составляет чуть более 5% по нефти и 15% по газу (19). Такое положение само по себе не может служить достаточным основанием для утверждений, будто Германия, подобно другим странам с незначительными запасами углеводородного сырья, автоматически попадает в зависимость, которая может быть использована поставщиками в ущерб ее национальным интересам. Однако опросы общественного мнения демонстрируют распространенность этого предубеждения по отношению к России: по данным института социологических исследований, в Алленсбахе на сентябрь 2008 г. 67% немцев считали Россию способной на подобные злоупотребления.

Новейший исторический опыт показывает, что энергетика оказывается в центре внимания международной политики в периоды, когда появляется потенциальная возможность использования энергетического фактора в политических интересах – будь то в связи с ростом цен на энергоносители, и / или в условиях обострения конкурентной борьбы между потребителями за ограниченные, но необходимые ресурсы. На фоне долговременной тенденции к росту цен на энергоносители с легкой руки З. Бжезинского в экспертном сообществе стало расхожим алармистское мнение, что войны за ресурсы заменят в будущем колониальные войны XIX в. Ныне энергетическая безопасность рассматривается в Германии, как и в других странах НАТО, в качестве сферы, часть ответственности за состояние которой лежит на внешней политике и политике безопасности, включая оборону. В официальный свод положений, определяющий интересы Германии в сфере

политики безопасности – «Белую книгу федерального правительства о национальной безопасности и будущем бундесвера» (2006) – введено положение о возможности применения вооруженных сил в целях обеспечения энергетической безопасности. Хронологически «Белая книга» предвосхитила инициативу сенатора Лугара, заявившего на саммите НАТО о необходимости приравнять «энергетическое нападение» к военному.

К середине текущего десятилетия российское политическое руководство также стало по-новому оценивать значение энергетики для развития страны. Концепция национальной безопасности РФ еще относит тенденцию к преобладанию в экспортных поставках топливно-сырьевой и энергетической составляющих к числу угроз безопасности России в сфере экономики. Но постепенно шло убаюкивающее осознание выгод, которые несет с собой положение экспортера энергетических ресурсов. В «Энергетической стратегии РФ на период до 2020 года» появился термин «внешняя энергетическая политика» и были определены ее цели: укрепление позиций России на мировом рынке и эффективная реализация экспортных возможностей топливно-энергетического комплекса. Позднее, в контексте обеспечения глобальной энергетической безопасности была сформулирована амбициозная задача – добиться лидерства России в мировой энергетике. При этом была констатирована прямая зависимость благополучия России и в настоящем, и в будущем от места, которое будет занято ею в мировой энергетике (2). В отличие от западных стран, в России не принято обсуждать участие оборонных структур в укреплении энергобезопасности, и идеи привлечения НАТО к решению этой задачи, вне зависимости от формы такого привлечения, вызывают глубокую обеспокоенность.

Хотя в Германии на официальном уровне не высказывалось скепсиса в отношении российской заявки на лидерство в мировой энергетике, германская сторона едва ли считает Россию способной самостоятельно справиться с поставленными задачами, особенно в части инновационного лидерства, и предлагает более адекватную реальность и более традиционную схему помощи в технологической сфере в обмен на поставки сырья. С подобным предложением к России обращался министр иностранных дел Ф.-В. Штайнмайер. В Германии многие эксперты, а также представители деловых кругов критично оценивают состояние российских добывающих отраслей. Так, глава Восточного комитета германской экономики К. Мангольд отмечал, что благоприятная ценовая ситуация не была использована в России для развития инфраструктуры и повышения эффективности использования энергии. Германские специалисты вторят распространенному на Западе тезису об использовании Россией высоких цен на энергоносители для «восстановления утраченной политической мощи» (12).

Специфика российской энергетической
политики на германском направлении

Несмотря на заверения российских лидеров, что энергетика относится сутоубо к области экономических интересов, не вызывает сомнения, что отношения России с разными странами по энергетическим вопросам в той или иной мере политизированы. При этом можно выделить по меньшей мере два типа энергетической внешней политики России. Со странами – бывшими республиками СССР Россия стремится перейти к модели рыночных отношений, убедившись в провале собственных попыток сдерживать антироссийские настроения руководства этих стран путем установления льготных цен на энергоносители. Еще в 1991 г. А.И. Солженицын в статье «Как нам обустроить Россию» писал о «нашем на все страдательном сырье»: «Пожили “социалистическим лагерем” – и хватит. За страны Восточной Европы – радуемся, и пусть живут и цветут свободно, а платят за все по мировым ценам». Программу «монетизации нефтегазовых льгот» российское руководство намеревается осуществить применительно ко всем странам СНГ. Другая модель энергетической внешней политики проявляется в отношении со странами «старой Европы»: партнерство в энергетической сфере Россия хотела бы использовать как инструмент для укрепления двусторонних контактов с этими странами (Италией, Францией, Германией) и через них с ЕС.

Благодаря успешному опыту сотрудничества в энергетической сфере, берущему свое начало во времена существования СССР, между Россией и Германией сформировался высокий уровень взаимного доверия. Еще в 1993 г. нефтегазодобывающая компания «Винтерсхолл» и российский «Газпром» создали совместное германо-российское энергетическое предприятие «Вингаз», ныне входящее в число ведущих в ФРГ поставщиков природного газа клиентам в Германии, Бельгии, Франции, Великобритании, Австрии, Чехии и Дании. Реализацией российского (а также среднеазиатского) природного газа на рынках 22 стран Европы с 1994 г. через дочернюю ЗМБ ГмбХ занимается также компания «Газпром Германия ГмбХ», основанная в 1990 г. дочерним предприятием ОАО «Газпром» – компанией ООО «Газпром экспорт». «Е.ОН Рургаз» – самый крупный зарубежный акционер «Газпрома», а в совет директоров российской газовой компании входит только один иностранец, гражданин Германии Б. Бергманн, бывший до марта 2008 г. председателем правления Е.ОН. В январе 2009 г.

одним из независимых директоров российской нефтяной компании ТНК-ВР избран бывший канцлер ФРГ Герхард Шрёдер, бессменно возглавляющий Комитет акционеров компании «Nord Stream AG».

БАСФ и Е.ОН принимают участие в проекте освоения Южно-Русского нефтегазового месторождения, которое должно стать ресурсной базой газопровода «Северный поток». Председатель правления Е.ОН считает данную сделку, заключенную в октябре 2008 г. после почти пятилетних переговоров, следующим шагом по укреплению позиций концерна на российском рынке после приобретения осенью 2007 г. более 76% акций ОАО «Четвертая генерирующая компания оптового рынка электроэнергии» («ОГК-4») (13). Однако получение контроля над одной из крупнейших в России генерирующих компаний не оценивается руководством концерна как безупречное вложение из-за кадровых проблем с российским менеджментом и резкого падения капитализации компании в условиях финансового кризиса. Компания РВЕ, основной конкурент Е.ОН на германском рынке, выиграв весной 2008 г. тендер на покупку пакета акций российской компании ТГК-2, через полгода отказалась от приобретения. Таким образом, кризис продемонстрировал, что, вопреки ожиданиям российской стороны, германские компании заинтересованы, главным образом, в приобретении активов добывающего сектора российской энергетики.

Несмотря на достигнутые успехи, есть основания полагать, что российская политика в отношении Германии строилась на завышенных ожиданиях. По мнению известного в России германского политолога А. Рара, эти иллюзии среди российской элиты уже отчасти развеяны. Более реалистичной представляется оценка двустороннего сотрудничества экспертами третьих стран. В частности, итальянские политологи С. Брагироли и К. Карта (6, с. 5) в предложенной ими классификации стран ЕС по уровню «лояльности к России» (применительно к энергетике) выделяют четыре категории, в том числе две – стран с конструктивным настроением: «лояльных» (Италия, Греция и Австрия) и стран-партнеров, готовых к кооперации (Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Ирландия, Люксембург, Португалия, Нидерланды, Испания). Авторы классификации отнесли Германию к последней группе, что, на наш взгляд, оправдано с учетом настороженной политики федерального правительства по отношению к России, которая, в свою очередь, влияет на прагматично настроенные концерны.

Сравним высказывания российских и германских бизнесменов во время торжественных мероприятий, посвященных 30-летию поставок российского газа в Германию. А. Миллер: «Наше сотрудничество давно переросло рамки поставок газа и охватывает взаимодействие в области науки и техники,

транспортировки газа, защиты окружающей среды, информации и общественных связей, повышения квалификации кадров... наши компании вносят весомый вклад в развитие отношений между Россией и Германией». Председатель правления немецкой компании в ответной речи: «Наш бизнес развивается на долгосрочной основе и направлен на достижение взаимной выгоды» (13). После ухода красно-зеленой правящей коалиции обе компании избегают использовать для описания своего сотрудничества определение «стратегическое партнерство».

Реакция на январский (2009) российско-украинский газовый конфликт также подтвердила прагматичность руководства германской компании, которая, не упустив возможность получения прибыли от продажи газа из своих запасов нуждающимся в поставках странам, тем не менее заявила о намерении предъявить иск «Газпрому». Между тем «Газпром» заблаговременно предупредил германских коллег о возможном отключении газа, и немецкая компания имела в своем распоряжении около 2–3 месяцев, чтобы подготовиться к экстренной ситуации. Отключение газа пришлось на период максимальных цен на газ, которые дополнительно выросли в кризисной ситуации. Информацию о полученной прибыли концерн не разглашал, однако для грубой оценки можно ориентироваться на озвученную российским руководством цифру прямых убытков «Газпрома» от недопоставок топлива в европейские страны – 1 млрд. долл. и на размер иска, который намеревалось предъявить «Газпрому» правительство Болгарии – 250 млн. долл.

В последнее время появились признаки того, что концерн Е.ОН стремится переориентировать свои внешние связи в ущерб отношениям с российскими партнерами. Руководство концерна заявляло, в частности, об инвестициях в проект по строительству сжиженного газа, а позже – о готовности продать часть своей доли в проекте «Северный поток» французской компании «ЖДФ Суэц».

Трактовки энергетической безопасности в Германии

Переход к расширенной трактовке безопасности в германской политологии произошел с середины 90-х годов. Энергетическая безопасность стала рассматриваться как часть экономической, которая, подобно экологической безопасности, входит в систему универсальной, всеохватывающей безопасности (*umfassende Sicherheit*) (16). При всей значимости энергетики, более важной целью внешней политики в сфере благосостояния германский МИД считает поддержку внешнеэкономической деятельности путем создания благоприятных условий для развития экспорта, поскольку четверть национального дохода страны создается за счет экспорта

товаров и услуг, а каждое пятое рабочее место в стране связано с внешней торговлей. Критикуя внешнеполитическое ведомство за пренебрежение проблемами энергетической безопасности, некоторые германские эксперты приводят в пример Великобританию и Нидерланды, где документы программного характера, относящиеся к энергетике, были приняты на государственном уровне соответственно в 2004 и 2005 гг. (24, с. 355–356). С учетом роли России в энергоснабжении Германии конфликтные ситуации вокруг российского экспорта энергоносителей (с Украиной 2006 и 2009 гг., с Белоруссией 2007 г.) существенным образом сказались на выработке германской стороной позиции по вопросу об энергобезопасности.

Недостаток стратегических программных документов к настоящему времени частично восполнен принятием «Интегрированной программы федерального правительства в сфере энергетики и защиты климата» (декабрь 2007 г.) и «Отчета федерального правительства о стратегии на нефтяном и газовом рынках» (ноябрь 2008 г.), а также на уровне федерального министерства экономики и технологий – доклада проектной группы по программе в области энергетической политики «Эффективность, прозрачность, конкуренция. Надежная и доступная по цене энергия для Германии» (август 2008 г.).

Как представляется, применительно к Германии целесообразно различать несколько трактовок энергетической безопасности: официальная правительственная; отдельных политических партий; экспертные трактовки. Очевидно, что с точки зрения двусторонних связей основное значение имеет официальная концепция. Позиции политических партий, безусловно, важны в тех случаях, когда они оказываются у власти; внимание к энергетической тематике более явно выражено со стороны ХДС / ХСС и партии Зеленых. Экспертное сообщество чутко реагирует на изменения политической атмосферы, нередко предвосхищая грядущие перемены официального курса. При этом идеи, высказываемые экспертами, как правило, дают возможность принятия на политическом уровне альтернативных решений, открывающих путь для реализации одного из вариантов развития, не обязательно оптимального по совокупности приносимых им экономических и политических результатов.

Что касается бизнеса, то выработка стратегии поведения на рынке в значительной степени зависит от политических решений, принимаемых на государственном уровне. Так, в настоящее время приняты изменения в налоговом законодательстве, которые фактически блокируют частные инвестиции в инфраструктуру, поскольку после уплаты налогов трубопроводы будут приносить только 5% доходов, что не отвечает ожиданиям инвесторов, тем более с учетом колоссальных размеров этих инвестиций, их долгосрочности и связанных с ними рисков. Другой пример –

комплексные меры со стороны государства, которые побуждают домовладельцев к отказу от подключения своих домов к газовым распределительным сетям. С точки зрения охраны окружающей среды природный газ представляет собой самый чистый вид топлива, в отличие от биомассы, дров и прессованных отходов деревообработки, которые по действующему законодательству относят к «экологическим видам». Очевидно, под флагом экологии делается попытка найти альтернативу импортному природному газу. Наконец, примером международного политического сопротивления реализации экономически целесообразного проекта представляется ситуация с трубопроводом «Северный поток»: ввиду экологических требований со стороны государств бассейна Балтийского моря стоимость трубопровода выросла почти вдвое.

Федеральное правительство об энергетической
безопасности Германии

Будучи нетто-импортером энергоресурсов Германия в трактовке понятия энергетической безопасности делает акцент на надежное снабжение энергоносителями. Согласно официальной позиции правительства (20), энергетическая политика должна дать ответ на вопрос о способах надежного долгосрочного обеспечения энергией, при условии, что поставки энергоресурсов должны осуществляться по доступной цене и не наносить ущерб окружающей среде.

В теории этот подход представляет собой рациональную экономическую базу для сотрудничества в области энергетики с Россией: определены не только основное направление этих связей по линии поставщик-потребитель, но и перспективы сотрудничества в области технологий, обусловленные экологическими требованиями по организации добычи, транспортировки и конечному использованию энергоресурсов. Большим достоинством немецкой трактовки энергобезопасности представляется тенденция к сдерживанию излишней политизации в обсуждении энергетических проблем. Федеральный канцлер Ангела Меркель, в целом сдержанно настроенная в отношении российско-германского сотрудничества, в данном случае проявляет прагматизм, основанный на готовности отстаивать экономические интересы Германии. Например, газопровод «Северный поток», по словам канцлера, представляет собой глобальный проект европейского масштаба, в равной степени отвечающий интересам энергобезопасности всех государств на европейском континенте (7). По мнению вице-канцлера, министра иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайера, энергоносители «не должны превращаться в валюту для международных отношений» (22). Целью внешней политики и политики безопасности Германии в области энергетики

министр считает снижение односторонней зависимости, создание кооперативной системы энергобезопасности, основанной на многостороннем диалоге участников, представляющих разные группы интересов: страны-импортеры; страны-экспортеры; государства, обеспечивающие транзит; бизнес.

Непосредственно после своего прихода к власти правительство большой коалиции, по инерции еще допускавшее существование «стратегического партнерства» с Россией, указывало на важную роль энергетики в отношениях с Россией, которая «является важным поставщиком энергоресурсов; необходима для решения многих международных проблем; исторически и культурно относится к Европе... стремится стать демократическим государством» (11).

Существенное влияние на разработку национальной стратегии в энергетической сфере оказывает позиция Европейского союза. Очевидно, что при наличии высокой степени вовлеченности в европейские структуры и даже претендуя на роль «мотора европейской интеграции», Германия не может себе позволить идти на обострение продолжающегося с 2001 г. конфликта по вопросу об энергетической политике с Европейской комиссией. Самая сложная проблема заключается в том, что при обсуждении спорных вопросов энергетической политики Германия зачастую оказывается без поддержки со стороны других членов ЕС, тогда как ей противостоит сплоченная группа стран. Типичный пример – обсуждение в октябре 2008 г. так называемого «взаимного ограничительного условия». Речь идет о способах защиты от крупных компаний из стран, не входящих в ЕС, которые стремятся получить доступ к распределительным сетям на территории ЕС (т.е. фактически от «Газпрома»). Польша и страны Балтии внесли предложение, которое предусматривало использование права вето на инвестиции третьих стран, если в ответ они не дают гарантий по предоставлению доступа на свой внутренний энергетический рынок. Германия выступила за ослабление этого условия, в результате чего была принята расплывчатая формула, согласно которой для предоставления доступа компаниям требуется «политическое единство» внутри ЕС.

Другой пример – попытка федерального канцлера добиться поддержки проекта «Северный поток» после завершения январского (2009) конфликта между Россией и Украиной. Послание А. Меркель Ж.-М. Баррозу и М. Тополанеку с предложением равной поддержки двум трубопроводным проектам – «Северному потоку» и альтернативному ему «Набукко» – было негативно встречено традиционными оппонентами Германии в вопросах энергетической политики – Польшей, Швецией и странами Балтии. Польский министр по делам европейской интеграции М. Довгилевич указал, что газовый конфликт между Россией и Украиной подтверждает важность

диверсификации импортеров и сокращение зависимости ЕС от России. Ранее Польша наложила запрет на финансирование «Северного потока» по линии Европейского инвестиционного банка. Между тем после январского (2009) энергетического саммита в Будапеште по проекту «Набукко» глава этого банка Ф. Мейстадт выразил готовность выделить 25% необходимого финансирования для этого трубопровода, предназначенного для снабжения Европы природным газом в обход России.

ЕК решительно высказывается за диверсификацию импорта, тем самым препятствуя наращиванию объема поставок из России в ущерб прочим поставщикам. Поскольку доля России составляет четверть газа, потребляемого в ЕС и выше трети потребляемого в Германии, ясно, что даже при условии роста энергопотребления (т.е. после преодоления кризиса и сопровождающей его рецессии) ЕК считала бы желательным не рост, а сокращение поставок российского газа для крупнейшей экономики Евросоюза.

Напомним в этой связи исторический прецедент с реализацией проекта «Газ–трубы» между СССР и ФРГ. Поставки газа по трубопроводу Ямал–Западная Европа в рамках этого проекта начались в 1973 г., но в начале 80-х годов, после ввода советских войск в Афганистан и введения военного положения в Польше, правительство США настаивало на отказе Германии от получения советского газа в рамках эмбарго на торговлю с СССР. По воспоминаниям О. Ламбсдорфа, бывшего в то время министром экономики ФРГ, в ходе переговоров с государственным секретарем США А. Хейгом ему пришлось доказывать, что ФРГ не может оказаться в политической зависимости от Москвы из-за поставок сибирского газа. В итоге этих германо-американских переговоров под давлением США был установлен лимит потребления Германией советского газа на уровне 16%.

Концепции политических партий

Консервативный блок ХДС / ХСС – единственная политическая партия, предложившая проект концепции национальной безопасности для Германии, значительная часть которого посвящена энергетике (21). В представлении внешнеполитических экспертов этой партии, с точки зрения европейских интересов обеспечение энергетической безопасности представляет собой задачу такого же уровня, что и защита внешних границ. В документе христианские демократы высказываются за единую политику ЕС по отношению к третьим странам, в частности к России. Кроме того, выдвинута идея формирования в Евросоюзе «культуры энергетической солидарности» для защиты стран Восточной Европы в случаях, когда последние «страдают от произвола российской политики». Для ослабления зависимости от импорта

из России, по мнению авторов документа, ЕС следует наладить более тесные контакты с «кризисными регионами». ЕС в сотрудничестве с НАТО предлагается разработать стратегию защиты уязвимых элементов энергетической инфраструктуры. Обращает на себя внимание, что в разработке данного документа принимал активное участие уполномоченный правительства по вопросам германо-российских отношений и вице-председатель фракции ХДС / ХСС в бундестаге А. Шокенхоф. Значимость для национальной безопасности Германии преодоления зависимости от импорта энергоносителей из России подчеркивает также Свободная демократическая партия Германии (СвДП).

С точки зрения социал-демократов (СДПГ), наиболее важным направлением укрепления энергетической безопасности является оптимизация энергетических сетей. Эту программу поддерживает компания Е.ОН, тогда как РВЕ не изъявляет готовности к ней присоединяться. Для характеристики позиции СДПГ по вопросу энергобезопасности Германии существенным представляется также то обстоятельство, что вице-председатель партии, Ф.-В. Штайнмайер, пожалуй, единственный из германских (если не вообще западных) политиков предпринял попытку объективно подойти к пониманию позиции России в отношении «Энергетической хартии», справедливо указывая, что не только Россия, но и Норвегия не ратифицировала этот документ. Однако и Штайнмайер считал целесообразным выполнение Россией принципов, заложенных в хартии. В этих целях он предлагал интегрировать принципы «Энергетической хартии» в соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС (14).

Требование к России соблюдать принципы хартии включено в документ «Внешняя энергетическая политика “Зеленых”», принятый партией «Союз90/зеленые» в декабре 2008 г. «Зеленые» видят перспективу германской энергетики в окончательном отказе от атомной энергетики и повышении состязательности между энергетическими концернами. С экологической точки зрения, наиболее предпочтительным для энергопотребления представляются возобновляемые источники энергии, а среди традиционных энергоносителей – природный газ. Это предполагает импорт газа не только из России, но и из стран Центральной Азии, хотя режимы в этих странах (прежде всего, в Туркмении и Узбекистане) далеки от европейских демократических стандартов. Впрочем, внутренняя и внешняя политика современной России также является объектом жесткой критики со стороны лидеров «Зеленых».

Для «Левой партии» энергетика – повод обозначить свою социальную ориентированность требованием специальных доплат для малоимущих в условиях финансового кризиса и повышения цен на электроэнергию, а также

выступить против милитаризации сферы безопасности. С момента образования фракции этой партии в парламенте ее представители постоянно единогласно выступали против участия бундесвера в зарубежных миссиях. С точки зрения энергобезопасности, «Левых» тревожит рассмотрение возможности о включении в стратегию НАТО положения о допустимости нанесения превентивного ядерного удара для защиты энергетической инфраструктуры. Политику, которую проводит в сфере энергобезопасности ЕК и за которую выступают консерваторы, «Левая партия» характеризует как проявление общей тенденции к милитаризации внешней политики. «Левые» считают необходимым ведение энергетического диалога с Россией, не увязывая его с требованием ратификации со стороны РФ «Энергетической хартии». Трубопровод «Набукко» они рассматривают как попытку Запада добиться изоляции России (17).

Правые националистические партии (Национал-демократическая партия Германии и Немецкий народный союз) укрепление связей с Россией в сфере энергетики считают выгодным для Германии, потому что таким образом Германия усилила бы свою независимость от внешнеполитического курса США. Подчеркивается взаимная зависимость России и Германии от поставок нефти и газа, которая даже увеличивается для России с ростом доли в бюджете валютной выручки за проданные энергоносители. В то же время правые считают целесообразным укрепление энергетической независимости Германии путем пересмотра закона об отказе от атомной энергетики (24).

Эксперты об энергетической безопасности

В экспертном сообществе присутствуют разные, в том числе противоположные взгляды в отношении путей и перспектив укрепления энергетической безопасности Германии. Можно выделить группы мнений «экономистов» и «политологов». Для первой группы экспертов (среди них – К. Кемферт, Р. Гётц, Х. Энгерер) важен вопрос экономической эффективности обеспечения потребностей Германии в энергоносителях. Новейшие прогнозы потребления (особенно природного газа) сильно расходятся. По некоторым оценкам, основанным на пролонгации тенденции последних лет, к 2020 г. потребность европейских стран в газе возрастет почти на 70% и составит 515 млрд. м³ в год (6); другие эксперты полагают, что потребление газа приостановится на существующем ныне уровне 300 млрд. м³ в год (3). При этом эксперты единодушны во мнении, что Россия и впредь по объективным причинам будет играть важную роль в обеспечении Германии и стран ЕС энергоносителями, несмотря на возрастающее значение других поставщиков. В отношении перспектив российских поставок исследователи обращают

внимание на состояние российских добывающих отраслей, высказывая сомнения в том, что Россия сумеет обеспечить производство необходимого объема сырья с учетом устаревшей инфраструктуры, истощения месторождений при недостаточных инвестициях в разведку новых и т.д.

«Политологи» считают, что вопросы энергобезопасности во взаимоотношениях России с Западом имеют такой же вес, как создание системы ПРО в Европе или прием в НАТО Украины и Грузии: иными словами, это одна из ключевых проблем. Спектр мнений по поводу принципов западной политики достаточно широк. Известный в России политолог А. Рар отстаивает идею, что Запад стоит перед выбором: либо рассматривать Россию как «нарушителя спокойствия» существующего миропорядка и обращаться с ней с применением арсенала средств эпохи «холодной войны», либо, напротив, установить стратегическое партнерство с Россией и вести поиск приемлемых форм сотрудничества. Эксперт не только считает второй вариант предпочтительным, но полагает, что в случае, если США не готовы пойти на такое развитие отношений, это следует сделать ЕС. Рар конкретизировал программу сотрудничества Запада с Россией, содержащую десять направлений, из которых два затрагивают энергетику и являются двусторонними, т.е. без привлечения американской стороны (20, с. 46–47). Одно направление предполагает возобновление на новой основе энергетического альянса с Россией, которое должно гарантировать в долгосрочном плане надежность российских поставок на Запад, обеспечивая в ответ передачу технологий для модернизации российского ТЭК. Другое – связано с разработкой плана модернизации Сибири, который «позволит закрепить стратегическое значение российских ресурсов для будущего процветания Европы». Для предотвращения «трубопроводных войн» предлагается объединение западных и российских энергетических концернов в консорциумы.

Ряд экспертов, напротив, выступают за объединение ЕС для отпора энергетической российской политике. Они поддерживают обвинения в адрес Германии в национальном эгоизме и политической недалекости, высказываемые восточными соседями, и критикуют позицию МИДа как морально устаревшую и даже нереалистичную по отношению к таким проблемным участникам энергетического диалога, как Россия, Китай и Иран (23, с. 371). Иран и Россия обвиняются в намерении использовать энергетическую карту для достижения политических целей, вплоть до шантажа западных стран. Некоторые эксперты настаивают, что не только для Германии, но и для ЕС было бы в высшей степени контрпродуктивно допускать российский бизнес, являющийся проводником политики Кремля, на внутренний рынок ЕС, пока российское правительство препятствует доступу западных компаний к добыче и транспортировке энергоресурсов.

Критика китайской энергетической политики базируется на иных основах, что объяснимо положением этой страны как импортера. Китай обвиняют в том, что в своей внешнеэкономической стратегии он строго придерживается традиционного в международном праве принципа невмешательства во внутренние дела других государств. Энергетическая и сырьевая зависимость Китая от импорта толкает его на связи со странами-изгоями (Бирма, Судан, Зимбабве, Иран). Тем самым Пекин подрывает попытки США и ЕС экономически изолировать эти государства, чтобы вынудить их руководство проводить политические и экономические реформы.

Подобная критика в адрес Китая показывает, что в тезисе ряда германских экспертов о «злополучном смещении политики и энергетики, принятом в России и на Украине» (4), проявляется двойной стандарт. Энергетическая политика западных стран не менее подвержена политическим влияниям; напротив, эти страны, опираясь на свою сильную экономику, могут себе позволить более разнообразное и последовательное применение энергетических рычагов для реализации своих политических целей в разных регионах мира. Данный вывод подтверждается как актуальными событиями, так и историческими фактами. В частности, реализация в 70-е годы прошлого века проекта «Газ–трубы», по воспоминаниям немецких и советских участников событий, рассматривалась как чисто экономический проект в глазах советского руководства, но как политический – среди западных стран. Канцлер Л. Эрхард отвергал саму идею подобного сотрудничества, мотивируя свой отказ тем, что СССР находится в состоянии «холодной войны» с Западом. Канцлер В. Брандт доказывал американским союзникам экономическую и политическую выгоду от реализации проекта, вписывавшегося в его концепцию «Перемены через сближение». Обращает на себя внимание, что при возникновении конфликтных ситуаций, как например, в ходе январского (2009) газового конфликта между Россией и Украиной, именно страны-экспортеры (Россия, Иран, Алжир) призывают Запад отказаться от политизации партнерских отношений в продаже / покупке энергоносителей.

Принимая во внимание множественность концептуальных подходов, отдельные эксперты считают целесообразной координацию их работы и предлагают создать в Германии специальный орган, например Совет по безопасности, который будет, в числе прочего, заниматься поиском решений, обеспечивающих гармоничное сочетание задач в области энергобезопасности (экономическая эффективность, экологичность, соблюдение прав человека), тем более что они нередко противоречат друг другу. Следующим шагом было бы учреждение на европейском уровне поста «координатора по энергетической безопасности», по-видимому, это предложение косвенно

свидетельствует о том, что Германию не вполне устраивает деятельность Комиссара Европейского союза по вопросам энергетики А. Пиебалгса. Наконец, самая амбициозная задача, которую ставят германские эксперты (9, с. 55): Германия, как страна, потребляющая много энергоресурсов и имеющая экономику, ориентированную на экспорт, вынуждена выступать с внешнеполитическими инициативами для разработки глобальной энергетической политики, и она должна играть ведущую роль в энергетической политике в масштабах Европы и на мировом уровне.

Выводы

Понятие энергобезопасность не является в Германии окончательно сформированным. На его трактовку оказывают влияние как объективные экономические факторы, в первую очередь воздействие глобального финансового и экономического кризиса, так и установки правящих элит. Официальная позиция правительства по вопросам энергобезопасности представляет собой результирующую непрерывно меняющихся условий и амбивалентных в своей основе позиций различных политических сил. Тем не менее в подходе Германии к проблеме энергобезопасности определенно присутствуют некоторые константы. Это прежде всего глубокая интеграция страны в европейские и евроатлантические структуры, предопределяющая основной вектор энергетической политики как части единой политики безопасности в рамках ЕС и НАТО. Очевидно, что Германия располагает инструментами, чтобы влиять на разработку международного соглашения о энергетической безопасности, с предложением о принятии которого выступил Д.А. Медведев, но ее возможности ограничены. Отличительная национальная специфика германского подхода к проблемам энергетики – экологическая составляющая; Германия претендует на мировое лидерство в политике, направленной на борьбу с негативными последствиями изменения климата, и в данном контексте важное значение придает развитию энергетики, базирующейся на возобновляемых источниках энергии.

Воздействие мирового кризиса на энергетическую политику Запада в отношении России, безусловно, будет оказываться, однако предсказать результат, к которому оно приведет, пока сложно. Можно представить себе несколько возможных сценариев. Например, принятие экономически целесообразных решений в условиях жесткой экономии средств и отказ от затратных решений, продиктованных политическими мотивами, отчасти искусственно созданными. Нельзя исключать, что при резком падении цен на энергоносители, сокращении спроса со стороны рецессирующей экономики тематика энергобезопасности постепенно могла бы терять свою актуальность. Однако к настоящему времени энергетические проблемы

настолько глубоко вошли в круг интересов ЕС и ЕК, что было бы нереалистично ожидать внезапного свертывания интереса со стороны европейских структур. Напротив, многие западные, в том числе германские эксперты сходятся во мнении, что Россия будет вынуждена идти на уступки Западу для привлечения инвестиций в свою энергетику. ЕС склоняется к затратным политическим решениям, которые в конечном счете могут увеличить цену на газ для потребителей, в частности, о поддержке газопровода «Набукко».

Проведенный анализ показывает, что в настоящее время оптимальный вариант развития двусторонних германо-российских контактов в области энергетики – умеренно-нейтральный. В Германии нет влиятельных сил, которые выступали бы за масштабное развитие отношений с Россией; в лучшем случае речь может идти об их сохранении на существующем уровне, при котором Германия, вместе с такими членами ЕС, как Италия, Греция и Австрия, не проводит конфронтационной политики в отношении нашей страны. С российской стороны до определенной степени присутствуют завышенные ожидания в отношении германских партнеров. В чем можно быть уверенными, так это в том, что в основе германского подхода к сотрудничеству с Россией в энергетической области лежат и будут лежать прежде всего прагматические расчеты.

Литература

1. «Газпром» и «Рургаз» отметили 30-летний юбилей поставок российского газа в Германию. 10 марта 2003. – <http://www.docload.ru/tehnpadoc/44/44740.htm>.
2. Вступительное слово Президента РФ В.В. Путина на заседании Совета Безопасности 22.12.2005. Роль России в обеспечении международной энергетической безопасности. – <http://president.kremlin.ru/text/appears/2005/12/99294.shtml>
2. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. – <http://www.ln.mid.ru>
3. Сколько газа нужно Европе? – <http://www.dw-world.de>
4. Шорич М. Россия и Украина теряют кредит доверия на Западе. – <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,3917951,00.html>
5. Энергетическая стратегия РФ на период до 2020 года. – http://www.gasforum.ru/concept/strateg_2020.doc
6. A.T. Kearney-Studie untersucht europäische Gasversorgung. – <http://www.atkearney.de>
7. Ausschnitt aus der Pressekonferenz mit Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten Medwedew, 15.08.2008. – <http://www.bundestkanzlerin.de>
8. Braghiroli S., Carta C. The EU's attitude towards Russia: condemned to be divided? An analysis of the Member States and Members of the European Parliament's preferences. – <http://www.jhubc.it>
9. Braml, J. Volle Kraft voraus // Internationale Politik. – 2009. – N 1. – S. 50–55.
10. Deutscher Bundestag 16. Wahlperiode. Drucksache 16/8881, 23.04.2008.
11. Deutscher Bundestag, 16. Wahlperiode, Antrag. Drucksache 16/1570, 19.06.2006.
12. Energiesicherheit 2050. Seminar für Sicherheitspolitik. Bundesakademie für Sicherheitspolitik. – <http://www.baks.bundeswehr.de/fileserving/PortalFiles>

13. Gasfeld Yushno Russkoje: E.ON und Gazprom einigen sich abschließend über Asset-Tausch. – eon.com/de/investoren/news-show-news.
14. Globalisierung ist ein Wohlstandsprogramm. Außenminister Steinmeier im Interview mit der «Wirtschaftswoche» zu den Themen Energie, Globalisierung und europäische Optionen. 22.01.2007. – <http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/de/Infoservice/Presse/Interviews/2007/070122-WiWo.html>
15. Grüne Energieaußenpolitik. – <http://www.gruene-bundestag.de/cms/publikationen/dokbin>
16. Huber, H. Deutsche Außenpolitik vor neuen sicherheitspolitischen Herausforderungen // Deutsche Außenpolitik. Sicherheit, Wohlfahrt, Institutionen und Normen. Hrsg. v. Th. Jäger, Al. Höse u. K. Oppermann. – Wiesbaden, 2007. – 638 S. – S. 71–87.
17. Konsequente Energiewende statt Militarisierung der Energieaußenpolitik. Antrag der Fraktion die Linke. – http://dokumente.linksfraktion.net/drucksachen/7719270441_1608881.pdf
18. Moderne Energieversorgung. – <http://www.bundesregierung.de>
19. Primärenergieverbrauch nach Energieträgern. – <http://www.bmwi.de/BMWi>.
20. Rahr, Al. Kein Europa ohne Rußland // Internationale Politik. – 2009. – N 1. – S. 45–50.
21. Schockenhoff A. Eine Sicherheitsstrategie für Deutschland. – <http://www.cduscu.de>
22. Steinmeier, F.-W. Energie-Außenpolitik ist Friedenspolitik. – handelsblatt, 23. März 2006.
23. Umbach, F. Deutsche Außenpolitik und Energiesicherheit // Deutsche Außenpolitik. Sicherheit, Wohlfahrt, Institutionen und Normen. Hrsg. v. Th. Jäger, Al. Höse u. K. Oppermann. – Wiesbaden, 2007. – 638 S. – S. 364–373.
24. Wetzel, B. Deutsche Energieversorgung in Gefahr? // Nationalzeitung, 19. Januar 2007.

ЧЕЛОВЕК, ИСТОРИЯ, СОЦИУМ

Л.В. Скворцов

ЧЕЛОВЕК В ПАРАДИГМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИСТИНЫ

Скворцов Лев Владимирович – доктор
философских наук, профессор,
заместитель директора ИНИОН РАН.

Воссоздание человеком самого себя в качестве знающего смысл жизни и свою роль цивилизационного субъекта в современной ситуации обретает две основные тенденции. **Во-первых**, это признание абсолютной истины универсальных **нравственных принципов**, призванных оказывать определяющее воздействие на все стороны общественной жизни, в том числе экономику, политику и культуру. Цивилизация с этой точки зрения означает реализацию универсальной нравственной идеи. Конкретной парадигмой такого представления можно считать образ жизни, возникающий на основе последовательной реализации учения пророка Мухаммеда, Корана и Сунны как начала всех начал, заключающих в себе все наилучшее, что может быть в этой жизни и за ее пределами.

Во-вторых, это признание приоритета **фактического успеха** как критерия оценки воззрений, идеологий, теорий, нравственных представлений. Фактический успех во всех сферах жизни – это та **действительная**, а не воображаемая истина, следуя которой человек создает реальный базис цивилизации, имеющей универсальный характер и смысл. Цивилизация с этой точки зрения – это практическая эффективность и целесообразность как истина для всех. Конкретной практически реализованной парадигмой такого представления провозглашается американский образ жизни. Две парадигмы, как знающие себя истины цивилизации, сегодня сталкиваются реально не только в духовной конкуренции и теоретических дебатах, но и в процессе неспровоцированной агрессии, с одной стороны, и в террористической практике – с другой.

Значит ли это, что мир сегодня исчерпывается двумя цивилизационными истинами, ни одна из которых не может отступить от себя самой и встать

на путь, который с ее позиции представляется ложным? Если это так, то тогда современный мир не имеет позитивной перспективы.

Но здесь правомерно поставить вопрос: можно ли считать, что физическое уничтожение или военное подчинение субъекта, знающего **иную** истину, приведет к полному и окончательному торжеству **своей**? Разве истина исчезает вместе с исчезновением ее эмпирического носителя? Обращение к исторической памяти убеждает в том, что это не так. Видение массами цивилизационной истины через призму исторически сложившихся парадигм сегодня сталкивается с такой действительностью, которая в эти парадигмы никак не укладывается. Это, прежде всего, **глобализация**. Адекватный путь глобализации требует соответствующей новой культуры массового самосознания. Это – проблема, которая кажется неподдающейся практическому решению. Однако с аналогичной трудностью сталкивается цивилизация и в условиях становления демократии. Из экономических, политических интересов и культурных предпочтений не возникает общего понимания пути, а значит отсутствует и целостность народа. Поэтому править начинают олигархические группы. Вместе с тем демократические институты позволяют массам оказывать влияние на государственные решения. Для этого каждый гражданин должен осмысленно отвечать на вопросы: кого выбирать в органы государственной власти, как судить людей, работая в судах присяжных, как влиять на депутатов и членов общественной палаты и т.д. Но на чем должен основываться общий вектор их решений – на личной предвзятости или на знании цивилизационной онтологии? В первом случае мы получаем разноречивые мнения; во втором – поворот всех или большинства лицом к общей позиции.

Если принимающие решения руководствуются своими настроениями, то и решения испытывают на себе колебания настроений. Вместе с тем цивилизационный корабль теряет остойчивость. Цивилизационная онтология обеспечивает целостное видение истории. «Попадание» в цивилизационную онтологию превращает прошлое в остро актуальное настоящее, а виртуальное будущее – в реальную силовую составляющую жизни. Цивилизационная онтология – это духовно-интеллектуальное создание, которое и становится ключевым фактором общего самосознания народа как единого целого, предопределяя объективные критерии оценки цивилизационного смысла настоящего и цивилизационной цели будущего. Вне цивилизационной онтологии каждый знает истину бытия как **свое** личное удобство, и в итоге население становится нецивилизованным.

Цивилизационная онтология делает возможным знание цивилизационной истины всеми сразу, создавая характерный согласованный тип массового поведения.

Путь к знанию цивилизационной истины исторически освещали четыре типа целостного видения истории. Два из них являются **идеалистическими**. Это, во-первых, **священная история**, охватывающая рождение человека, явление Бога в человеческом облике и страшный суд, как финал жизни человеческого рода. Во-вторых, это видение истории как диалектического процесса **самореализации мирового разума**, с его начальной и финальной стадиями. Парадигмой такого толкования стала философия истории Гегеля, предрекавшая восходящее историческое движение от свободы одного к свободе некоторых и, наконец, к свободе всех, в которой полная реализация принципа разума сливается с реализацией универсальной нравственности.

Два типа целостного видения истории являются **материалистическими**. Это, во-первых, марксистское толкование истории как прогрессивной смены общественно-экономических формаций от первобытного родового строя до конечной коммунистической стадии. От первобытного коммунизма, вырастающего на природной основе, через эксплуататорские формации к коммунистической стадии, возникающей на высшей технической основе – так видится путь мировой истории с позиций исторического материализма.

И, во-вторых, это толкование целостности истории исходя из веры в неизменную **природу человека**, сочетающую индивидуализм со стремлением к свободе. С этой позиции история видится как переход от искусственного традиционного общества с его диктатурой порядка, установленного «сверху», к естественному обществу, основанному на свободных рыночных отношениях и политической демократии. Всемирное торжество такого общества и означает конец истории, предсказанный Фукуямой.

Очевидно, что все четыре типа видения целостности истории носят экуменический характер и в этом смысле охватывают как прошлое, так и будущее всего мира. Однако, как оказалось, они не дают ответа на те вопросы, которые встали перед современными цивилизациями в их сложном глобальном переплетении. И в этом заключается исток нарастающего духовного кризиса. Четыре парадигмы **создают иллюзию**, что они содержат в себе **знание** уходящих в бесконечность прошлого и будущего. Обнаружение иллюзорности этого знания порождает нарастание теоретического скептицизма. Теоретический скептицизм сопряжен с распространением духовного нигилизма, который в свою очередь совпадает с проявлениями в обществе внутреннего ожесточения, являющегося симптомом неспособности человека найти решение загадки цивилизационной истины.

1. Загадки цивилизационной истины.

Человек исторически сталкивается с загадками цивилизационной истины. Вопрос, заданный Христу Понтием Пилатом «Что есть истина?», отражает

эту загадочность ситуации. Истина стояла перед Пилатом в своем эмпирическом воплощении, однако странным образом Пилат видел и вместе с тем не видел ее.

Казалось бы нет ничего проще истины. Истина есть то, что есть, некая эмпирическая очевидность. Однако цивилизационная истина кажется уникальной. В этой уникальности она и сакрализуется. Каждая цивилизация следует своим сакрализованным истинам, которые полагаются незыблемыми как вечность. Значит ли это, что универсальной истины не существует? Если ее нет, то ставятся под сомнение вечность и сакральность региональных истин. Они – лишь локальное **мнение**.

Вместе с тем очевидно, что исторически региональные истины через взаимодействие цивилизаций превращаются в мировые. Однако и здесь их поджидают свои парадоксы. Исторически возникающие универсальные истины, такие как «не убий!», «не лжесвидетельствуй», «не делай другому того, что не хотел бы чтобы другие делали тебе самому», кажутся очевидными, сосуществуют друг с другом, но не являются составными частями единой логически последовательной системы. В силу этого оказывается, что универсальные истины, казавшиеся очевидными, «побивают» друг друга. Это не признак гносеологической ограниченности прошлого. Эта ситуация характеризует и реалии настоящего.

В качестве примера можно привести возникшую в наши дни ситуацию, столкнувшую в казалось бы неразрешимом противоречии универсальный принцип нерушимости целостности государства, с одной стороны, с фактической реализацией самоопределения нации, вышедшей из состава данного государства и создавшей собственное государственное образование, – с другой.

Как в этом случае должен решаться вопрос о **международном признании** нового государства? Как разрешается парадокс несовместимости двух универсальных истин? Он разрешается путем отсыла к смыслу истины онтологии возможного будущего.

При выяснении ситуации отделения и обнаружении, что нахождение в составе прежнего государственного целого чревато физическим истреблением народа, реализация права на самоопределение и образование самостоятельного государства должна быть признана легитимной. Так произошло в случае признания Россией таких государственных образований, как Южная Осетия и Абхазия. Цивилизационные парадоксы, возникающие в контексте последовательности глобальной политики, могут казаться явлением исключительным.

Однако повседневный логический стресс, возникающий при принятии решений, свидетельствует о том, что ситуационная парадоксальность имеет в своей основе как политические, так и более общие цивилизационные

основания. Эпистемическая традиция в качестве неперменного условия легитимности истины полагает логическую последовательность. Если «А» вы полагаете истиной, то «не-А» есть отрицание истины. «Не-А» как истина может быть только странным исключением, признаваемым в качестве такового в силу экстремальных обстоятельств. Но как быть с эпистемической традицией, если феномены, считавшиеся исключительными, обретают массовый характер. Что в этой ситуации имеет эпистемический приоритет – принцип или фактическая специфика ситуации?

Возникали ли подобные ситуации в историческом прошлом, и получали ли они методологическое осмысление? Подобные ситуации возникали в переломные эпохи. Переломная эпоха меняет «правила игры». Исходные принципы, полагавшиеся критерием истины, превращаются в не-истину. Соответственно изменяются кардинальным образом основания оценки истинного и неистинного в цивилизационном смысле. Вместе с этим процессом происходит изменение цивилизационного субъекта. Прежний субъект утрачивает роль носителя нравственной истины. Его место занимает новый субъект, с новым пониманием оснований истинной нравственности. Однако как понимать современную ситуацию, когда процесс глобализации приводит к эрозии прежнего цивилизационного субъекта. Значит ли это, что его место должен занять не цивилизационный, а какой-то иной субъект? И может ли прояснить эту ситуацию исторический опыт?

Особый интерес в этом контексте представляет опыт Европы, где происходили кардинальные цивилизационные перемены.

Для европейского самосознания характерны кардинальные духовные события, послужившие началом смены «правил игры».

Одним из главных таких событий была эрозия абсолютных оснований католической веры. Тараном католической веры стал гуманизм эпохи Возрождения. Средневековая Европа опиралась на последовательность нравственной логики. Эта последовательность определялась сакральным характером заветов Священного писания. Эти заветы в силу их божественного происхождения, казалось бы, не могли подвергаться сомнению. Вместе с эрозией сакральной традиции возникает, однако, повседневное нарушение последовательности нравственной логики. Заветы Священного писания стали корректироваться разумом самого индивида, который брал **на себя** функцию судьи и нравственного авторитета. С утверждением иронии разума наступает эпоха **духовного плюрализма**. А это – путь к цивилизационному хаосу.

В этом контексте и следует оценивать ту фундаментальную задачу, которую решала философия, превратившаяся из служанки теологии в автономную духовную силу, способную нейтрализовать угрозу

нравственного хаоса, разъедающего подобно ржавчине несущие конструкции цивилизации.

В лоне философии был сформулирован категорический императив, провозглашающий в качестве истины норму нравственного поведения, которая способна становиться общим законом. Философия провозгласила человека в качестве цели, а не только как средства достижения цели. Тем самым философия, и в этом историческая заслуга И. Канта, поставила духовный заслон макиавеллизму, возродив к жизни традиционное нравственное требование не делать другому того, что не хотел бы, чтобы делали тебе. Философия также предложила в качестве критерия нравственности считать такое действие, которое приносит наибольшее благо наибольшему количеству людей. Ни моральные формулы кантианства, ни соединение утилитаризма с альтруизмом, предложенное Иеремией Бентамом, не выводились из опыта. Они декларировались как очевидные истины. На основе философской веры и происходило формирование нового цивилизационного субъекта и новой цивилизационной онтологии, соединяющей истину прошлого с истиной настоящего и будущего.

Философская вера – исходное основание новой логики, принятия универсальных принципов разума в качестве очевидных истин, определяющих последовательность принимаемых практических решений. Именно эта логическая последовательность и воспринималась как свидетельство истины; нарушение логической последовательности становилось знаком беспринципности, а значит ошибочности практического решения.

В сущности это было приложение философского догмата к секулярному знанию. Казалось, что в этом приложении преодолевались противоречия догматов религиозных конфессий и открывался беспрепятственный путь торжества разума во всех сферах жизни человека.

Но, как оказалось, философия двинулась тем же путем, которым шла и религия, требовавшая от своих адептов неукоснительной последовательности. «Кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, – говорил Иисус Христос, – тот малейшим наречется в Царствии Небесном»¹.

Прослеживается связь логики философской веры с ригоризмом Откровения. Парадоксальным образом именно этот ригоризм и ставил под угрозу исторически сложившиеся структуры жизни и общественных отношений.

1. Мф. 5:19.

Так, нравственное совершенство, по определению Иисуса Христа, требует следовать максиме: «пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за мной»².

«Я говорю вам: Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас»³. Последовательная реализация таких нравственных требований влекла за собой разрушение оснований успеха в реальной исторической жизни. Как оказалось, и философская последовательность таила в себе неизбежность социальных катаклизмов. Так, эпоха Просвещения опиралась на философию разума, требовавшего последовательной реализации универсальных принципов справедливости, свободы, равенства и братства. Хотя истинность этих универсалий постулируется и кажется совершенно очевидной, однако их практическая реализация порождает трагические для человека последствия. Символом этих последствий стала **гильотина**. Отделяя головы людей от их туловища, гильотина вместе с тем отделила и общий знаменатель универсалий от их числителя.

С парадоксами последовательности гуманитарного знания пришлось столкнуться и в XX столетии. Так, последовательная практическая реализация основополагающих принципов «единственно верной» научной теории общественного развития – принципов военного коммунизма в экономике

и классового принципа в политике – вынуждает осуществлять коррекцию: в экономике – это НЭП, в политике – использование буржуазных специалистов на основных участках общественного руководства.

Характерно, что и последовательная реализация принципов неолиберализма в жизни России в 90-е годы XX в. привела к экономическому, социальному и демографическому кризису. Не значит ли это, что цивилизационная истина предполагает при последовательности принципов религиозной и философской веры допущение несоответствия эмпирии действительной жизни этим принципам. Здесь возникает феномен «мерцающей истины». Если принципы веры истинны абсолютно, то тогда эмпирия жизни неистинна. Если же эмпирия жизни – это и есть абсолютная истина, то тогда неистинны принципы религиозной и философской веры.

Проблема понимания мерцающей истины и встала во весь рост в современной ситуации, столкнувшейся с «сюрпризом» прогресса.

2. «Сюрприз» прогресса.

За лежащим на поверхности противоречием между цивилизационными традициями и процессом глобализации вызревает беспрецедентный цивилизационный парадокс. Этот парадокс образуют два события:

2. Мф. 19:21.

3. Мф. 5:44.

утверждение в современном мире доминанты произвола как следствия абсолютизации

свободы и одновременное формирование глобальной информационно-технической инфраструктуры, в которой нивелируется роль свободного выбора. Так возникает **неопределенность онтологии цивилизационного будущего**. Утверждение права человека на неограниченность его свободы означает и право не следовать тем обязательным правилам, которые устанавливает для человека общество. Но если человек признает необходимость общих правил общества, то он должен согласиться с ограничением своего права на свободу. Однако в конечном счете это означает утверждение информационного контроля над человеком во всех сферах его жизни.

Онтология будущего как неограниченность свободы личности и онтология будущего как утверждение всеобъемлющего информационного контроля над человеком в своем взаимном отрицании превращают истину в некий фантом. Истина бытия человека оказывается **невыразимой**. Это значит, что с точки зрения разума человек не в состоянии овладеть ситуацией своего бытия. Не этим ли объясняется нарастающая иррациональность поведения современного человека?

Время современной цивилизации – это время распятия человека на кресте, который образует историческая вертикаль нравственного произвола и горизонталь современного технологического детерминизма, лишаящего человека возможности собственного выбора.

Можно ли снять человека с этого креста? Если да, то как это возможно сделать: идти ли путем возрождения традиционных цивилизационных констант или последовательно продолжать движение к тотальной компьютеризации и рационализации жизни?

Вопрос может быть поставлен еще более определенно: возможно ли нравственное возрождение и возрождение гармонии человеческого духа и необходимо ли оно вообще в ситуации тотальной, компьютерной рационализации? Если все правильные решения просчитываются и задаются в компьютерных программах, то зачем учить и научать человека традиционным моральным и цивилизационным нормам? Возникающий цивилизационный парадокс подталкивает к заключению, что следует исходить из допущения, согласно которому XXI век – это радикальный разрыв с традицией, век формирования принципиально нового цивилизационного мира. Современная цивилизационная ситуация ставит человека перед бесконечным рядом новых вопросов, на которые он должен давать ответ, если не хочет стать жертвой стихийного течения событий.

Бытуют рассуждения о науке XXI века – говорится о физике, биологии, информатике. Но мало кому приходит в голову, что судьба человека заключена не в кварке, не в клоне и не в чипе, а в расшифровке современного

цивилизационного порядка. Методологическая проблема гуманитарного знания в ситуации цивилизационного парадокса оказывается проблемой адаптации к теоретически невыразимой ситуации. Гуманитарное знание ставит задачу приближения к такому решению ключевых жизненных проблем, которое в теоретически невыразимой ситуации позволяет **сохранить человека и сохранить базисные структуры цивилизованной жизни.**

И эта проблема относится не только к очевидным глобальным аспектам современной международной жизни, но и к повседневным заботам человека, в том числе и к его главной **озабоченности своей жизнью и своей смертью.**

Невыразимость общей истины бытия современного человека подталкивает индивида к признанию уникальности своей ситуации, которая не измеряется общими правовыми нормами и нравственными принципами. В океане жизни человек не имеет духовного компаса. Он теперь считает самого себя тем философом, который постигает **свою** истину и начинает осознавать силу индивидуального сознания. Но в чем заключается **действенная** сила индивидуальности сознания? Эта сила состоит в «открытости» личной философии, которая не признает принудительной силы общих принципов и правил жизни. «Открытая» философия позволяет избегать неразрешимых противоречий между принципами, которые считаются воплощением нравственной и правовой истины, и ситуационными потребностями человека здесь и теперь. Так, например, в условиях, когда общество сталкивается с массовым производством контрафактной продукции, человек, получая эту продукцию, поддерживает нелегитимную экономическую деятельность. Это безнравственно. Но с другой стороны, он в своей контрафактной одежде чувствует себя удовлетворенным и равным тем, кто имеет финансовые возможности приобретать дорогостоящую неконтрафактную продукцию. Должен ли он отказываться от этого чувства? Ведь сохранение этого чувства – одно из условий социальной удовлетворенности.

В условиях массовой коррумпированности чиновничества реальный человек, решая свои проблемы в структурах власти, вынужден считаться с особенностями нравственных ориентаций чиновников. Если он не считается с этими особенностями, он не достигает успеха в решении своих жизненных проблем. Давать взятку – аморально. Но неспособность решать практические вопросы – удел неудачника. Как определить правильность выбора в этой ситуации? Тупиковые ситуации выбора возникают не только для каждого отдельного индивида, но и для общества в целом. Так, в современной ситуации наблюдается массовое бесплатное присвоение результатов интеллектуальной деятельности, научно-технических открытий, брендов. Как оценивать такое присвоение, как ограбление, воровство, или сегодня нужны какие-то иные, новые квалификации?

Беспрецедентное производство, распространение и потребление наркотических веществ ставят под угрозу интеллектуальное и физическое здоровье наций. Значит ли это, что производство и потребление наркотических веществ должно быть повсеместно запрещено? В медицине использование наркотических веществ санкционировано законом. Как определить границы легитимного и нелегитимного потребления наркотиков? Перед этой проблемой оказалось современное право.

В сфере политической жизни наблюдается успешное восхождение к вершинам власти фигур, которые являются своего рода концентрированным воплощением высоконравственной риторики и цинизма. Как должно вести себя общество, когда возникает ситуационная потребность в увековечении памяти таких фигур? Поскольку общество перестает давать свои убедительные и однозначные ответы на такие вопросы, обеспечивая сохранение верности принципам и не подавляя интересы человека, то появляются группы индивидов, демонстративно противопоставляющие свой стиль жизни общественным вкусам. И это – не просто демонстрация приверженности к экстравагантной моде. Это – философия протеста против двоемыслия жизни в условиях цивилизационного парадокса.

Противоречивость ситуации и невыразимость определения правильного решения особенно отчетливо проявились в контексте современных проблем медицины и генетики, проблем эвтаназии, аборт, использования человеческих органов для их пересадки, клонирования и т.д.

С точки зрения традиционной морали, аборт должен рассматриваться **как убийство**, а значит как нарушение священной моральной заповеди. Однако запрещение аборт влечет за собой серьезные негативные последствия: возникновение массовых аборт без необходимого медицинского сопровождения, болезни и смертельные случаи среди женщин. Казалось бы, «открытость» личной философии позволяет «умыть руки», спрятаться за принципом личной свободы. Каждый должен сам находить решение для самого себя, отвечать за самого себя. Но тогда зачем нужны мораль и право? С позиций философии Просвещения принцип свободы является безусловно истинным в принятии человеком решений относительно самого себя, своей судьбы. Однако с какого возраста начинает в полной мере действовать этот принцип? Можно ли отнести его к ребенку или юноше, которые не имеют достаточных научных знаний и жизненного опыта и не способны принимать, с точки зрения взрослых, затрагивающие их судьбу, правильные решения? Можно ли считать принцип свободы адекватным феномену эвтаназии? Разве человек сам дарует себе жизнь и поэтому может ею распоряжаться по собственному произволу? Если это не так, то он пытается объявить себя хозяином имущества, которое ему не принадлежит. Медицинское сообщество как и общественность в целом не может

однозначно остановиться на каком-то одном определенном решении. С нравственными трудностями современный человек сталкивается и в истолковании своих отношений с миром животных и природой в целом. С одной стороны, безусловной истиной для человека является сохранение природы как той колыбели, в которой он родился и в которой только и возможна его жизнь, а с другой – жизнь человека «питается» уничтожением природы. На заре Просвещения существовала вера в то, что все так называемые «неразрешимые» вопросы могут быть решены путем реализации все более совершенных научных исследований. Однако по мере расширения масштабов воздействия человека на Природу нахождение ответа на возникающий вопрос путем совершенствования научных изысканий в отдельных областях кажется уже недостаточно продуктивным.

В конечном счете, все такого рода проблемы упираются в разрешение главного парадокса бытия современного человека. Поскольку человек не знает путей его разрешения, он начинает «плыть по течению». Куда несет человека это течение? Это течение несет человека к «открытой» философии, ко все более широкому противостоянию общественным вкусам и обществу в целом, как якобы **равнодушному** к мучительным нравственным проблемам, формально следующему нравственным нравоучениям, но не способному сохранять верность им в действительной жизни. И в этом потоке, который становится все более коллективным, происходит элиминация константной сущности «Я». «Я» становится моментом, адекватным динамике изменяющихся ситуаций, *настоящим*, так что ни прошлое, ни будущее, «уже» или «еще» не есть «Я». О личности уже нельзя говорить логически последовательно и определенно, она становится неуловимой и исчезающей. Это не значит, что на нее перестают действовать духовные факторы. Их действие формирует постоянное внутреннее противоречие человека. С одной стороны, на человека продолжают действовать постулаты нравственных и цивилизационных традиций. Они в своей совокупности образуют требования **совести**. Следование этим требованиям приносит невыразимые духовные страдания и заводит человека в тупик. Но, с другой стороны, следование влиянию случайного стечения обстоятельств приводит человека к осознанию самого себя как **бессовестного существа**. Рожденные цивилизационным парадоксом нравственные противоречия создают угрозу духовного разрыва современного человека, толкающего его к патологии рассудка. Болезненный интерес современной культуры к вопросам психиатрии имеет под собой определенную цивилизационную почву.

С этим связан и поиск альтернативы традиционному пути нравственного формирования человека.

3. Альтернативный путь.

С точки зрения гносеологической, необходимость альтернативного пути вытекает из невозможности решения жизненно важных практических задач, опираясь на традиционную логику. Принимаемое решение, с точки зрения традиционной логики, либо следует принципу добра, либо несет зло, либо является истинным, либо ложным. Последовательность, опирающаяся на эту логику, заводит в конечном счете в тупик.

Так, например, очевидными условиями истины добра должны считаться сохранение жизни и сохранение природы как условия сохранения жизни. Одно добро не может существовать без другого. Сохранение жизни, однако, связано с обеспечением человека полноценным питанием, в том числе белковой пищей, а значит и с потреблением мяса. Если допускается мясная пища и в то же время считается необходимым для человека стоять на страже сохранения животного мира, то тогда вырабатывается особая политика убийства животных, которая в то же время не ведет к исчезновению стада. Скотобой-

ня – это практическая реализация такой политики. Но эта политика предполагает «странную» логику, обеспечивающую достижение истины. Реальное поведение следует логике кажущегося абсурда: «убийство и сохранение», «и да – и нет». Но ведь «да» логически исключает «нет», а «нет» исключает «да». Требуется либо изменение рациональных законов логики, либо специфическая иррациональная интерпретация истины. Аналогичные проблемы возникают при изготовлении прекрасной и удобной верхней одежды человека из шкур животных. Как в отношении человека к миру животных, так и в отношении к осуществлению боевых операций в ходе войны начинает действовать какая-то особая, «странная» логика, соответствующая парадоксальности ситуации человека. Объяснение этой логики можно найти в представлении о «равенстве вещей». Существование добра обусловлено реальностью зла. Если существует истина, то должна существовать и не-истина. В этом смысле добро и зло, истина и не-истина в равной степени являются составляющими бытия человека. Признавая эту двойственность бытия, нельзя не признать и того, что в этом признании заключается духовная угроза. Если для индивида не существует превосходства добра над злом, истины над не-истиной, то результат выбора можно полагать субъективным. С точки зрения бесконечности универсума, все итоги выбора также можно считать **безразличными**.

В этой гносеологической ситуации сохранение цивилизации предполагает исключение индивида из процесса принятия решения. В противном случае будет нарастать вал нарушений правовых и нравственных норм.

Однако как это возможно в условиях современного цивилизационного парадокса?

Для этого природу решений следует истолковывать не как нравственную, а как имеющую рациональный смысл в соответствии с критерием полезности. В этом случае индивид должен признать, что современный суперкомпьютер всегда выдает наиболее полезное решение, основанное на экспертном знании и рассмотрении всего многообразия возможных комбинаций. В ситуации цивилизационного парадокса необходима **логика не человека, а информационной машины**. Безоговорочно принимая эту логику, человек может выбраться из тупиков логических и нравственных противоречий. Тот факт, что огромные массы людей становятся жертвами информации, свидетельствует о том, что компьютер воспринимается как кардинальное решение казавшихся неразрешимыми духовных проблем. Человек получает искомый ответ на ключевой вопрос своей жизни.

Вера в универсальную рациональность компьютерной логики влечет за собой тотальную компьютеризацию и исключение индивидуального разума человека из механизма принятия решений. Человек должен получать готовые решения, думая при этом, что принимает их сам. Как представляется, создание и повсеместное внедрение рациональных программ в отношении основных аспектов жизни человека и принятие решений могут обеспечить новую рационализацию личного и общественного бытия, новый механизм социального управления. Таким образом, можно говорить о новой стратегии жизни. Эта стратегия позволяет «устранить» казавшиеся неразрешимыми нравственные проблемы. Это и есть исходное основание практической **философии**, определяющей общий тип социального поведения. Старая философия, допускающая различное толкование исходных оснований бытия, становится препятствием на пути создания нового мира. Эта новая философия будет означать радикальный слом исторической традиции. В условиях глобализации в масштабах всей планеты должен начаться всеобщий процесс отмирания цивилизационной памяти. Как кажется, она становится ненужной и даже вредной. Цивилизационная память кажется вредным явлением, поскольку для «гладкого» решения современных проблем сознание должно находиться в состоянии *tabula rasa*, «чистой доски», на которой можно начертать любые тексты. Машина не может и не должна иметь нравственного контроля со стороны религии и философии.

Обозначившаяся тенденция порождает тип поведения людей, для которых не существовало культуры Египта, Греции, Рима, культуры Европы.

Они внутренне чужды религии и философии, которые ставят человека перед вечными проблемами смысла. Определение смысла ведет к расколу сознания, утверждению и отрицанию и в этом вечном движении происходит соприкосновение с цивилизационной истиной. Однако однозначная определенность компьютерной логики как раз и не терпит этих

колебательных движений: истина должна быть однозначной и неколебимой как скала. С этой точки зрения можно в полной мере оценить рожденную еще в XIX в. пророческую формулу министра Ширинского-Шихматова: «Полезность философии не доказана, а вред от нее возможен». Если раньше философию «успокаивали» тем, что превращали ее в служанку теологии, то теперь она должна обслуживать торжество информационных технологий. И это должно обеспечить социальную стабильность.

В этой ситуации оказывается необходимым новый взгляд человека на самого себя. Представления о человеке как уникальной личности и высшей цели оказываются неадекватными. Происходит практическая реализация идеи, высказанной еще в 1841 г. в «Исповеди или Собрании рассуждений доктора Ястребцева», который утверждал, что «не разнообразие, не усиление личной индивидуальности, а единообразие, истребление личности должно быть следствием совершенства для человека; ибо дух человеческий один, свойства его одни»⁴.

Эрозия цивилизационных и личностных различий превращает каждого индивида в средство практической реализации общих информационных правил. Всеобщий характер этой ситуации лишает смысла такие личностные индивидуальные нравственные категории, как любовь, дружба, верность, которые оказываются за **границами общих правил**. Человек открывает для себя ту истину, что использование идентичного программного обеспечения и возникающее в итоге компьютерное интеллектуальное и нравственное тождество вовсе не означают цивилизационного братства в реальном социальном смысле. Реальное братство предполагает *самопожертвование* и умение видеть в нем знак духовного величия.

Эволюция цивилизации создала в человеке качества **самосознания и свободы**, которые стали его «второй природой». На основе этой «второй природы» человек открывает в эмпирически данных реалиях **абсолютное** для себя. Открытие абсолютного коренным образом изменяет осознанный тип поведения человека и соответственно тип детерминизма. Человек оказывается способным действовать вопреки своей естественности. Но эта способность действовать **вопреки** относится и к компьютерной рационализации.

В этой способности проявляется реальность «Я» самости, знающей абсолютные ценности, без которых человек открывает себя как носителя **нравственной пустоты**. Осознание угрозы нравственной пустоты и утраты самого себя как личности порождает тенденцию возрождения традиционных ценностей. Таким образом, снятие цивилизационного парадокса путем

4. Цит. по: Густав Шпет. Очерк развития русской философии. I. М. РОССПЭН, 2008 г. – С. 320.

признания реальности только одной информационно-компьютерной его стороны оказывается мнимым решением проблемы. Несостоятельность альтернативного пути означает обострение концептуального аспекта проблемы. Какой путь следует признать ведущим к цивилизационной истине, если онтология прошлого, ориентирующаяся на традиционные цивилизации, теряет свое влияние, а онтология будущего не может найти точку своей опоры? Современные концепции отражают неопределенность толкования того направления, которое ведет к пониманию истины бытия.

4. Современные концепции.

Современные концепции, как правило, предлагают идти путем **здорового смысла**. Что это означает? Это означает стремление найти методологическую основу здорового решения возникающих противоречий путем сочетания традиционных нравственных ценностей с рациональными правилами жизни информационного общества. С одной стороны, нравственные константы, сформированные в рамках традиционных конфессий, как и универсалии Разума, открытые философией, и сегодня оказывают влияние на общественное сознание. Но и влияние инфраструктуры информационного общества нарастает и все более определяет поведение человека. В этой ситуации представляется продуктивной взаимная коррекция доменов традиционной культуры и новой культуры информационного общества. Но для этого необходима теория такой взаимной коррекции, в результате которой возникает приемлемое решение кажущихся тупиковыми проблем.

Эта ситуация все чаще привлекает внимание философов и культурологов. Как отмечает Кари Гвен Коулмен, существует точка зрения, что современная ситуация требует радикального пересмотра сложившихся этических подходов и создания новых этических структур⁵. Существует и такая точка зрения, что необходимы умеренные изменения, касающиеся создания новой этической теории, новых моральных ценностей, нового понимания достоинства. Однако никто конкретно не формулирует, в чем состоит сущность этой структуры и этой теории. А без этого нельзя сказать, можно ли считать новые этические орудия адекватными для решения возникающих задач⁶.

Коулмен анализирует точку зрения Тавани, отстаивающего необходимость пересмотра методологической схемы, которая использовалась в прикладной этике. Традиционный методологический подход ограничивал

5. См.: Kari Gwen Coleman. *Casuistry and Computer Ethics // Meta philosophy. Vol. 38, N 4, Oxford, July 2007. – P. 474.*

6. Там же.

себя формами разрешения противоречий уже давно известных, повторяющихся случаев и конкретных практик жизни.

Теперь же, считает Тавани, необходимо такое расширение методологии, которое облегчает решение морально неочевидных или морально трудных для понимания, ранее неизвестных или известных, но воспринимавшихся как «морально нейтральные», проблем⁷. Поскольку вокруг компьютерных технологий возникает путаница, создавая тем самым теоретический вакуум, необходимо прежде всего устранить эту путаницу. А для этого, считает Тавани, необходима такая продвинутая методологическая схема, которая позволит раскрыть определенные нормативные черты, заключенные в самой **кибертехнологии**. Это также может помочь заполнить определенный вакуум, имеющий место в нормативной политике.

Кари Коулмен, однако, считает, что представление, будто продвинутая кибертехнологическая методологическая схема будет лишь «незначительным» расширением традиционной или стандартной модели, является по меньшей мере наивным. Дело в том, что традиционные позиции вовсе не являются адекватным выражением современного морального мышления⁸. Современное цивилизационное мышление, сталкиваясь с неразрешимыми теоретическими противоречиями, нередко склоняется к **антитеоретической позиции**. Одним из вариантов такой альтернативной методологии является обрисованная Джероном Ван ден Ховеном **партикуляристская** или **антитеоретическая** методология. Партикуляризм, как крайняя реакция на традиционализм, фокусирует внимание на **конкретных деталях исторически возникающих случаев**, исключая все (например, принципы), что может сводить отдельные случаи в классы, как якобы сходные или подобные, тем самым устраняя важность особых обстоятельств каждого случая. Если традиционная модель фокусирует внимание на подобиях, часто кодифицируемых в принципах, то партикуляризм – исключительно на отличиях. Однако поскольку, считает Ван ден Ховен, наши моральные суждения включают в себя и принципы, и отличия, то мы нуждаемся в таком методе, который устанавливает их равновесие. И Ван ден Ховен предлагает **метод широкого рефлексивного равновесия**, позволяющий установить баланс общих правил и интуиции относительно частных случаев, полагая приоритетом **соответствие** между нами, а не привилегированное положение одного над другим.

7. См.: Tavani Herman T. «The Impact of the Internet on Our Moral Condition: Do We Need a New Frame work of Ethics?» In *The Impact of the Internet on Our Moral Lives*. Albany: State University of New York press, 2005. – P. 225.

8. Kari Gwen Coleman. *Casuistry and Computer Ethics* // *Metaphilosophy*. Vol. 38, N 4, Oxford. July 2007. – P. 475.

Вместе с тем очевидно, что метод широкого рефлексивного равновесия, претендующий на преодоление противоречия между генерализирующей и индивидуализирующей методологиями, может остаться на платформе абстрактного рассуждения, если не будет включать в себя расшифровку сущности исторически реальных конкретных решений субъекта, вместе с тем несущих общий цивилизационный смысл. Ван ден Ховен комментирует механизм этого метода как колебания между моральными суждениями **относительно данного случая** и моральными **принципами**, корректируя одно в свете другого и в свете относящихся к данной ситуации теорий. Таким образом достигается нужное «равновесие», означающее совпадение принципов и конкретных суждений⁹. Очевидно, что Ван ден Ховен сопоставляет принципы, суждения и теории. Но это еще **не сфера самой жизни**.

Парадоксы действительной жизни ставят человека в ситуацию невыразимого и важно понять, как он овладевает этой ситуацией, какой механизм принятия решений он использует и как происходит соединение индивидуального и общего в принятии конкретного решения. В современной ситуации практика жизни несет в себе такой новый смысл и такие противоречия, которые требуют нестандартных подходов для своей оценки. И здесь оказывается недостаточным метод широкого рефлексивного равновесия, спекулятивно устанавливающий единство общего и индивидуального. И не случайно, подчеркивает Кари Коулмен, Ван ден Ховен защищает метод широкого рефлексивного равновесия скорее как **область эпистемологии**, нежели практической мудрости.

Встает вопрос, является ли современная ситуация совершенно уникальной с точки зрения возникающего парадокса соединения несоединимого на одном цивилизационном пространстве? Поскольку исторически происходили цивилизационные переломы, то не могли не возникать и попытки разрешения методологических трудностей, связанных с принятием оценок и решений, относящихся к нестандартным с традиционной точки зрения ситуациям. Такой цивилизационный перелом возник в процессе перехода от феодальных отношений к отношениям капиталистическим, когда сохранение сакральных принципов христианства в реальной жизни сочеталось с естественной практикой нравственной свободы, служение истинам не от мира сего с торжеством индивидуализма, инерция вассальных зависимостей с размывающими их рыночными отношениями.

И не случайно именно в этой ситуации возникают явления, которые, с точки зрения традиционных подходов и принципов, попадали в разряд не-

9. См.: Jeroen van den Hoven. «Computer Ethics and Moral Methodology» // *Metaphilosophy*, vol. 28, N 3, July 1997. – P. 243.

истины, зла, тогда как, с точки зрения содержательных аспектов тенденций нарождающейся новой жизни, они воспринимались как благо, а значит как цивилизационная истина.

5. Цивилизационная реальность и поле истины.

Как характер цивилизационной реальности влияет на понимание истины? Поскольку казуист не ставит этого вопроса, он попадает в эпистемологический тупик. Представление казуиста об истине требовало однозначности вывода, тогда как цивилизационная реальность данного времени по сути дела **исключала возможность такой однозначности**. Это и стало камнем преткновения для высокой казуистики.

Прояснить ситуацию помогает иллюстрация, предложенная Кари Коулменом. Кари Коулмен говорит о тех трудностях, которые возникли у казуистов при оценке феномена **ростовщичества**. Ростовщичество толковалось как требование чрезмерного процента на выданный заем в ситуации, когда клиент отчаянно нуждался в деньгах. Такой чрезмерный процент приравнивался по своему нравственному смыслу к грабежу и оценивался как тяжкий **грех**. Такой однозначной должна была быть оценка казуиста. Но она сталкивалась с изменением фактической ситуации цивилизационной реальности. Ростовщичество утрачивает однозначность греховного смысла, когда возникают новые возможности перевозки больших объемов грузов и выгодной коммерции. Капитаны морских судов стали под большие проценты получать денежные средства от торговцев. Это можно было трактовать как ростовщичество, т.е. как грех. Но поскольку капитаны имели значительно возросшую выгоду от торговли, то займы под большой процент можно было оценивать как партнерское участие в общем бизнесе, а не как ростовщический заем в отчаянной ситуации. Теперь партнеры вместе делили и риск, и получаемый большой доход. Можно ли было **такое** ростовщичество отождествлять с бессовестным грабежом? Изменения цивилизационной действительности формировали феномен, совпадающий по форме с ростовщичеством, внутри которого рождалось новое содержание, которое можно было определять как выгодное, хотя и рискованное, вложение капитала. Ростовщичество – это тяжкий грех, а вложение капитала, с получением заслуженного дохода, можно оценивать как добродетель. Какой здесь должна быть однозначность оценки?

Аналогичная ситуация возникает и с оценкой лжесвидетельства. Существует сакральный завет: «Не лжесвидетельствуй!» Лжесвидетельство также оценивается как тяжкий грех. В период реформации, однако, инквизитор, олицетворяющий волю правящей католической власти, мог отправить свою жертву за ее духовные убеждения на страшные мучения или даже на смерть. Однако сторонники реформации не считали инквизитора орудием утверждения истинной веры. Скорее наоборот, он был носителем

искаженного вероучения. В этой ситуации жертва инквизиции получала религиозную санкцию, освобождающую от обязанности правдиво отвечать инквизитору на его вопросы и давать ему исчерпывающие ответы. Казуистика столкнулась с этими различиями, так что необходимо было уяснить смысл интерпретации реальных отношений и вещей, которые, казалось бы, нарушали священные заветы. Что такое ростовщичество, – тяжкий грех или добродетель? Что такое лжесвидетельство – тяжкий грех или средство спасения истинно верующего? Оставаться в границах однозначных оценок с позиций признанных принципов оказывалось все более затруднительным.

Каким образом Кари Коулмен реагирует на проблему, с которой столкнулась высокая казуистика? Ответ на этот вопрос тем более важен, что и

современная казуистика, по мнению Кари Коулмена, придерживается традиционных позиций, продолжает апеллировать к традиционному таксономическому порядку случаев, включая идентификацию парадигм и доказательств по аналогии путем рассмотрения сходных обстоятельств. При этом делается гносеологический акцент на том, что отнесение конкретных случаев к тем или иным парадигмам скорее носит **социально сконструированный характер**, а не открывается в реальных отношениях фактов и вещей. Истина здесь носит прагматический и семантический, но не онтологический смысл.

Иными словами, парадоксы и противоречия современной эпистемологии следует скорее относить к механизмам целесообразного конструирования интеллектуальной реальности, а не к самой действительности. Соответственно Кари Коулмен и предлагает рассматривать казуистику как механизм установления баланса между крайностями традиционалистской методологии,

дедущирующей заключения из принципов и антитеоретической (или партикуляристской) методологией, изолирующей случаи друг от друга¹⁰. Коулмен считает необходимым подчеркнуть своеобразие своей позиции в отношении казуистики. Он считает, что ее методы должны быть использованы для решения современных практически значимых проблем информационного общества.

И здесь необходим определенный выход за пределы сложившихся традиций. Необходимо вырабатывать новые парадигмы для формирования новых таксономических категорий, проявив уважение к экспансионистскому

10. См.: Kari Gwen Coleman. *Casuistry and Computer Ethics // Metaphilosophy. Oxford, vol. 38, N 4, July 2007. – P. 482.*

зову «новой этики», по-видимому соединяющей новации с традиционным анализом.

Кари Коулмен полагает, что компьютерные технологии следует рассматривать не как самостоятельный механизм принятия решений, а скорее как инструмент человеческих действий. При этом ключевое значение для решения встающих в области информатики проблем приобретает конструирование интеллектуальной реальности. Компьютер можно рассматривать как средство такого конструирования. И как субъект этого конструирования человек обретает свою «самость». Ошибочно считать человека лишь средством обслуживания информационных технологий.

Таким образом методы казуистики должны находиться в рабочем состоянии, и в этом случае их можно успешно применять для решения современных проблем. Правда, сам Коулмен не дает своих окончательных однозначных ответов; он скорее ставит и заостряет внимание на сложности возникающих проблем. И если высокая казуистика, даже при ее творческом применении, не дает ответа на эти проблемы, то взор исследователя обращается к человеку как демиургу цивилизационного творчества. Этим путем следует и Кари Коулмен. Происходящие в мире цивилизационные изменения порождают ситуации, в которых принятие правильных решений представляется и проблематичным. Но именно существующий цивилизационный вакуум и делает нас самих ответственными за принимаемые решения.

И мы, подчеркивает Кари Коулмен, сами несем ответственность за выбор, ответственность, **создавая** новую интеллектуальную реальность и самих себя посредством этого выбора.

Именно в казуистике Коулмен видит тот путь, который указывает на возможность возвращения современного человека **к своей собственной сущности**, т.е. к человеку, делающему свободный выбор, отвечающему за этот выбор, формирующему новую реальность, в которой он воссоздает самого себя.

6. Заключение.

Кари Коулмен делает ставку на **волевой принцип**, на способность человека взять на себя ответственность за принятие решений в сомнительной ситуации. Иными словами, сомнение не должно парализовать волю в принятии решения. Охраняя себя от возможных ошибок, занимая ригористическую позицию, которую трудно покинуть, человек совершает ошибку, поскольку не использует возможности **своей свободы**. Если нет определенного **запрета** для действия, то тогда остается фактом, что оно возможно и допустимо, и вы свободны свершить его. Это – пробаблистская позиция, отражающая реальность того, что действие было возможно. Но вы

при этом отдаете себе отчет в том, что будете вознаграждены в случае положительных результатов решения и наказаны, если результат будет отрицательным. Но как эта неопределенность результата влияет на судьбу казуистики в современном обществе? Коулмен полагает, что казуистика может сохранить и даже укрепить свое влияние и авторитет, если воспримет концепцию экзистенциализма, смысл которой выявление истины в свободе, в самостоятельности человека в принятии решений. Экзистенциалистская казуистика удерживает определенность, без которой казуистика вообще невозможна. Но это – не та определенность, которой следовала высокая казуистика. Определенность здесь выражается не в соответствии принятого решения исходному принципу, а лишь в том, что с краткосрочными и долгосрочными последствиями волевого выбора придется жить самому субъекту, а также в понимании, что принимаемое решение может играть роль прецедента, образца для принятия решения другими субъектами в будущем. В этом смысле образец – это не догматически и фактически обоснованный результат, а практическая «истина», полученная в итоге волевого решения и реального действия. Очевидно, что позиция Коулмена может соответствовать лишь ограниченной ситуации, в которой отсутствует тот абсолютный предел, за которым уже не имеют смысла ни поощрения, ни наказания за принимаемые решения.

В предельной ситуации ошибочное решение недопустимо, поскольку оно оказывается **фатальным** для цивилизации.

В историческом прошлом отсутствовали предельные ситуации; поэтому ориентация только на образцы прошлого для постижения истины оказывается недостаточной. Критерием истины применительно к современному цивилизационному выбору оказывается адекватно понятая ситуация виртуального будущего. Цивилизационная истина может обретать эмпирически видимую форму как *habitus* исторического субъекта, который своими решениями, действиями и образом жизни реально предвосхищает цивилизационное будущее.

Поскольку современная ситуация является **предельной** в своей глубинной сущности, то принимать решения в этой ситуации, не отдавая себе отчет в их конкретных последствиях, значит играть в русскую рулетку. Но как выглядит цивилизационная истина применительно к предельной ситуации? Путь к этой истине открывается на основе исторически сформированной духовной культуры, возвышающейся над узкими расчетами «мира сего». Диктат истины «мира сего» и взгляд цивилизационной культуры, поднимающий субъект истории над узкими расчетами к видению и **своей** истины и истины **другого**, требуют специфического одновременного видения двух истин и возможности их совпадения. Современная цивилизационная культура требует от субъекта видеть свою истину бытия и

истину бытия другого. Соединение двух истин в одну есть путь самоограничения и вместе с тем самореализации в нравственном самовозвышении.

Здесь существует гносеологическая проблема возможности одновременного и пространственного параллельного существования двух истин и возможности их соединения в одну истину.

К ответу на этот вопрос подводит расшифровка внутреннего содержания такой формы цивилизационной памяти, как увековечение. На самом деле увековечение – это соединение двух истин: истины факта и истины принципа. Органическое слияние того и другого и есть подлинное увековечение. Отступление от подлинности – это факт в отрыве от принципа, или принцип без реального фактического основания. Такие неистинные формы увековечения – явление нередкое, и без соответствующего теоретического основания трудно дать им адекватную оценку.

Оценка исторического творчества также оказывается невозможной вне анализа двух истин – истины мудрости прошлого и истины жизни будущего. Мудрость прошлого открывает исторически сложившуюся фактическую парадигму разрешения цивилизационных конфликтов. Истина жизни будущего открывает реальные следствия использования этой парадигмы в предельной ситуации. В соединении этих двух истин и открывается **истина пути** как практический императив для культуры цивилизационного субъекта. Таким образом, движение к цивилизационной истине в своей общей форме определяется реальностью слияния в единое целое действительного и идеального. Поскольку такое слияние есть процесс, процесс приближения к тождеству идеального и действительного, то оно требует соответствующего уровня цивилизационной культуры, открывающей возможность и необходимость диалога, корректирующей односторонность истин.

Позитивный путь эволюции цивилизации в условиях глобализации – это адаптация к взаимодействию через постоянно действующие механизмы компромиссов.

Соответственно и механизм цивилизационной памяти определяет духовное преображение субъекта, формирует его способность видеть текущие события и обстоятельства жизни **через призму тысячелетних опытов жизни человечества**. Парадоксы эпох в этом опыте предстают в своей ясности как извечное противоречие добра и зла полноты цивилизационной жизни, как возможности гармоничного бытия и его постоянной деструкции силами дисгармонии, стремящимися к своему частному самоутверждению. Это извечный процесс, характеризующий рождение цивилизационных событий, определяющих новые направления цивилизационной эволюции, попадающей, однако, в конечном счете в свое извечное русло. Каждая эпоха имеет своего цивилизационного субъекта, с его

индивидуальными особенностями и качествами. Его путь к историческому творчеству и постижению сущности истории в практическом смысле **уникален**. И вместе с тем он оказывается **вневременным и универсальным**. Дело в том, что **цивилизационный субъект находится перед виртуальной реальностью цивилизационной истины, которую образуют три распределенных луча**: это истина факта, истина универсальных принципов и истина исторического творчества как его достижение успешного результата.

Каждый исторический субъект соприкасается с ипостасями цивилизационной истины. И в этом его универсальность. Однако сочетание этих истин в нем зависит от его субъективных решений. И в этом он уникален. Парадоксальность соединения субъекта с цивилизационной истиной заключается в том, что абсолютное следование каждой ее составной части порождает «забвение» другой ее части. Так, признание истины факта во всей ее полноте порождает забвение истины принципа: исторически рождаются фактические истины, противоречащие истине универсальных принципов.

Истина универсального принципа требует внутренней погруженности в себя, и эта истина в своей идеальной завершенности может вступать в противоречие как с истиной факта, так и с истиной другого универсального принципа.

Истина исторического творчества, находящая свое выражение в его успешной реализации, может быть связана с игнорированием истины факта и истины универсальных принципов.

Соответственно, исторический субъект может быть парадоксальным олицетворением истины – неистины. Адекватная оценка исторического субъекта требует учета специфики цивилизационной истины. Цивилизационная истина имеет сложную структуру, которую образуют три ее ипостаси; они определяют стереоскопическое видение исторической реальности. Соответственно требуют своей коррекции и сложившиеся формы цивилизационной онтологии.

Манихейский подход к историческим субъектам, видение себя в качестве носителя цивилизованности и универсального блага, а другого как варвара и олицетворения зла, внесение в политический лексикон понятий «империя зла», «изгой» свидетельствуют о неадекватности цивилизационного мышления, чреватого тяжкими, если не катастрофическими, последствиями. Такое примитивное мышление порождается полным непониманием специфики цивилизационной истины.

Три составляющие цивилизационной истины образуют ее виртуальное единство, которое является основанием исторической оценки и критики

цивилизационного субъекта. Они подобно языкам пламени сжигают все, что казалось отступлением от них в историческом творчестве субъекта.

Цивилизационный субъект на собственном опыте постигает реальность общего основания цивилизационной истины через ее расщепленные лучи. Тройственность цивилизационной истины является потенциальной возможностью гармонии и дисгармоничности цивилизационной реальности. Превращение возможности в определенную действительность зависит от уровня духовной культуры цивилизационного субъекта, проявленного в его исторической практике. Взаимодействующий и взаимоотталкивающий характер трех истин определяет сложность и противоречивость процесса воссоздания цивилизационного субъекта. Его выбор может превращаться в страдание, связанное с осознанием неизбежного нарушения всей полноты цивилизационной истины во имя утверждения во всей полноте какой-то отдельной ее части. Цивилизационная истина – это не абстрактное представление, которому можно дать оценку с позиций принципа или обстоятельств ситуации, а реальность действующего в истории субъекта. От того, как, с какой полнотой реализуются в его действиях три истины и в каком конкретном сочетании, зависит и оценка субъекта.

Тот шум, восхваляющий или осуждающий, который поднимается вокруг жизни и деятельности исторических субъектов, как правило, не столько фиксирует объективную цивилизационную истину, сколько отражает некие субъективные чувства. Качество этого отражения зависит от литературного дарования автора, но в историческую память и науку зачастую вносит солидную дозу дезинформации и фактической путаницы.

О.А. Вусатюк

СОВРЕМЕННЫЙ МАССОВЫЙ ЧЕЛОВЕК
И ИСТОРИЯ (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ)

**Вусатюк Олег Анатольевич – кандидат
философских наук, первый вице-президент
Украинской академии русистики (г. Киев).**

Постановка проблемы

Со времени первых исследований феномена массового человека (11; 2, с. 117–124) прошли многие десятилетия, однако его признаки в целом остались неизменными. «Толпа – понятие количественное и визуальное: множество. Переведем его, не искажая, на язык социологии. И получим “массу”. Общество всегда было подвижным единством меньшинства и массы. Меньшинство – это совокупность лиц, выделенных особыми качествами; масса – не выделенных ничем. Речь, следовательно, идет не только и не столько о “рабочей массе”. Масса – это “средний человек”, – писал в 1930 г. Хосе Ортега-и-Гассет. – Мир обычно был неоднородным единством массы и независимых меньшинств. Сегодня весь мир стал массой» (13, с. 11, 16).

И все же массовый человек стал другим: в наше время «феномен стадности» из исторического (преходящего) превратился в системный (архетипический). Особый интерес вызывают те новейшие модели создания массового человека, которые, как это происходит в Украине, пытаются во что бы то ни стало вырвать его из существующего культурного и исторического пространства, чтобы в очередной раз начать историю «с чистого листа». В целом задача видится автору следующим образом: зафиксировать данное социокультурное явление, выявить его содержательные характеристики и обозначить векторы дальнейшей трансформации.

Масса, существование на массовом уровне может быть рассмотрено как размытое и неустойчивое состояние атомизированных социальных организмов, характеризующееся нарушением (пресечением, предельным

сужением) связей с их историческими корнями (прошлым), блокированием порывов к макроисторическому изменению (будущему) и привязанностью (как позитивной, так и негативной) к существующему порядку вещей (настоящему). Под *современной массой* следует понимать такую социокультурную среду, которая оказалась оторванной от своих исходных культурно-цивилизационных корней и не вошла в состав иных цивилизационных систем, зависла в межкультурном пространстве и не воспринимает тех исторических линий, что лишены налета балаганности и театральщины, не обещают чудесных «скачков» и волшебных «превращений» и ориентированы на длительное и напряженное воплощение. Одновременно в составе этой массы может быть немало людей, жестко привязанных к традиционному порядку вещей и категорически не приемлющих перемен.

Масса ситуативна, неустойчива и лишена постоянного состава. Не могут быть включены в состав массы и остаются за ее пределами отдельные индивиды и целые группы населения, проникнутые чувством ответственности за целостность исторической памяти и ход современной им истории, обнаруживающие достаточно высокий уровень исторического знания и способные преодолеть соблазн прямого насильственного «улучшения», «исправления» или «выравнивания» мировой или региональной истории. Существует и обратная тенденция. Мощные, резкие и внезапные вспышки «народного гнева» показывают, что «молчаливое большинство» способно сопротивляться внешнему воздействию и может на время обернуться полноценным историческим субъектом.

Массовый человек и его наставники истории

Фридрих Ницше утверждал, что историю пишут победители. Но уже древние шумеры вносили коррективы в списки своих царей, а древнегреческий поэт Гомер из «своего» VIII в. до н.э. вносил коррективы в описание событий конца XIV в. до н.э., что были названы «Троянской войной». Перелицовыванием истории занимались древние евреи, основательно искажившие в своих текстах гораздо более древние тексты Ассирии и Вавилонии. Переделывали историю древние римляне, описывавшие своих лишенных письменности соседей-варваров. Переписывали историю хитромудрые византийцы и витиеватые арабские авторы, изощренные западноевропейцы, единолично претендовавшие на

наследие Рима* и простодушные древние русичи, повествовавшие о «призвании варягов»...

Субъектом текущего переписывания истории является новый массовый человек. И здесь следует уточнить: в плане геополитическом глобальный массовый человек предстает в двух основных формах – как *глобализирующий массовый человек*, живущий и действующий, как ему кажется, «в центре мира» (в США и Западной Европе), и *глобализируемый массовый человек*, пребывающий, как его убеждают или как ему самому представляется, «на периферии преуспевающего мира». Оба эти типа сосуществуют, дополняя друг друга. Классическая фарсовая ситуация «галантерейщик спасает Францию», блестяще описанная Александром Дюма-старшим, повторяется вновь и вновь: в условиях кризиса и деградации центральной зоны модернистской культуры массовый человек мнит себя ключевой фигурой и пытается всерьез переделать историю.

Реализации этого опасного желания необходимо препятствовать, но нельзя не признать, что именно вокруг массового человека сегодня сконцентрированы основные усилия и экономики («история – тот же товар, а потребитель всегда прав»), и политики («все решает электорат»). Более того, всеобъемлющая и самодовлеющая сфера массового досуга и индустрия развлечений стремительно вбирают в себя все прочие общественные сферы. Особенность текущей ситуации вовсе не в том, что очередной победитель в очередной раз переделывает под себя историю, а в том, что массовый потребитель не признает истории вообще, как таковой, «не берет» ее ни в каком из вариантов. Поэтому под *современным массовым переделыванием и переписыванием истории* следует понимать уже не столько уточнение, прояснение, конкретизацию тех или иных исторических фактов, сколько пересмотр целых системных блоков исторического видения или даже решительные изменения общей тональности общепринятой («официальной», «учебной») версии истории и прежде всего – *создание истории заново, «с нуля»*.

Новый массовый человек в значительной степени утратил свою прежнюю аморфность и сумел выстроить собственную властную вертикаль, пронизывающую все уровни общественной сферы. «Агентами влияния» «рядового массового человека» могут выступать как национальные (локальные) государственные образования (в лице «вознесенного на вершины власти глобализированного человека»), так и наднациональные центры силы

* Таков, например, «Константинов дар» – известная средневековая фальшивка, датируемая 70-ми годами VIII в., «обосновывающая» превосходство римского понтифика по отношению к восточным патриархам и «признающая» за папой императорское достоинство (20, с. 113–117).

(в лице «глобализирующего человека»). Забегая вперед, скажу, что украинский массовый человек оказался именно в такой ситуации.

Важное место в «исправлении» истории занимает **тотальное навязывание искаженных образов и целых исторических картин**, направленное на *формирование ложной исторической памяти*, выстраиваемое практически целиком в рамках специализированного сознания и, особенно в последние десятилетия, в угоду глобальному массовому человеку. В отличие от установки на переписывание истории, обычно опирающейся на внутреннее побуждение, данная установка, как правило, привносится в готовом виде извне. Обозначенная система выстраивается с целью поставить своих противников и «партнеров», воспринимаемых как заведомо пассивный объект, в оборонительную, подчиненную, заведомо проигрышную позицию.

Так, в апреле 2005 г. в Берлине прошла дискуссия «Открытые раны. Размышления о нацизме, коммунизме и о 20 столетии», собравшая историков и философов Европы, России, Израиля и США. В ходе дискуссии современная теоретическая позиция представителей стран Запада выглядела следующим образом: а) точный исторический контекст становится явлением вторичным, что позволяет тем, кто, подобно американскому правительству, игнорирует его, сводить воедино различные формы «недемократии»; б) правилом хорошего тона является сравнение того или иного международного конфликта с таким «непревзойденным хитом для публики» (по словам Сюзан Найман, главы «Форума Эйнштейна»), как Холокост (в 1999 г. президент США Б. Клинтон назвал события в Косово «вторым Освенцимом»), если же те не выдерживают такого сравнения, их считают второстепенными; в) нравственная оценка должна определять характер исторического исследования, вследствие чего несправедливость в прошлом должна стать уроком для справедливости в будущем; г) осуждение тоталитаризма предполагает моральное оправдание любых форм рыночного либерализма и «подчинение естественным законам глобализации капитала»; д) позиция русских, судьба которых была особенно тяжелой, лишена логики, поскольку они ничего не хотят знать о своих страданиях и считают себя вовсе не жертвами тоталитаризма, а героями. При этом, по мнению английского историка Кэтрин Мерридэйл, история России стала вотчиной американцев, стремящихся «доминировать в будущем образе российской истории». Против подобного ретроспективного морализирования выступили лишь отдельные исследователи. По мнению известного историка Эрика Хобсбаума, «открытые раны» подобного рода могут начать болеть позже (29; 32).

Мировые (западные) СМИ уделяют огромное внимание тому, *что следует считать* правильным взглядом на историю XX в.: теме

«ревизионистских учебников» и тому, что воспринимается как попытка «обелить» историю в Германии, России или Японии. Причем позиция Германии считается образцовой (ей ставится в заслугу то, что она свыше полувека неизменно пребывает в состоянии покаяния и увязывает процесс нормализации с укреплением сотрудничества в сфере европейской безопасности). Позиция Японии рисуется как двойственная (курс на политическую нормализацию в Дальневосточном регионе вступает в противоречие с ее отказом от символических жестов покаяния) (30). Позиция России выставляется предельно неуступчивой и непримиримой (37).

Особое место в исторических спорах занимает тема Второй мировой войны. Пребывающая в меньшинстве Россия неизменно отстаивает память тех миллионов советских людей, западных европейцев и американцев, которые пожертвовали своими жизнями, чтобы остановить фашизм. Представители западного мира стараются, как правило, не замечать решающего вклада СССР в победу над фашистской Германией. Даже те, кто пытается поставить себя над схваткой, требуют от России не просто «разобраться со своей историей» и «научиться жить со своим прошлым», ее призывают «дистанцироваться от действий СССР» и признать «преступления своих предков».

В свою очередь представители ряда постсоветских стран выдвигают тезис о «моральной ответственности русского народа за темные страницы своей истории» и заявляют, что «на сегодняшний день лишь ничтожно малая часть русского общества способна честно взглянуть на прошлое своего народа и государства и признать, что несколько столетий безудержной экспансии на все четыре стороны света отнюдь не являются достойным отрезком их истории» (35). Зато для просвещения «освобожденного народа» публикуются откровения бывших эсэсовцев, полным ходом идет процесс их реабилитации. «Никому не позволительно называть литовских полицейских немецкими наемниками, эсэсовцами, нацистами и другими прозвищами, – утверждает П. Станкерас, автор книги “Полиция Литвы в 1941–1944 годах”, ибо они были не предателями родины, а борцами за свободу своей страны» (цит. по: 17). После указов президента Украины о праздновании 65-й годовщины создания Украинской повстанческой армии (УПА) и о присвоении ее командиру Р. Шухевичу звания Героя Украины (25) под этими словами могут с полным основанием подписаться оставшиеся в живых украинские эсэсовцы, хотя Украина официально пока еще не денонсировала решения Нюрнбергского трибунала в целом и приговор о признании СС преступной организацией, в частности.

Целый ряд этнических, социальных и культурных групп из века в век упорно возвращается к одним и тем же болезненным темам, снимая с себя какую бы то ни было ответственность за ход собственной истории и

перекладывая ее на «злокозненных» соседей. В Польше в 2006 г. вышел «Каталог взаимных предубеждений поляков и русских» (31), в котором показано, что распространение и усиление в Польше негативных стереотипов относительно «русских варваров» вызывает реакцию со стороны России, и там оживают стереотипы о польских ксендзах и иезуитах, которые хотят вырвать из России ее православную душу. «Одна историческая политика приводит в движение другую историческую политику», – указывает в этой связи польский публицист К. Пилявский. «Почему российский (советский) агент для нас куда страшнее агента другого государства? – спрашивает он. – Объяснение может быть только одно: Россия – самый большой наш враг» (34; 1). Польские авторы М. Мушинский и К. Рак утверждают, что историю Польши вновь пишут русские и немцы: «Истинная история Польши не известна миру и, что еще хуже, не известна нам самим. То, что мы знаем о своей истории, было в значительной мере навязано нам имперскими державами, которые с начала XVIII в. стремились уничтожить Польшу и польский дух. Их самым большим успехом было привитие полякам предрассудка, согласно которому мы сами несем ответственность за почти трехсотлетнюю зависимость от чужих держав» (33).

Комплексы навязанной «исторической вины» – антиисторичны, поскольку исходят из идеи «вечности» того или иного проступка и обязательности «вечного» же покаяния: нынешним поколениям выставляется счет за деяния, часто выдуманные, «всех» их предков; текущие утраты оказываются более чем осязаемыми, а главное, претензии предполагается и далее предъявлять еще нерожденным поколениям. Если учесть, что чисто патетические, на первый взгляд, стенания относительно «несостоятельности» западных видений истории часто перетекают в рассуждения о «неправильности» современных государственных границ, то становится понятным, что переписывание истории не ограничивается сферой научной, но представляет собой важный элемент мировой политики и долгосрочных государственных стратегий. Так, по мнению Отто фон Габсбурга, эрцгерцога Австрии и главы дома Габсбургов, бывшего на протяжении двадцати лет членом Европарламента, «Россия сегодня не является частью Европы (...) если когда-нибудь Россия откажется от своих азиатских территорий, именуемых Сибирью, она может потребовать для себя членства в Евросоюзе, но не ранее того... Мы должны быть готовы помочь России при первой возможности, если эта страна найдет лидера, готового в интересах народа отыскать реалистичное решение проблем тех территорий, которые Россия завоевала вопреки воле их населения» (14).

Суть традиционной проблемы переписывания истории не сводится к перманентной «подгонке» под мировоззренческие стереотипы очередного «современного поколения» или же пресловутого «демократического

стандарта» старых, устаревших или устаревающих школьных учебников. Каждое новое поколение действительно вносит в историческую картину свой уникальный опыт и свое видение. Это явление – объективно, оно может быть позитивным и достаточно обыденным для истории общественной мысли. Напротив, *результатом насильственного внедрения искаженных («нулевых») образов истории* становится еще большее разрастание антиисторической сферы, блокирующей не только локальное сопротивление унифицированным картинам мира, но и пресекающей импульсы к историческому познанию как таковые.

Содержание современного массового сознания:
украинский вариант

В феномене нового массового человека эмоционально-деятельный момент всегда превалирует над рационально-деятельным. В силу этого массовый тип буквально заиклен на деятельности, думать ему некогда, да и не приучен. И все же содержательный момент массового сознания может быть выявлен в анализе деятельности массового человека и применительно к важнейшим историологическим проблемам.

1. Методы изучения истории и получение достоверного знания. Внимание на них обычно не акцентируется, а сами они и не уточняются – знание воспринимается как изначальная, целиком прозрачная данность и принимается в готовом, априорном, виде. Любое отклонение от набум введенной и поддержанной «верхами» «общественной нормы» рассматривается как измена и предательство.

«Москаль» – это люди империи Советской, а до того – Российской, для которых украинская Украина является главным врагом, – полагает один из «маленьких идеологов» украинского интегрального национализма. – А украинский язык одним из враждебных признаков. За ними – их антиукраинское прошлое, кары за которое они боятся. Их цель – маргинализация и окончательное исчезновение украинского языка. Допуск украинского в их пространство – это победа того, с чем они всю жизнь боролись» (9). «История Украины тесно связана с именами ее предателей, – привычно подтверждает украинский журналист. – Можно даже сказать, что история страны – история предательства всех хоть сколько-нибудь ее заметных граждан» (10).

На Украине сфера исторических изысканий превратилась в сферу боевых действий, со всеми вытекающими отсюда последствиями. За очищение истории «от искажений» сегодня отвечают структуры государственной безопасности, имеющие, в принципе, совсем иные задачи. Так, в ходе

международной научной конференции «Украинское национально-освободительное движение в XX веке: внешнеполитическое измерение» и.о. председателя Службы безопасности Украины В. Наливайченко заявил буквально следующее: «Наша главная цель – очистить украинскую историю от лжи, фальсификации и работать только с правдивыми документами» (цит. по: 16).

Экспертный доклад «Украина в 2007 году: внутреннее и внешнее положение и перспективы развития», подготовленный Национальным институтом стратегических исследований для использования в ежегодном Послании Президента Украины к Верховной Раде Украины, рисует следующие пути формирования национального единства на основе «национальной исторической памяти»:

- в перечне *основных задач национально-государственной политики* *главное* место занимают: «формирование национального исторического нарратива, его отрыв от советской версии истории, которая в официальных российских документах часто имеет название “общей истории”»; «поиск единой целостной украинской идентичности»; «*формирование консолидированного взгляда на украинскую нацию как на результат европейского исторического процесса* со всеми его этническими, политическими, культурными и экономическими факторами» (29, с. 15; 19, с. 238); (курсив мой. – О.В.).

- в ряду *основных проблем*, требующих решения, выделяются «дуализм исторической памяти», проявляющийся в том, что граждане Украины «*исповедуют ценности, унаследованные от западноевропейской и восточноевропейской цивилизационных зон*» (курсив мой. – О.В.); «значительная часть жителей Юга и Востока Украины считают себя более близкими по характеру, обычаям и традициям к жителям России, чем к своим соотечественникам, которые живут в Западном или Центральном регионах Украины»; существование отличий на уровне «мифологических картин, присущих массовому сознанию жителей разных регионов», а также «между научными школами, которые сформировались в этих регионах» (27, с. 234; 16, 213, 236) (курсив мой. – О.В.);

- *основными способами решения данных проблем* видятся: «мощная культурно-информационная политика по разъяснению национальных интересов Украины на международной арене, *преимуществ ее европейского и евроатлантического выбора*»; издание указов президента Украины, «*направленных на установление* (выделено мной. – О.В.) исторической правды и справедливости, реабилитацию на ее основе национальной памяти»; «деконструкция имперско-советского нарратива, формирование национального исторического канона (...) модернизация украинского

исторического нарратива, его интеграция в контекст мировой и европейской историографии» (27, с. 215, 236, 237);

• *основными препятствиями* называются: «имперская мифология», «живучесть мировоззренческих стереотипов (“малороссийских”, “восточнославянских”, или же “советских”)), передача препарированной исторической памяти от старших поколений, чье сознание сформировалось во времена СССР, к младшим»; «систематическая ретрансляция имперской мифологии»; «сохранение в украинской академической и университетской среде исследователей и преподавателей с постсоветским или же панславистским типом мышления» (27, с. 233).

2. Отношение к уже имеющемуся своду исторических фактов.

Научные тексты, построенные на рациональных принципах, искажаются, перекручиваются, усекаются, приобретают вид волшебных сказок или мифов, подменяются упрощенными черно-белыми идеологемами.

«Важным орудием в этой борьбе (России против Украины. – О.В.) является миф о едином происхождении русского и украинского народов, – пишет представитель украинского общества “Просвита”. – Это абсолютная брехня от начала и до конца... эти два народа не являются ровесниками, наоборот, меж ними огромное расстояние во времени. Если русский народ начал формироваться сравнительно недавно, в XII столетии, украинский народ является одним из наидревнейших народов мира. Об этом свидетельствует не только наука, история – это признают даже современные политики. Президент США Билл Клинтон, принимая Президента Украины Леонида Кучму, назвал его посланцем самого младшего независимого европейского государства и самой старшей нации. Он мог про это прочесть в журнале «Сайентифик Америкен» (июнь 1974 г.): “Скифы-украинцы – это наистарейшая нация Европы, а может и человечества”. Или в книге американского ученого Герберта Дж. Миллера, изданной в 1961 г. в Нью-Йорке: “Ученые ныне считают Украину наиболее правдоподобной родиной индоевропейцев” (...) История Украины и вместе с нею всей индоевропейской цивилизации начинается с трипольской культуры за семь тысячелетий до Христа» (22). Учебник по истории Украины для 7-го класса сначала сообщает, что «древнейший период в истории украинского народа – стародавний – продолжался свыше 140 тыс. лет», а затем повествует о том, что приблизительно 35–40 тыс. лет тому назад «сформировался человек разумный» (23, с. 6, 8), т.е. выносит этногенез украинцев далеко за рамки кроманьонского человека.

3. Восприятие механизмов и движущих сил исторического развития.

Многоуровневые и многоплановые классические модернистские детерминанты тотально отвергаются, предпочтение отдается жестким, «плоским», волевым формам зависимости. Причем «пробуксовка» той или

иной формы не смущает ее создателей: они с легкостью отказываются от ими же предложенных «методологий», произвольно меняют их знак, свободно соединяют логические противоречия, не желают признавать очевидные закономерности социальных изменений.

К примеру, попытки ускорения «демократического транзита» Украины весной 2007 г. обернулись расколом исполнительной власти, а также целенаправленным разрушением законодательной и судебной ветвей власти (Верховная Рада была дважды распущена без соблюдения конституционных норм, в стране было одновременно два, иногда три, генеральных прокурора, любое решение любого высшего органа власти неизменно опротестовывалось в судебном порядке, причем на каждый судебный вердикт выносилось судебное же постановление противоположной направленности и т.п.) (18; 19; 21; 36).

4. Видение процессуального хода истории. Если за основу берутся линейные схемы, то внимание проецируется на произвольно постулируемые «вершины» или прилегающие к ним состояния, яркие, броские, экзотически окрашенные, но никак не на достаточно обыденные и неброские пути к ним. Когда же доминирует тяга к циклическим построениям, то перед глазами массового человека предстает жестко установленная последовательность никогда не нарушаемых этапов и стадий исторического развития, каждый из которых имеет строгие временные рамки и столь же стойкие характеристики.

Так, в известных сочинениях Г.В. Носовского и А.Т. Фоменко, достаточно популярных в Украине, это предстает как эпохальное открытие некой «новой математической хронологии древности». Тезис – указание на ложные, с точки зрения данных реформаторов, авторитеты – предстает в следующем виде: «Созданная окончательно в XVI–XVII вв. н.э. и общепринятая сегодня хронология и история древнего и средневекового мира, по-видимому, НЕВЕРНА... Одно и то же реальное событие могло отразиться в нескольких разных летописях, и отразиться существенно по-разному а иногда настолько по-разному, что на первый взгляд невозможно поверить, что перед нами – два разных описания ОДНОГО И ТОГО ЖЕ СОБЫТИЯ» (12, с. 20, 26). Напомним читателю об одном из наиболее шокирующих «открытий» авторов: «Потомки Чингисхана, т.е. великого князя Юрия Даниловича “Московского”, – он же Рюрик = Юрий Долгорукий, – ПРАВИЛИ КИТАЕМ (т.е. Китией = Скифией = Русью)»; «мы уже много раз говорили, что КИТА или КИТАЙ – это просто одно из названий РУСИ-СКИТИИ или СКИФИИ»; «наша гипотеза: древняя Африка – это ФРАКИЯ = ТУРКИЯ = ТАТАРИЯ» (12, с. 255, 534, 535).

В крайних своих вариантах циклическое «квантирование» истории оборачивается уже не просто ее арифметизацией, но и ее астрологизацией и гороскопизацией. Так, в изложении Г.С. Кваши «теоретическая история»

предстает целиком закономерной и предельно «прозрачной» сферой: а) «большинство исторических фактов абсолютно достоверны, их масштаб и значение вполне точно измерены, определено их взаимоотношение как с прошлым, так и с будущим»; б) «в арсенал арифметики истории входит всего четыре действия: революция (годы Петуха, Быка и Змеи), силовое давление (годы Собаки, Тигра, Лошади), псевдорешение, проявление картинки (годы Кабана, Кота, Козы), и /.../ вещие сны истории (годы Крысы, Дракона, Обезьяны)»; в) «исторический процесс может быть представлен в виде череды четырехлетних эпизодов»; г) «история любит большие расстояния» и разбивается на 12-, 36-, 72- и 144-летние циклы (7, с. 12, 30, 65, 66). На основании такого теоретического инструментария любой массовый потребитель легко воспримет всей душой «страшилки» высокосных лет и постигнет высокую логику «имперских циклов», являющихся «неким фокусом всемирной истории» (7, с. 41–43, 347–349).

Именно на почве упрощенного, экзотического (около)исторического видения обильно произрастают идеи «выравнивания», «исправления», «синхронизации» макроисторической сферы при помощи стандартных инструментариев «социальной инженерии». Массовому человеку трудно растолковать, что потрясения высокосных лет ничем не отличаются от потрясений невысокосных годов, а гороскопы, разработанные на основе традиции западноевропейского летоисчисления, трудно приложимы к истории вообще и к цивилизациям, имеющим иную хронологию и отмечающим течение лет, исходя из совершенно иных принципов.

5. Восприятие прошлого. Здесь доминируют мощные нигилистические комплексы, сконцентрированные вокруг утопической идеи «чистого листа» («начать все с начала») и устремленные к «полному» разрыву связей с предшествующими эпохами и социокультурными состояниями. Именно в этом русле осуществляется проект «музеев советской оккупации», уже реализованный в Риге, Вильнюсе, Тбилиси и Киеве (в Таллине существует просто «музей оккупации», посвященный и советской, и нацистской оккупациям вместе).

Одним из способов искусственного разрыва и фрагментации истории выступает следующий: из хронологического ряда истории Украины выбираются лишь годы государственных переворотов, революций и реставраций (1917, 1991, 2004, 2006), войн (1914, 1941), социальных бедствий (1933), масштабных техногенных катастроф (1986), экономических кризисов и финансовых потрясений (1993, 1998); в этом случае история региона предстает почти исключительно в темных красках и четко выступает образ стоящего за этой историей врага (3). Тогда как годы, связанные с территориальными приращениями Украины (1922, 1939, 1940, 1954), военными победами и

дипломатическими прорывами (1943, 1944, 1945) или впечатляющими экономическими или технологическими достижениями (1932, 1951, 1962, 1965, 1975, 1985) и т.п., не принимаются во внимание, поскольку не вписываются в мифологию «оккупированной зоны».

6. Восприятие современности. Превалируют стойкие эсхатологические установки, смешанные с навеянными извне страхами, откровенными «страшилками» и верованиями в грядущее чудесное избавление от всех бед. Данный феномен может быть объяснен не только кризисом глубинных общественных структур и сопровождающими его потрясениями, пик которых пришелся на 90-е годы XX столетия, но и прорывом в наше время значительно более древних культурных и психологических установок, маргинальных социальных верований и целых антикультурных комплексов, дотоле скрытых или считавшихся раз и навсегда преодоленными.

Так, тема «последней битвы добра и зла», «борьбы сил Света и Тьмы» буквально витала над главной площадью Киева и над Украиной в конце 2004 г. Например, 5 декабря 2004 г. кандидат в президенты В.А. Ющенко говорил на Майдане о том, что сейчас в Украине идет «борьба двух сил – добра и зла... Возможно, не так легко распознать облик. Четырнадцатый день Майдан является образом любви. Мы являемся участниками удивительного действия, которое без благословения Божьего не могло бы состояться» (28). Массовое настроение этого периода выразила министр культуры, народная артистка Украины Оксана Билогор, заявившая о том, что «после революции мы все начинаем с чистого листа. Культура должна быть иной» (4).

Об укорененности и сходных масштабах влияния эсхатологического мировосприятия в России могли бы свидетельствовать, к примеру, перипетии, сопровождавшие становление и необычайный успех «политической партии ДРУГ», основанной «колдуном» и «академиком» Г.П. Грабовым. В программных документах партии звучали следующие обещания: **«2. Утверждение вечности жизни.** Принятие закона о запрете смерти. Внедрение технологий реализации закона. Всеобщее воскрешение. Достижение отсутствия смерти в отдельных регионах и в целом» (15, с. 23). Нельзя не заметить, что среди многочисленных сторонников и клиентов современных «магов» и «прорицателей» оказываются не одни только социальные «низы», но и представители самых обеспеченных слоев общества (6).

7. Осознание места массового человека в истории. Здесь ключевую роль играет глубокая затаенная обида, связанная с обостренным переживанием собственной неустroенности в стремительно меняющемся мире, острой несправедливости распределения материальных и культурных благ, неспособности и неумения вырваться с периферии истории.

Так, авторы учебника истории Украины для 9-го класса всячески подчеркивают, что «следствием утраты Украиной своей государственности было и заселение ее городов главным образом неукраинцами – русскими, евреями, представителями других национальностей»; что «представители коренной нации – украинцы – были в меньшинстве в наиважнейших социальных группах, которые обеспечивали социально-экономический прогресс общества»; что украинские селяне «обходили стороной украинские города и рабочие поселки и ехали за “тридевять земель” на малозаселенные окраины империи», а тем временем «города на их родине постепенно заселялись выходцами из российских губерний, которые оказались лучше подготовленными к жизни в индустриальной среде» (26, с. 57, 145, 157). Спрашивается, что мешало украинцам работать на благо социально-экономического прогресса вместе с русскими и евреями, адаптироваться к модернизации и промышленному росту?

8. Способы решения исторических проблем. Массовый тип склонен к простым и прямолинейным действиям, не обремененным теорией и неизменно ориентированным на «полное и окончательное» «улучшение истории».

Массовый человек модернистского периода, начинавший в 1917 г. как стихийный демократ, в дальнейшем руководствовался лозунгами тоталитарного типа – «Кто был ничем, тот станет всем!» и «Железной рукой загоним человечество к счастью!» «Маленький украинец» времен постмодернистской «помаранчевой революции» 2004 г. поначалу тоже выступал под лозунгами «бархатной» демократии и «европейского выбора» – «Сильные защитят слабых!», «Богатые помогут бедным!», «Бандитам – тюрьмы!», «Украине – демократию!». Однако с «европейскими ценностями» как-то не заладилось, зато не прошли бесследно годы войны с историей: на почве тотальной борьбы с внешним врагом (Россией) и врагом внутренним (вездесущей российской «пятой колонной») пышным цветом расцветают и гонение на русский язык (министр культуры Василий Вовкун называет его «собачьим») (цит. по: 5), и галицийский социал-национализм, чьи представители (в лице Всеукраинского объединения «Свобода») в марте 2009 г. на выборах в Тернопольский областной совет получили треть голосов избирателей.

9. Уровень публичного отстаивания собственной точки зрения на историю. Первый из «великих немых» вышел из многолетней «полосы молчания» и уже заговорил, он публично демонстрирует свои (или безальтернативно навязанные ему «сверху») взгляды на историю, ничуть не заботясь об их истинности, структурированности или хотя бы о внятности.

Так, согласно данным опроса, проведенного в июле 2008 г. во всех областях Украины, Киеве и АР Крым Киевским международным институтом

социологии, большинство опрошенных в ответ на вопрос «какое из этих двух современных государств, по Вашему мнению, является преемницей Киевской Руси» 28,1% ответили, что только Украина, 26,3% – что скорее Украина, чем Россия, тогда как соответствующее право России отстаивали 17,6% опрошенных. В ответ на вопрос «какая православная церковь скорее всего имеет право считаться исторической правопреемницей Православной церкви, утвержденной в Киевской Руси 1020 лет назад» 32,6% заявили, что такой преемницей является УПЦ Киевского патриархата, 15,6% – УПЦ Московского патриархата, 1,9 – УАПЦ, 10,1 – Русская православная церковь, 37,5% затруднились ответить на вопрос (см.: 24).

Украина уже давно расколота по многим основаниям, на ее территории сосуществуют, по крайней мере, две социокультурные (не этнические!) общности, у каждой из которых есть свой исторический опыт, своя культура, своя вера и своя историческая (национальная) память. До прямых столкновений дело пока не дошло, массовые представители различных культурных полюсов общаются в основном через Интернет, который в последние годы демонстрирует резкий вертикальный взлет взаимного недоверия и взаимной ненависти на общем фоне крайне низкого уровня культуры. В качестве примера можно сослаться на стандартный диалог, посвященный проблемам межкультурной коммуникации, на одном из интернет-форумов¹: **«вареник**: на протяжении многих столетий нарушались права украинцев. Почему сейчас, во время независимости, я должна смотреть фильмы на русском, а чтобы купить перевод мировой классики на украинском мне нужно обойти всю Петровку (книжный рынок в Киеве. – *О.В.*), чтоб найти там одну лишь точку, где она есть??! Украинцам – украинское! **Nicholas** (аноним): А кто ж запрещает? Дублируйте, читайте, смотрите. Только не запрещайте 40% страны это делать на своем языке. А то, что аж на всей Петровке есть аж одна точка по продаже книг на мове – славный рыночный индикатор. Это, милочка, значит, что на нее спроса нет (...) **гость** (аноним): А Пушкина читать на языке оригинала слабо? Или только в переводе на украинский можется? **гость** (аноним): Сейчас кацапня и рашеозабоченные заплюют и затопчут сапожищами и провоняют портянками, самосадом и водочным перегаром. **кость** (аноним): Сейчас бандерлоги и шухевичеозабоченные заблюют и зальют соплями и провоняют шароварами и самогонным перегаром. **гость и кость** (аноним): Межкультурный диалог можно считать состоявшимся» (см.: 8).

ИТОГИ И ВЫВОДЫ

1. Орфография и язык оригинала сохранены, в середине текста опущены откровенно нецензурные выражения.

Таким образом, исследование феномена современного массового человека в сфере исторической демонстрирует следующее:

1. Современная социальная масса – безотносительно ее государственной, цивилизационной или геополитической принадлежности – в общем и целом пребывает вне доминирующих линий истории и не испытывает чувства причастности к их установлению. Она не обладает достаточным фактологическим багажом, находится под воздействием мощных мифологических комплексов, не имеет структурированного представления о реальных механизмах социального развития, не понимает сложности глобальных исторических проблем и тяготеет к простым и наиболее опасным способам их решения.

2. Современный массовый тип характеризуется провалами исторической памяти или оказывается близок к ее окончательной утрате. Опыт двух предшествующих десятилетий свидетельствует о том, что под прикрытием весьма расплывчатой идеи «создания современной глобальной демократии» историческое самосознание населения ряда бывших советских республик подвергается и будет подвергаться направленной лоботомии, пока оно (население) вообще не лишится собственной исторической памяти или не начнет задумываться над тем, кому это выгодно.

3. «Молчаливое большинство» восточноевропейских стран раскалывается между готовностью к (очередному) вмешательству в «переделывание» истории по принципу «с чистого листа» и глубинным отторжением комплекса ложной исторической памяти и «исторической вины», настойчиво навязываемого извне. В ближайшем будущем Украина будет разрываться между тотальным историоборчеством и разноплановыми, стихийными и сознательными, культурными реакциями, рождающимися в исторической среде.

4. Массового человека нельзя долго держать на обочине общественной жизни и истории, это чревато деструктивными процессами в сознании. В то же время «нового массового человека» нельзя изменить целиком, чудесным образом и в единый миг. Интеллектуальное сообщество, интеллигенция должны в первом приближении хотя бы воспрепятствовать расширенному воспроизводству стереотипного сознания массового человека через систему среднего и высшего образования. Путь долгий, сложный, не без возможных провалов и попятных движений, но никакого иного история мировой культуры не знает.

5. История продолжается. Выход из нынешней ситуации будет так или иначе найден. Но не хотелось бы, чтобы возникла иная ситуация, «не нашего» времени, в которой найдут место исправление и переписывание истории и собственный – скорее всего, ничуть не менее манипулируемый – массовый человек.

Литература

1. Баранаускас Т. Битва при Орше – величайшая военная победа Литвы над Россией. – Газета «Delfi» (Литва). 15 сентября 2006. (<http://www.inosmi.ru/print/229922.html>).
2. Бердяев Н.А. Бунт и покорность в психологии масс // Интеллигенция – Власть – Народ. Русские источники современной социальной философии (антология). – М.: Наука, 1992.
3. Глухов Ю. 10 незабываемых лет из 100-летней истории Украины // Интернет-сайт «Украинская правда», 5 января 2007 (<http://www2.pravda.com.ua/ru/news/2007/1/5/52255.html>).
4. Денисенко Л. Болонская «мышеловка» для изящных искусств // Ежедельник «2000» (Украина), 11 ноября 2005. (<http://president.com.ua/modules.php?name=Pages&pa=show-page&pid=174>).
5. Добкин М.: «Героизация Шухевича – моя личная трагедия» // Интернет-сайт «Обозреватель» (Украина). 28.08.2008. (<http://obozrevatel.com/news/2008/8/27/255264.htm>).
6. Иванов Дм. Волхвы не боятся могучих владык // Интернет-издание Lenta.ru (РФ). 18 февраля 2005 (<http://lenta.ru/articles/2005/02/18/antiwizard>).
7. Кваша Г.С. Принципы истории. – М.: Издательство АСТ, 2001.
8. Комментарий к статье «2008 год объявлен Годом межкультурного диалога в Украине» на форуме интернет-сайта «Корреспондент» (Украина). 27.02.2008 (<http://korrespondent.net/showbiz/388318>).
9. Крывдык О. «Обукраинивание» как антиукраинизация // Интернет-сайт «Украинская правда» (Украина). 18 мая 2006. (<http://www2.pravda.com.ua/ru/news/2006/5/18/40773.htm>).
10. Кузнецов А. Как избавить Украину от предателей? // Информационно-аналитическое издательство «Фраза» (Украина). 24 августа 2008. (<http://www.fraza.com.ua/zametki/24.08.08/54910.html>).
11. Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Мережковский Д.С. Собр. соч. – М.: Республика, 2004.
12. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Империя. Русь. Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности. – М.: Факториал, 1996.
13. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ МОСКВА, 2007.
14. Отто фон Габсбург о европейской безопасности // United Press International. 25 October 2005. (<http://www.inosmi.ru/translation/223296.html>).
15. Программа политической партии ДРУГГ Российской Федерации // Российская газета, № 92 (4058). 3 мая 2006 (http://www.drugg.ru/cgi-bin/main.pl?menu=2_6).
16. СБУ берется за очищение украинской истории от лжи // Интернет-сайт «Корреспондент» (Украина). 21 мая 2008. (<http://korrespondent.net/ukraine/events/468842>).
17. «Спаситель европейской культуры Адольф Гитлер»: Откровения литовских эсэсовцев // Информационное агентство Regnum (РФ). 15 ноября 2005. (<http://www.regnum.ru/news/544575.html>).
18. Тимошенко не признает решение КС // Интернет-сайт «Корреспондент» (Украина). 19 апреля 2007. (<http://www.korrespondent.net/main/187116>).
19. Украина трещит по швам // Российские вести. 4 апреля 2007. (<http://rosvesty.ru/1862/first/?id=2297&i=1>).
20. Хэгерманн Д. Карл Великий. Пер. с нем. В.П. Котелкина. – М.: Издательство АСТ, 2003.
21. Ющенко В. Ответ на кризис в Украине должен быть жестким // The Financial Times. 4 апр. 2007 (<http://www.inosmi.ru/translation/233794.html>).
22. Кравченко В. Абетка для «старшего брата» // Дзвін Севастополя (Украина). 30 января 2007 (<http://misto.ridne.net/viewthread.php?tid=5139>).

23. Лях Р.Д., Темірова Н.Р. Історія України: Підручн. для 7-го кл. загальноосв. навч. закл. – Вид. 4-ге, виправ. – К.: Генеза, 2005.
24. Опрос: Большинство украинцев считают Украину преемницей Киевской Руси // Интернет-сайт «Корреспондент». 21 июля 2008. (<http://korrespondent.net/ukraine/politics/529495>).
25. Офіційне інтернет-представництво Президента України. Указ Президента України № 965/2007. 12 жовтня 2007 року. Про присвоєння Р. Шухевичу звання Герой України. (<http://www.president.gov.ua/documents/6808.html>).; Указ Президента України № 966/2007. Про відзначення 65-ї річниці створення Української повстанської армії. 12 жовтня 2007 року. (<http://www.president.gov.ua/documents/6805.html>).
26. Турченко Ф.Г., Мороко В.М. Історія України. Друга половина XVIII – початок XX ст.: Підручн. для 9 кл. загальноосв. навч. закл. – К.: Генеза, 2005.
27. Україна в 2007 році: внутрішнє і зовнішнє становище та перспективи розвитку: Експертна доповідь – К.: НИСД. 2007. (http://www.niss.gov.ua/book/Eks_d2007/index.htm).
28. Чотирнадцятий день опору // Интернет-сайт «Украинская правда» (Украина). 05 декабря 2004. (<http://www2.pravda.com.ua/ru/archive/2004/december/5/1.shtml>).
29. Augstein Franziska. Aufbruch in die Wüste des Schreibens // Süddeutsche Zeitung. 10.04.2005 (<http://www.sueddeutsche.de/politik/408/398193/text>).
30. Ikenberry G. J. Japan's History Problem // The Washington Post. August 17, 2006. Page A25. (<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/08/16/AR2006081601427.html>).
31. Katalog wzajemnych uprzedzen Polakow i Rosjan. Pod red. Andrzeja de Lazariego. Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. – Warszawa, 2006.
32. Lau Mariam. Vom Reichstagsbrand zum 11. September // Die Welt. 18, April 2005. (http://www.welt.de/print-welt/article665625/Vom_Reichstagsbrand_zum_11._September.html).
33. Muszyński M., Rak Krz.. IV rozbiór Polski // Wprost. Nr. 21/2007 (1274). (<http://www.wprost.pl/ar/?O=106809&I=1273>).
34. Pilawski Krz. Skąd się biorą «Ruscy» // Przegląd. Nr. 38. 24 września 2006.
35. Radzvilas V. Bernardinai. 28.03.2006. Rusu kalte. (<http://www.bernardinai.lt/index.php?-84488938>).
36. Swain A. A western-backed coup. The leaders of Ukraine's Orange Revolution now threaten the country's democratic future // The Guardian. April 17, 2007. (<http://www.guardian.co.uk/commentisfree/story/0,,2058881,00.html>United Kingdom).
37. Walsh N.P. Putin angry at history book slur // The Guardian. January 14, 2004 (<http://www.guardian.co.uk/russia/article/0,2763,1122403,00.html>).

ОБРАЗ РОССИИ В МИРЕ

Л.Н. Шаншиева

ОБРАЗ РОССИИ В УЧЕБНИКАХ
ИСТОРИИ СТРАН БАЛТИИ

Лариса Николаевна Шаншиева – кандидат философских наук, зав. сектором Отдела Восточной Европы ИНИОН РАН.

В ноябре 2003 г. в Государственной библиотеке иностранной литературы (г. Москва) прошла конференция на тему «Старые и новые образы в современных учебниках истории», организованная Ассоциацией историков России XX в. совместно с Фондом Фридриха Науманна (ФРГ).

Доклады участников были посвящены проблемам взаимоотношений России и стран ЦВЕ, Балтии, Центральной Азии и Южного Кавказа. В предлагаемом читателю обзоре нашли отражение материалы, посвященные Латвии, Литве и Эстонии.

Доктор философии, доцент Университета Латвии (Рига) И. Бутулис проанализировал в своем докладе 22 учебника по истории, изданные с 1990 по 2001 г. Он отметил, что история России и Советского Союза в XX в. является неотъемлемой составной частью всемирной истории и теснейшим образом связана с историей Латвии.

Отказавшись от прежнего догматического подхода, латышские авторы демонстрируют новое видение России и Советского Союза. На основе анализа современных учебников истории И. Бутулис представил обобщенный образ России, русских и Советского Союза, формируемый у школьников Латвии. По его мнению, история России в мировом контексте показана довольно объективно, в нейтральных тонах, практически отсутствуют эмоционально-оценочные моменты. При характеристике внутривосточной ситуации авторы учебников особо выделяют три момента: 1) Россия – страна огромных контрастов; 2) царский абсолютизм – главное препятствие на пути позитивного развития России; 3) национальный гнет.

С одной стороны, признается огромная роль России в экономическом развитии Латвии. Так, в «Мировой истории» Я. Таурэнс пишет о том, что «в составе Российской империи Латвия из опустошенной в Северной войне земли стала современной индустриальной территорией на уровне Запада, форпостом индустриального развития и модернизации в России» (цит. по: 3). С другой стороны, в учебниках особо выделены те характеристики и показатели, которые свидетельствуют о традиционно более высоком уровне экономического развития Латвии. Как доказательство этого упоминается более высокая концентрация производства, прогрессивное сельское хозяйство, более развитая инфраструктура, традиционная ориентация на опыт и достижения Запада.

Описывая участие России в Первой мировой войне, разные авторы делают акценты на показе разных событий и причинах неудач русских войск. Из этого складывается разноплановый образ России – огромной страны, явно недостаточно подготовленной к войне. Намного критичнее и эмоциональнее Россия и русские изображаются там, где речь идет о Латвии. Много места отводится характеристике латышских стрелков, их патриотизму, героизму, противопоставлению русским частям. «Латышские стрелки – всегда подтянутые, организованные, образованные, с высоким осознанием солдатского долга, твердо знающие, за что они борются, тесно связанные со своим народом. Русские солдаты – опустившиеся, неорганизованные, малограмотные, не видящие смысла своей борьбы» (3).

Оценивая Россию, рожденную февральской революцией 1917 г., авторы учебников позитивно отзываются о демократических преобразованиях, однако акцентируют нежелание Временного правительства признать Латвию единым административным округом и допустить отделение Латгалии от Витебской губернии.

Все без исключения авторы учебников подчеркивают большое значение мирного договора 1920 г. между Латвией и Советской Россией. Акцентируется тот факт, что в соответствии с договором Советская Россия на вечные времена отказывалась от своих прав на Латвию. И. Бутулис отмечает, что только в единственном учебнике (Ю. Фрейбергса) упоминается тот факт, что именно Советская Россия была первым государством, которое «*de jure*» признало молодое государство Латвии.

Говоря о советском этапе истории России и СССР, авторы учебников обращают внимание на огромные противоречия этого этапа. Наряду с успехами в индустриализации подчеркивается диктаторский характер правящего режима, крайне жестокое отношение к своим гражданам. Это показано на примере трагических судеб тех латышей, которые остались в советской России и подвергались репрессиям и физическому уничтожению.

Внешняя политика Советского Союза, как правило, излагается на примере отношений с Латвией и рисуется в основном негативно (за исключением учебника М. Синицина, где она показана нейтрально позитивистски). Все авторы в большей или меньшей мере касаются вопроса о русских в Латвии в послевоенный период. В целом, как считает И. Бутулис, дается объективная картина. В соответствии с этим русские представлены как самое многочисленное национальное меньшинство в Латвии со своими политическими традициями, обладающее большой культурной автономией, впечатляющим числом учебных заведений, прессой. У некоторых авторов содержатся сведения о большой доле неграмотных среди русских в Латвии и высказывается тезис об их более слабых экономических и политических позициях по сравнению с немцами и евреями.

Образ СССР во время Второй мировой войны выглядит явно неприглядным. Все авторы осуждают пакт Молотова-Риббентропа, участие СССР в разделе Польши и войну против Финляндии. Также подвергается критике политика СССР в отношении балтийских стран. «Договоры балтийских стран с СССР, заключенные осенью 1939 г., характеризуются как навязанные грубой силой с целью включения этих стран в сферу влияния СССР. Как грубое попрание международных правовых норм и открытое вмешательство во внутренние дела трех стран характеризуются ультиматумы Советского Союза Латвии, Литве и Эстонии. Ряд авторов подчеркивают коварство и ненадежность СССР как партнера, поскольку все его шаги в отношении балтийских стран в 1939 и 1940 гг. – это непрерывное нарушение соглашений и несоблюдение договоров» (3).

Говоря о нападении нацистской Германии на СССР, ряд авторов акцентируют «совиновность» Советского Союза в развязывании войны. СССР после Второй мировой войны характеризуется как мировая держава, чьи границы расширились и международная роль значительно возросла. Но в то же время акцентируется внимание на усилении международной напряженности как следствии внешней политики Советского Союза, критикуется советизация Восточной Европы и подавление народных движений. «СССР предстает страной с могучей армией, экстенсивной экономикой, низким жизненным уровнем, разветвленным репрессивным аппаратом, стремлением изолироваться политически и идеологически от внешнего мира» (3).

Рассматривая период пребывания Латвии в составе Советского Союза, авторы учебников преимущественно останавливаются на следующих моментах:

1) на репрессивном характере установления коммунистического режима в Латвии в 1949 г.;

2) на русификации, проявившейся в «инспирируемой центральными властями миграции, в ущемлении латышского языка и национальной культуры, в резком сокращении удельного веса латышей в Латвии, в прославлении всего русского и привилегированном положении мигрантов» (3);

3) на гипертрофированном развитии промышленности, которая «работала на весь Советский Союз»;

4) на присутствии Вооруженных Сил СССР, являющихся «главным оплотом антидемократизма, шовинизма и опустошителем окружающей среды».

О России 1991 г. в учебниках говорится с большой симпатией. Акцентируется поддержка балтийских стран правительством России и лично Б. Ельциным. Признается, что судьба независимости Латвии, Литвы и Эстонии была решена в течение августовских дней 1991 г. в Москве, и большую роль сыграло признание их независимости именно Россией. Также позитивно оценивается вывод российской армии из Латвии в 1994 г.

Русские и русскоязычное население в Латвии признаются реальностью, латышское общество – мультиэтническим, отмечается необходимость интеграции русских. Авторами учебников подчеркивается важное место, которое во внешней политике Латвии занимают отношения с Россией. В то же время политика России в отношении Латвии после 1991 г. в целом оценивается негативно.

Доктор философии, доцент Вильнюсского университета А. Вишняускас представил в своем докладе обзор литовских учебников, начиная с XVII в. Более детально были рассмотрены постсоветские литовские учебники для старших классов. По его мнению, в первых оригинальных литовских учебниках по новой истории оставались заметными подходы советской исторической школы. Это выражалось в основном в заимствовании советской периодизации нового времени, основанной на революционных рубежах (от английской буржуазной революции XVII в. до 1870 г., от франко-прусской войны (1870–1871) и Парижской коммуны (1871 до Октября 1917 г.).

От этой периодизации Нового времени в учебниках по всеобщей истории отказались в 1999 г., когда вышел учебник для восьмого класса «История мира и Литвы VI–XVIII века». В нем утверждалось, что более целесообразно границей между Средневековьем и Новым временем считать не английскую революцию середины XVII в., а явления конца XV – начала XVI в.

Что касается изучения истории России сегодня, то литовские ученики получают гораздо меньше сведений по русской истории дооктябрьского периода, чем раньше. Только при изучении всеобщей истории представлены отдельные темы российского прошлого до 1917 г. «Создается впечатление, что доля истории России досоветского времени в учебниках по всеобщей

истории в конце 90-х годов существенно уменьшилась по сравнению с прежними, выпущенными в первой половине и середине 90-х. Это видно уже по перечню содержания» (4).

По мнению А. Вишняускаса, в первой половине 1990-х годов авторы учебников при изложении материала по всеобщей истории находились еще под влиянием традиций советской историографии, хотя и вносили определенные темы, заимствованные из западных учебников. Во второй половине 90-х годов литовцы уже больше ориентировались на западные образцы.

В 2001 г. вышел учебник по всеобщей истории для 11-го класса, отражавший период до конца XVIII в. В нем нет уже ни одного параграфа, посвященного истории России. Таким образом, прослеживается явная тенденция: с конца 90-х годов российская история дооктябрьского периода вообще начинает исчезать из учебников по всеобщей истории.

Что касается истории советской страны в целом (1917–1991), то она представлена в литовских учебниках по всеобщей истории сравнительно цельно и хронологически последовательно. Правда, этих оригинальных учебников по истории XX в. не столь много.

В первой половине 90-х годов даже внешний вид литовских учебников оставлял желать лучшего. С середины 90-х годов начали появляться учебники с цветными иллюстрациями, с современным дизайном, мало чем отличающимся от западных учебников. К этим учебникам относится и выпущенный в 1998 г. учебник, объединяющий всеобщую и литовскую новейшую истории. Этот принцип интегрального подхода возобладал во второй половине 90-х годов и при издании других учебников по истории.

В интегральном учебнике по новейшей истории появились разделы, специально посвященные советской стране. По прочтении учебника складывается более отрицательный образ России и русских по сравнению с учебниками 1992 и 1993 гг. Одной из причин такой трансформации литовские исследователи считают параллельное изложение российской истории и истории литовской. При таком подходе более явно прослеживается негативное влияние России и СССР на судьбу литовского народа.

Есть и некоторые другие причины. «Во-первых, сами российские историки в 90-е гг. издали ряд нашумевших книг и исследований о преступлениях коммунизма. Не надо забывать и то, что в 1993 г. из Литвы не были еще полностью выведены российские (бывшие советские) войска, и это также как-то сдерживало авторов. С середины 90-х в этом смысле авторы чувствовали себя более свободно и, к тому же, были более осведомлены. Скажем, иллюстрируя голод в России 1921–1922 гг., авторы учебника 1998 г. поместили фотоснимок, изображающий трех женщин, продающих за прилавком человеческое мясо. Хотя снимок не очень хорошего качества, но

все-таки четко видна голова человека, отрубленные руки, другие куски мяса. Рядом с фотоснимком помещен краткий текст о голоде, упоминается, что распространялся каннибализм. Читатель должен был, посмотрев на снимок, обо всем ужасе догадаться сам. Когда, где и кем сделан фотоснимок, в учебнике не указано» (4).

В упомянутом учебнике показано, что Советский Союз держался на репрессиях и коммунистической диктатуре. Поэтому развал СССР в 1991 г. явился неизбежным следствием, а восстановление литовской независимости – естественным процессом и фактом восстановления исторической справедливости.

Отношения между балтийскими странами и современной Россией описаны следующим образом: «Самая сложная проблема внешней политики – отношения с Россией. С Москвой никак не удастся улучшить отношения. До 1998 г. из Балтийских стран только Литве с Россией удалось подписать договор о границах, но и он вызвал большую враждебность разных фракций Думы. До 1998 г. Литве не были возвращены захваченные после оккупации 1940 г. здания посольств в Риме и Париже. Россия применяет по отношению к балтийским товарам суровые импортные условия и большие пошлины. Из-за пропагандистского наступления против независимости вновь получивших стран много жителей России враждебно смотрят на Литву, а особенно на Латвию и Эстонию. Эти страны постоянно упрекаются в нарушении прав живущих там русских. Постоянные пропагандистские выпады правых и левых националистов России и неясные перспективы развития этой большой страны создают в обществе Балтийских стран чувство неуверенности в будущем и принуждают искать гарантии безопасности на Западе» (4).

Так как в Литве не хватало собственных учебников по всеобщей истории, были выпущены переводные учебники западных стран – трехтомник швейцарских авторов, а также двухтомник норвежских авторов. По мнению Вишняускаса, немаловажную роль играл тот факт, что при издании этих учебников была гарантирована заграничная финансовая поддержка. Оба эти издания получили гриф литовского министерства просвещения и были рекомендованы для школ. Нельзя сказать, что в них образ России XX в. предстает как положительный. «Но по сравнению с литовскими, общий тон повествования в европейских переводных учебниках более естественный и менее осуждающий» (4). Что касается истории Литвы, то в новых учебниках характерным фоном повествования служит национальный патриотизм.

В начале 90-х годов литовские учебники начали писать не только о польской, но и советской оккупации, что являлось новым моментом по сравнению с прежними учебниками. Яркий пример – учебник А. Гумуляускаса, в котором красочно описано, как поляки в 20-е годы оккупировали Вильнюс, а Советский Союз – в 40-х Литву. Вслед за ним эту

тему развили другие авторы. Польские историки подвергли критике эти учебники, не соглашаясь с литовской постановкой вопроса. «По-видимому, это, а также то, что Польша уже принята в НАТО и сейчас является желаемым стратегическим союзником Литвы, повлияло на изображение в учебниках польской политики межвоенного времени. Тема польской оккупации Вильнюса в последнее время не разворачивается, сделаны смягчающие акценты. В интегральном учебнике по новейшей истории пишется о польском вторжении в Литву, о том, что созданное генералом Желиговским государство “Срединной Литвы” в 1922 г. было включено в состав Польши, и таким образом Литва на два десятка лет потеряла свою столицу. Слова “оккупация” все-таки здесь нет. Его нет и при описании событий в учебнике “История Литвы для 11–12 классов”, выпущенном в 2000 г., хотя при описании немецкого и советского вторжения слово “оккупация” применяется. Видимо авторы здесь следовали рекомендациям совместной польско-литовской комиссии по учебникам, смягчив некоторые акценты» (4). Единственное исключение составляет учебник для средних школ литовского историка из Польши Б. Маскаускаса, где приведен ряд исторических и правовых аргументов, характеризующих роль Польши как оккупанта.

Что касается оценки советской внешней политики в 1939–1940 гг., то в литовских учебниках подчеркивается, что СССР не имел права присоединять не только балтийские страны, но и Бессарабию, а также восточную часть Польши. Слово «оккупация» при характеристике событий, касающихся балтийских стран, встречается постоянно.

Но даже в литовской печати высказываются определенные упреки и замечания в адрес авторов интегрального учебника по новейшей истории 1998 г. Например, в связи со следующим предложением, которое должно было отобразить реакцию литовского народа на 22 июня 1941 г.: «Литовцы войну встретили с радостью, ибо она спасла от советского террора». Как у здравомыслящего человека, комментирует А. Вишняускас, мог возникнуть вопрос: можно ли вообще с радостью встречать войну? Во втором издании учебника это предложение исчезло. Похожее было и с предложением о советских партизанах в оккупированной немцами Литве: «Русские партизаны самопроизвольно собирали продовольствие, одежду, также убивали литовцев, работавших в немецких учреждениях или институтах самоуправления (деревенские старосты и др.)». Во втором издании учебника эпитет «русские» перед словом «партизаны» сняли, а из других предложений можно узнать, что в рядах советских партизан были еще и литовцы, и евреи. Касаясь изображения советского периода – темного и мрачного антипода современному развитию, А. Вишняускас констатирует, что темные краски в отношении прошлого созвучны настроениям литовцев, но делает вывод: «Все-таки, когда на страницах учебника читаешь о приватизации, коррупции,

упадке экономики, росте криминальности в современной Литве, России и других постсоциалистических странах, то не особенно чувствуется и позитивность современного периода» (4).

Подводя итоги анализа литовских учебников, Вишняускас отмечает ряд моментов. Вплоть до середины 1990-х годов вся история России в литовских учебниках занимала сравнительно большое место. С конца 90-х годов российской истории дооктябрьского периода уделяется мало внимания, но советский период, как и прежде, освещается довольно подробно. Оценка событий 1940-х годов, а также советского периода в современных литовских учебниках резко отличается от оценок учебников советского времени. «Литва представлена как аннексированная и советизированная страна, которая в 1990 г. восстановила свою независимость. Образ коммунистической России (Советского Союза) остается негативным и к тому же в последних учебниках усилен концептуально и дидактически. Образ современной Российской Федерации тоже представлен не в радужном свете, но следует отметить, что в таком духе частично показаны и другие постсоциалистические страны, и даже сама Литва при описании сложных проблем социально-экономической жизни. Что касается показа внешней политики Российской Федерации, то современная Россия предстает как страна, создающая потенциальную угрозу литовской независимости. Но в такой постановке вопроса ничего странного нет, так как аргумент потенциальной угрозы со стороны России является одним из главных в литовской аргументации вступления в НАТО» (4).

Преподаватель Таллиннского педагогического университета А. Адамсон предваряет анализ эстонских учебников истории тезисом о том, что российские политики и историки обвиняют страны Балтии в «переписывании истории» в свою пользу, «показе России в негативном» свете. Для выявления справедливости он приводит выдержки из учебников, изданных в последнее десятилетие.

А. Адамсон подчеркивает, что изучение истории в эстонских школах отличалось от изучения истории в школах Российской Федерации уже в советский период. Помимо курса преподавания, принятого на всей территории Советского Союза, в Эстонии были подготовлены собственные учебники и учебные материалы. «В большинстве случаев изучение истории в школах с эстонским языком обучения носило определенный национальный, диссидентский оттенок. Такие различия еще более углубились после того, как в 1987/88 учебном году состоялся переход к 12-летнему обучению» (1).

После восстановления независимости Эстонской республики в 1991 г. система образования несколько изменилась. В 1996 г. была введена единая государственная учебная программа, которая предоставила школам определенную свободу в разработке собственных учебных курсов и организации учебной деятельности. Учебная программа представляет собой

рамочную программу, в которой содержание обучения детально не прописывается, и стандарты обучения не устанавливаются.

В докладе А. Адамсона анализируется более десятка основных учебников истории, большинство из которых переведено на русский язык. Темы рассмотрены в хронологической последовательности.

Первый период – это древнерусское государство и его отношения с эстами. При описании борьбы эстонцев за независимость (1208–1227) русские рассматриваются главным образом в качестве союзников.

В отношении Ливонской войны (1558–1583) оценки, даваемые в различных учебниках, практически совпадают: «для России (а также Дании, Польско-Литовского государства и Швеции) это была откровенно грабительская война, которой нет оправдания». Одновременно с этим отмечается неизбежность этой войны и роль так называемой Старой Ливонии в ее развязывании. Подчеркивается жестокость действий всех сторон, однако особо это выделяется в отношении русских войск. Результатам Северной войны и присоединению Эстонии к России дается однозначно отрицательная оценка. «Распространенное в российской и советской исторической литературе утверждение о том, что благодаря присоединению к России для Эстонии

начался 200-летний период мирного развития, является жестоким преувеличением. Прежде всего, это циничное утверждение: мы освободились от нападений русских, поскольку покорились им! И кроме этого, такое утверждение неверно, потому что Россия вела бесконечные войны, которые затрагивали также Эстонию или отражались на здешних условиях» (цит. по: 1).

Период русификации (по терминологии автора доклада), начиная с 1880 и по 1905 г., получил двойную оценку эстонских историков: цели царизма характеризуются как отрицательные, но отмечаются положительно буржуазно-демократические реформы, направленные на модернизацию страны.

Характерно то, что в эстонских учебниках февральскую революцию 1917 г. называют революцией, а октябрьские события – переворотом. События после февральской революции – объединение территории Эстонии, автономия, возникновение национальных воинских частей – оцениваются, естественно, положительно. Отношение к большевикам, в общем, негативное, в то же время не отрицается большая популярность большевиков в Эстонии, в том числе в национальных воинских частях.

Победа большевиков в Гражданской войне в России видится как одно из условий того, что Эстония отстояла независимость и получила международное признание. Историческое значение Тартуского мирного договора подчеркивается во всех учебниках.

Единодушно признается то, что эстонско-советские отношения в 1920–1930-е годы оставались холодными по вине Советского Союза. В отношении попытки государственного переворота 1 декабря 1924 г. в учебниках указывается, что ее инициаторы находились за восточной границей, эта попытка была связана с планами Коминтерна, с кризисом 1923 г. в Германии и т.п.

Сталинская политика Советского Союза в конце 30-х – начале 40-х годов рассматривается наравне с политикой гитлеровской Германии. СССР называется едва ли не бóльшим виновником развязывания Второй мировой войны. Естественно, что пакт Молотова-Риббентропа осуждается единодушно. «Все последующие события, т.е. давление Москвы, договор о базах, оккупация страны, ультиматум, инсценированный государственный переворот в июне 1940 г., “выборы без выбора” и “вступление” Эстонии в Советский Союз трактуются как прямая советская агрессия, а потому все эти шаги СССР считаются противоправными. Осуждается также политика уступок эстонских государственных руководителей» (1).

А. Адамсон обращает внимание на то, что «в эстонских учебниках истории немецкая оккупация и гитлеровская Германия не получают какую-либо более “положительную” оценку, нежели советская оккупация и сталинский Советский Союз. В отношении всех этих явлений дается равным образом отрицательная оценка: тоталитарные террористические режимы» (там же). «Большинство эстонцев воевали во Второй мировой войне в немецких мундирах, на стороне проигравшего войну... и это определяет наши мнения и чувства. Нам пришлось больше страдать под полувековой советской оккупацией. Однако победа Гитлера была бы для человечества более страшным несчастьем, чем победа Сталина» (цит. по: 1).

Общая оценка советского периода в истории Эстонии – негативная. В связи с этим используются такие понятия, как массовые репрессии, миграция, загрязнение окружающей среды, русификация. Если усматривается что-то положительное, то это ставится в заслугу «духу сопротивления» (например, развитие собственной культуры). Распад СССР рассматривается в международном контексте: экономический крах, поражение в войне, отставание в гонке вооружений, падение цен на нефть и т.д. События, последовавшие за 1985 г., представляются как «новая эпоха пробуждения». Событиям в Российской Федерации после 1991 г. уделяется внимание в двух учебниках. По мнению А. Адамсона, материал подан в общем нейтрально, что не исключает присутствия некоторых оценок. В связи с этим приводятся некоторые выдержки из текстов учебника¹. Например: «Победивший в

1. Последующие цитаты приводятся из учебника для 12 класса «История XX века». Составитель – А. Адамсон и др. – Прим. авт.

борьбе за власть президент Ельцин с 1994 г. начал постепенно отходить от активной политики. Это, в свою очередь, исключало возможность повторного обращения властей к оставленным на полпути реформам. Политические группы, боровшиеся за внимание часто болевшего президента, сосредоточились на достижении кратковременных личных целей, оставив в стороне национальные интересы России. Организованная преступность и коррупция проникли в большинство областей жизни» (1).

«Одной из гарантий повторной победы Ельцина была неограниченная поддержка ведущих предпринимательских кругов России. Предприниматели, сколотившие гигантские состояния на операциях с государственными деньгами, которых стали называть олигархами, использовали слабость политической власти для обеспечения своих экономических интересов» (там же).

Отношение к первой Чеченской войне в основном нейтральное; хотя и подчеркиваются опасности, исходящие от исламского фундаментализма. Рассматриваются запутанные обстоятельства начала второй войны в Чечне и условия прихода к власти В. Путина. Отношение к мотивам его деятельности либо нейтральное, либо даже позитивное: «47-летний Путин провозгласил основной целью своего правления восстановление позиции России как великой державы на международной арене, чему сопутствовало бы укрепление целостности государства и его мощное экономическое развитие» (цит. по: 1).

По мнению автора доклада, ключевые пункты общей эстонско-российской истории в учебниках истории, вышедших в 1991–2001 гг., освещены достаточно взвешенно. «Совмещения понятий СССР и Российская Федерация не происходит. Отношение к Советскому Союзу, естественно, отрицательное. К России и русским оно в большинстве случаев нейтральное, иногда критичное, местами дружеское и только изредка враждебное. Если в отношении к этой теме в 1990-х годах и проявлялись симптомы некоторых детских болезней, то в целом их переросли» (1).

Литература

1. Адамсон А. Россия в эстонских учебниках истории. – Режим доступа: <http://www.historia.ru/2004/01>.
2. Бомсдорф Ф., Бордюгов Г.А. Учебники истории: носители стереотипов, памяти о конфликтах или источник для взаимопонимания // Там же.
3. Бутулис И. Россия / СССР XX века в латышских учебниках истории // Там же.
4. Вишняускас А. Россия в литовских учебниках истории // Там же.

Ю.А. Щербакова

ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЧЕХИИ

**Щербакова Юлия Александровна –
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник ИНИОН РАН.**

«Лаборатория русофобии», превосходящая многие страны по «тупой русофобии», находящаяся в эйфории от шанса реванша над Россией – зачастую именно такие оценки современной Чехии можно встретить в публицистических работах нынешних российских авторов. Однако вряд ли все многообразие оттенков чешского восприятия России можно свести к таким однозначным характеристикам. «Стереотипы чешского отношения к русской политике, – пишет Зденек Зборжил, политолог и историк, – имеют не только двухсотлетнюю традицию, но снова и снова удивляют нас постоянным интересом, который они вызывают, высокой эмоциональностью, которой они насыщены, полярностью оценок и постоянством своего существования» (27, с. 16). К характерным чертам чешского восприятия русской политики и ее интерпретации автор относит использование в этой связи наряду с метафорами и эфемеризмами политических лозунгов и сентенций. Самая распространенная в Чехии модель восприятия России, на его взгляд, это отношение к ней как к «мифу и пространству», некая летописно-сказочная модель, далее идет культурно-национальная модель и затем – политико-идеологическая.

Если бы мы проанализировали все попытки чехов понять русскую политику на протяжении последних двух столетий, то смогли бы обнаружить существование практически неизменных взглядов о величии русской истории с одной стороны, и ее незначительности, – с другой, пишет З. Зборжил (27, с. 17). Эта дихотомия, по его мнению, типична для восприятия России и в других центральноевропейских странах. Взгляд на Россию как на огромную империю как нельзя лучше выразил русский эмигрант Художил, который считал, что на самом деле нет большой разницы в том, «красной» или

«белой» является Россия. Важно, чтобы она была «Великой». Именно через призму подобного восприятия, по мнению автора, следует расценивать воспевание Йирасеком похода русской армии после Третьего раздела Польши через Силезию, Моравию, Чешские земли, через приветствующую русские войска Прагу. Мало кто в настоящее время вспоминает о том, что временное пребывание русских войск на территории Чехии в конце 1799 – начале 1800-х годов вызвало у русофилов «восторг и желание писать кириллицей» (27, с. 17).

Для чешских политиков национального освобождения середины XIX в. Россия воспринималась через призму существования единого славянского государства. Однако, как замечает З. Зборжил, чешские политики не пригласили российских представителей на Всеславянский съезд в Праге (1848). «Их иллюзии были развеяны К. Гавличком, побывавшим в России. Позже подобный опыт приобрели и члены чешской делегации, возглавляемой Ф. Па-

лацким, предпринявшие неудачное с политической точки зрения путешествие в Москву (май 1867 г.). Пожалуй, именно тогда чешские политики

впервые столкнулись в реальности с истинным содержанием русских национальных интересов и тем, как именно в Москве представляют способы соблюдения этих интересов. Возможно, что этот конкретный политический опыт заставил их вспомнить определение панславизма, данное К. Марксом как... *ist eine grosse Schweinerei, oder die russische Knutte*» (цит. по: 27, с. 17).

Однако, как утверждает З. Зборжил, эти иллюзии не были развенчаны окончательно. Достаточно вспомнить, пишет он, представления К. Крамаржа о политическом устройстве Европы, суждения о славянстве Эдварда Бенеша, а также спонтанно возникшие в гуще народных масс одержимость величием Советского Союза и восхищение И.В. Сталиным не только в период победоносного завершения войны, но и тогда, когда его непредсказуемых шагов, а позже и решений его политических наследников, не опасался во всем мире только Мао Цзедун. В настоящее время этот стереотип приобрел форму геополитических рассуждений о российском евразийстве.

Труднее всего, по мнению Зборжила, дать определение культурно-национальной модели. Она включает в себя, по его мнению, и рассуждения о русском православии и его использовании в интересах великодержавной политики, и бесконечные дискуссии о российском литературном наследии и его миссии, и обсуждение других культурных российских феноменов, таких как театр, кино, спорт, и выявление революционной роли авангардного русского изобразительного искусства и архитектуры. «И сегодня восхищенная Европа собирается на выставки русского и советского авангарда, представители которого жили и творили преимущественно вне

России, а те, кто остался на Родине, разделили судьбу изгнанников или сгинули в годы репрессий» (27, с. 17).

В основе политико-идеологической модели лежит восприятие советского коммунизма и Советского Союза. О ее жизнеспособности свидетельствует неустанное отрицание русского влияния в Центральной Европе. Последнее характеризуется автором как виртуальная (желаемая) реальность нашего времени. Описывая данную модель, он приводит используемые в ней ключевые слова – большевики, коммунизм, революция, мировая революция, международный коммунизм, террор, диктатура, народничество, западничество, славянофильство, демократия. По его мнению, как апологетика, так и критика российской государственной власти основываются на неизменных положениях, высказанных еще Т.Г. Масариком: константой русской политики является утверждение, «что царь представляет собой высший и святейший авторитет, все, что он делает – хорошо и законно, его поступки не должны оцениваться по их последствиям, а кто этого не понимает – не христианин и не русский. С небольшой корректировкой данное положение относится ко всем русским властителям, независимо от того, как они называются – комиссары, секретари, генералы или президенты» (27, с. 18).

Результатом практически любых контактов с Россией являются несбывшиеся ожидания чешских политиков, а чешское общество получает представление не о реальных тенденциях русской политики, а только о представлениях по их поводу. В прошлом критика Советского Союза приравнивалась к предательству социалистических идеалов, в настоящее время позитивная информация о России расценивается как свидетельство дурного воспитания. «Туман из слов и воспоминаний, в котором теряются реальные очертания России, на самом деле весьма удобен, так как позволяет нам легко впадать в заблуждения и также легко находить им оправдания. Однако достаточно одного единственного конфликта вокруг газопровода, и популярное издание выходит с заголовком “Вместо танков – газ!”» (27, с. 18). З. Зборжил заключает свою статью призывом к более серьезному изучению России.

Журналистка газеты «Лидове новины» Петрушка Шустрова также считает, что и чешским политикам, и чешской общественности следует уделять России большее внимание. «Вообще о России мы знаем очень мало. Знаем только, что это региональная сверхдержава, нравится нам это или нет. Разумеется, после падения коммунизма и распада Советского Союза она значительно ослабла, но это не означает, что подобное состояние будет длиться до скончания века. Чешская политическая элита относится к России скорее безразлично. Время от времени мы можем услышать от отдельных ее представителей, что Россия – это такая же страна, как и другие, и что мы

должны иметь с ней стандартные отношения, лучше всего торговые» (26, с. 19). Автор категорически не согласна с подобной точкой зрения. Она считает, что Россия – это особенная страна и отношения с ней и к ней требуют серьезного и вдумчивого анализа не только со стороны специалистов – дипломатов и работников разведки, мнение которых не всегда бывает услышано. Для нее Россия представляет опасность своими империалистическими амбициями, распространением в ней коррупции и организованной преступности, усилением роли спецслужб. По ее мнению, чешская внешняя политика должна активнее действовать в рамках ЕС. Германия и Франция, пишет П. Шустрова, закрывают глаза на русские проблемы. Новые государства – члены ЕС, имеющие опыт очень близких отношений с Советским Союзом, должны покончить с этой порочной практикой. «В этом отношении я считаю весьма разумным сотрудничество с польской дипломатией. Поляки имеют традиционные интересы в постсоветских государствах, соседствующих с ними – в Литве, Белоруссии, Украине» (26, с. 20).

Еще одним поводом для выражения отношения к России стала публикация чешского перевода книги Н.А. Нарочницкой «За что и с кем мы воевали»¹. В рецензии на эту работу политолог Михаэл Романцов пишет, что «по мнению многих наблюдателей, Россия, отказавшись от марксизма-ленинизма, с не меньшей энергией средствами геополитики возрождает свои великодержавные позиции» (24, с. 115). В Чехии, по его мнению, долго не доставало работы, которая с достаточной настойчивостью и убежденностью представила бы главные контуры современного российского внешнеполитического курса. Автор рецензии видит главную и единственную цель работы в обосновании тезиса о том, что какая-либо территория, которой овладевала Россия / СССР в процессе своего исторического существования, становилась российской «на вечные времена». Эти территории России нужны... не только для себя, а для выполнения своей исторической миссии – быть препятствием на пути агрессивных держав к установлению мирового господства. После монголов, Наполеона и Гитлера сегодняшними агрессорами являются англосаксонские державы и НАТО. Вызывает ироническую критику Романцова и тезис о том, что Россия и россияне «в традиционных интенциях своего ортодоксального или большевистского миссионерства представляют собой единственную моральную альтернативу сегодняшнему испорченному обществу потребления» (24, с. 116). В целом автор рецензии видит в монографии Н. Нарочницкой откровенную защиту неоимпериалистической доктрины.

1. *Narocnickaja N. Rusko a jeho misto ve svete. Za co a s kym jsme bojovali.* – Pr., 2006. – 207 s.

В другой своей работе М. Романцов сравнивает поведение двух значимых акторов международных отношений – США и России (14). По его мнению, оба государства являются империями, и Россия «этого не стыдится». «Те государства, которые, возможно, окажутся под контролем американской империи, если американцы признают ее существование и начнут ее систематически строить, имеют реальный шанс, что дела будут развиваться в позитивном направлении. Та часть света, которая окажется в орбите влияния России или Китая, наоборот, должна быть уверена в том, что с ее обитателями случится именно то, что это державы делали со своим собственным народом» (14).

Взгляду на Россию как на «империалистическую сверхдержаву» противостоит осознание того, что современный глобализирующийся мир создает новый миропорядок. И Чешская Республика маленькая страна, которая всегда от кого-то зависела, в этом мире не зависит от конкретного государства – ведь капитал не знает границ, пишет Владимир Пророк, преподаватель политологии Пражского государственного экономического университета (11). «Вопрос только в том, сможет ли ЧР использовать свои преимущества в отношении России или будет постепенно вытеснена другими странами из этой сферы. Очень интересно наблюдать за такими странами, как Франция и Германия, которые ищут пути кооперации с Россией в надежде, что экономические и другие формы сотрудничества сгладят острые углы непонимания и произойдет сближение ценностей, что в свою очередь создаст условия для возникновения единого европейского пространства. Мне кажется, что в интересах ЧР присоединиться к этой политике» (11).

Несмотря на то, что россияне и чехи не являются непосредственными соседями, чешско-российские отношения имеют свои традиции. Отсутствие общей границы снижало риск возникновения конфликтов между этими двумя народами. Общие славянские корни, наоборот, создавали условия для возникновения чувства панславянского родства, особенно у чехов, которые были частью германизированной Центральной Европы. «Географическая отдаленность обоих народов, ограничивающая знания реальной жизни большого восточного брата, пробуждала ряд иллюзий и нереальных ожиданий части чешского общества по отношению к России» (11). К факторам, которые омрачали российско-чешские отношения для части чешской общественности, по мнению В. Пророка, принадлежат победа в России в 1917 г. коммунистов и включение после Второй мировой войны территории тогдашней Чехословакии в сферу влияния СССР. Он отмечает, что оценка этих факторов как отрицательных никогда не была всеобщей, особенно в связи с опытом экономического кризиса 30-х годов прошлого века, мюнхенским диктатом, оккупацией Чехии фашистской Германией и значительным вкладом СССР в освобождение Чехословакии во Второй

мировой войне. Наиболее чувствительным фактором, проблематизирующим чешско-российские отношения, стала интервенция войск Варшавского договора в 1968 г., которую осудила и часть коммунистов, поддерживавших союзнические отношения социалистической Чехословакии с СССР. В. Пророк констатирует, что в настоящее время в Чехии постепенно снижается уровень недружелюбного восприятия России, созданного коммунистической фазой чешско-российских отношений и уже упоминавшимся 1968 годом (11).

Как указывалось выше, отношение к России имеет идеологическое и политическое измерение. Еще одним свидетельством этого является ее восприятие ведущими политическими лидерами, во многом определяющими лицо чешской внешней политики. Речь идет о двух чешских президентах: быв-

шем – В. Гавеле и действующем – В. Клаусе. Лейтмотивом отношения Гавела к России является неоднократно повторяемая им в статьях и выступлениях идея об отсутствии у России ясной самоидентификации. В. Гавел характеризует Россию как сильного независимого партнера, обладающего огромной территорией, значительным военным потенциалом с богатыми традициями, принадлежащего к иной, не евроатлантической цивилизационно-культурной области. По его мнению, у России на протяжении всей ее истории возникали проблемы с определением своего места на мировой арене. «Мне кажется, что Россия, вопреки невиданному прогрессу в развитии демократии и рыночной экономики, до сих пор не в состоянии ответить на вопрос о том, каковы ее пределы и как далеко распространяются сферы ее влияния. Именно поэтому она с большими сложностями воспринимает расширение НАТО. Однако она привыкает и привыкнет к расширению НАТО» (18, с. 88). Эту же мысль экс-президент развил в интервью «Новой газете»: «Я неоднократно говорил, что Россия – огромная евроазиатская империя. Точнее – чтобы никого не обидеть – огромная евроазиатская держава, которая является полноценной составляющей мультикультурного мира. Вместе с тем, на мой взгляд, у России есть одна проблема: у нее нет полной ясности, где она начинается, а где кончается. Думаю, кое-где эти границы несколько размыты. А размытые границы, если обратиться к истории, часто становились причиной войн. Сейчас такой угрозы нет, но все же я полагаю, что эта размытость создает определенные проблемы. Думаю, Россия может стать полноценной составной частью глобальной структуры межгосударственных отношений, если поймет, где она начинается, а где кончается. Сегодня же я замечаю в российской внешней политике некоторую тоску по советским границам, по территориям, входившим в Варшавский договор. Создается впечатление, будто Россия рассматривает как свою собственность все то, что ей когда-то принадлежало.

Приведу конкретный пример. Последнее время в отношении моей страны Россия ведет себя так, словно Чехия по-прежнему входит в Варшавский договор, находится в сфере российских интересов, пребывая за некой демаркационной линией. Признаки такого поведения опасны и могут привести к плохим последствиям для самой России. Для лучшего устройства мира необходимо четкое определение границ цивилизационных территорий. Они определяются культурными традициями, исторически, но в то же время и географически» (6). Именно в этом контексте следует расценивать антироссийскую позицию В. Гавела в российско-грузинском конфликте. На его взгляд, Россия выступила в данном случае в роли агрессора и ее поведение должно быть осуждено европейским сообществом. Он отрицал правомерность сравнения данной ситуации с косовской проблемой и предлагал другие аналогии – с Чечней или с Мюнхеном 1938 г. Являясь непримиримым критиком идей коммунизма и социализма, В. Гавел убежден, что одним из источников этих идеологических концепций является Россия. «Отсюда – трудноуловимая, но все же слышимая подмена антисоциализма некоей русофобией», – замечает Э. Задорожнюк (3, с. 131).

В. Клаус, наоборот, предлагает различать коммунистическое прошлое и современную Россию, тоталитаризм и русскую культуру. Рассказывая о себе, он пишет: «Многих русских я считаю своими личными друзьями, и мне не нравится излишний антирусизм некоторых моих нынешних коллег по политической деятельности. Скорее они должны были отрицать советизм. Моим литературным вкусам ближе Бабель, Бунин, Булгаков, чем популярная в наши дни западная литература» (19, с. 12). В 2007 г. В. Клаус был награжден медалью А.С. Пушкина, учрежденной Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы, за вклад в распространение русского языка и культуры. Этот факт он расценил как еще одно подтверждение того, что чешско-российские отношения все более приобретают характер «нормальных» (23).

В ходе российско-грузинского конфликта 2008 г. В. Клаус выразил глубокую обеспокоенность. Он осудил грузинское нападение на Южную Осетию и убийство гражданских лиц в этой области. Одновременно с этим он критически отнесся и к «массированному использованию российской армии». В интервью пражской газете «Mlada fronta Dnes» 15 августа 2008 г. он высказал убеждение, что нынешнюю ситуацию в Грузии никоим образом нельзя сравнить с вводом советских войск в Чехословакию в 1968 г.: «Чехословакия тогда не нападала на Подкарпатскую Русь², ввод войск не был

2. Регион, входивший до Второй мировой войны в состав Чехословакии, а после войны решением государств-победителей на встрече в Ялте включенный в состав СССР. – Прим. авт.

ответом на наше нападение, Дубчек не был Саакашвили» (25). По мнению чешского президента, возникшую ситуацию скорее можно сравнивать с Косово: «С отторжением Косово Россия получила мощное оправдание для своей акции, и я опасаясь, что с последствиями этого прецедента мы еще встретимся не раз. И не только на Кавказе» (25).

Чешский президент приложил немало усилий, аргументируя и объясняя свою позицию в отношении России. В интервью польской газете «Речь Посполита» осенью 2008 г. он заявил: «Я думаю, что понимаю и разделяю взгляды Польши в 95 случаях из 100. Но вот в тех пяти случаях я с ней не согласен. По моему мнению, является ошибкой демонизация России. Я знаю польскую историю, и мне понятны причины, лежащие в основе опасений, которые вызывает у Польши эта большая страна на Востоке. Однако я думаю, что бороться сегодня с коммунизмом и Советским Союзом – ошибочно... Первые 15 лет после падения коммунизма Россия была слабым, растерянным, угнетенным и неуверенным в себе государством. Окрепнув, она стала проводить политику, исходя из своих национальных интересов, которые обладают такой же легитимностью что и национальные интересы Польши или Чехии. Тогда ее стали обвинять в империализме. Я считаю, что это огромное упрощение и поверхностные суждения (4). Приведем еще одну обширную цитату из его интервью российской газете «Коммерсант» в связи с 40-й годовщиной «Пражской весны»: «Я весьма категорически различаю Советский Союз и сегодняшнюю Россию, а еще более – СССР и российский народ. Для меня россияне тоже были жертвами грозного коммунистического тоталитарного режима, и лично я по отношению к ним никакой ненависти не ощущаю. Верю, что подобное отношение постепенно возобладает и в целом в нашей стране. Я не думаю, что ныне россияне и чехи находятся по разные стороны баррикад. Скорее кое-кто нас на эти разные стороны баррикад постоянно подталкивает, но наша задача состоит как раз в том, чтобы этому помешать. Не возьмусь говорить за всех чешских граждан, но лично я сегодня никакой опасности со стороны России не чувствую. Да, Россия иная, нежели мы. У нас другая политическая система, иная мера политического плюрализма, иная ступень демократии. Я бы в любом случае ничего этого не менял, но бояться России – это нечто совсем иное» (5).

Премьер-министр ЧР Мирек Тополанек и чешский министр иностранных дел Карел Шварценберг оспорили позицию В. Клауса по «кавказскому конфликту». Мнение Тополанека все средства массовой информации характеризовали как однозначное: Грузия реагировала на заранее подготовленную провокацию Москвы, на развитие конфликта повлияло неприсоединение Грузии к Плану действий по получению членства в НАТО на Бухарестском саммите. Кроме того, накануне 40-й годовщины ввода в Чехословакию войск Варшавского договора, премьер-министр сравнил

ответные действия России на Кавказе с «вторжением в Чехословакию советских танков в 1968 году» (22). Аналогичную позицию осуждения России занял и Карел Шварценберг. На заседании ООН (сентябрь 2008 г.) он охарактеризовал поведение Москвы как колониальное и обвинил Россию в агрессии против Грузии с целью создания двух крошечных образований, полностью зависимых от российских административных, экономических и военных структур (22).

По данным социологических опросов, весьма незначительная часть чешского населения – 14% – проявила сильный интерес к российско-грузинскому конфликту. Почти половина чешского общества это событие проигнорировала. 37% посчитали виновницей конфликта Россию, 20% – Грузию (12). А вот среди слушателей Чешского радио 60% поддержало взвешенную позицию, которую по этому вопросу занял президент Вацлав Клаус (10). Однако такая позиция президента вызвала огромное количество вопросов у чешских политических обозревателей. В ней они усмотрели начало разногласий между Клаусом и его партией – ГДП. Какие же цели преследует Клаус? – «недоумевали» журналисты и политики. Может быть, он тем самым отвергает «холодную войну» или выступает на стороне России, поскольку у него с ней общая цель – слабый Европейский союз? Игнорирует ли он чешские национальные интересы или действует в чешских национальных интересах? Просто хочет обратить на себя внимание? Ему нравятся сила и единство, поэтому он отдает предпочтение сильному игроку (21). Таков неполный перечень оценок, которые можно было встретить в чешских средствах массовой информации.

Подводя некоторые итоги, можно констатировать, что нынешний чешский президент Вацлав Клаус, позиционируя себя рациональным политиком, целенаправленно прилагает усилия для того, чтобы перевести отношения с Россией в фазу «нормальных». Он выступает против демонизации России и борьбы с фантомами Советского Союза и коммунизма. В то же время он твердо отстаивает право Чехии самой решать, что для нее хорошо, а что нет. Именно такую позицию занимает чешский президент по проблеме размещения элементов ПРО. «Это наше дело», – заявил В. Клаус (20).

Нельзя было не заметить, что накануне 40-летия со дня ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию и на фоне кавказских событий чешские СМИ публиковали огромное количество материалов, создающих негативный образ русских. Практически ни одна чешская газета не обходилась без специальной рубрики «Август 1968». Рубрики чаще всего были построены по одному принципу: освещение открытия выставки фотографий по теме, обновленная статистика жертв 1968 г. и интервью с очевидцем – коммунистом или диссидентом. Социологический опрос,

проведенный агентством STEM по заказу газеты «Hospodářské noviny», выявил, что сорока лет чехам было недостаточно для того, чтобы «простить русским августовское вторжение 1968 года». «Забыть обиду» готовы всего 10% опрошенных, 88% – отказалось «прощать», 2% – не высказали определенного мнения (15). Неприязнь хорошо подкрепляют комментарии чешских политологов и журналистов, которые, описывая российско-грузинский конфликт, «проталкивали» следующую идею: ну что, видели русские танки в Грузии? А говорите, что нам не нужен американский радар... (15).

Отголоски предвзятого отношения к России можно заметить и во взглядах академических чешских историков. Выступая на Международной научной конференции «“Пражская весна” и эволюция общественных настроений в СССР и странах Центральной и Восточной Европы», М. Вондрова из Института современной истории ЧАН отказалась признать правомерными утверждения российских историков о совместной ответственности лидеров ГДР, Польши и СССР за военное вторжение в Чехословакию в 1968 г. (1).

Бурную реакцию чешских историков вызвало заявление Коммунистической партии Чехии и Моравии, третьей по политическому влиянию партии в стране, по поводу Мюнхенского сговора 1938 г. и заслуг Советского Союза в борьбе против нацистского режима. Чешские коммунисты уверены, что Чехословакия вновь обрела независимость только благодаря СССР, который долгое время в одиночку противостоял нацизму. Западные державы, как говорится в заявлении КПЧМ, вступили в войну только после многочисленных побед Красной Армии. Многие чешские политологи и историки приняли заявление коммунистов чуть ли не за личное оскорбление и обвинили КПЧМ в одностороннем подходе к истории. Как заявил Зденек Газдра из Института по изучению тоталитарных режимов, до начала Второй мировой войны Сталин преследовал империалистические интересы, о чем свидетельствует заключение пакта Риббентропа–Молотова в августе 1939 г. и последовавший за этим раздел Польши. Чешские историки также сочли необходимым вступить за честь западных союзников, в частности Великобритании. По словам политолога Мартина Йержабека из Западно-чешского университета, англичане не только в одиночку сражались с фашистами в воздухе с лета 1940 г., но и оказывали Советам материальную поддержку после того, как на них напала Германия (17).

Официальная же Прага устами посла Чехии в России Мирослава Костелки уверяла, что Чехия не собирается переписывать историю, связанную с вводом советских войск в Чехословакию, и не мстит России за это с помощью размещения радара ПРО. «События 1968-го года являются историческими, и мы не хотим переписывать историю и постоянно ее

вспоминать. Но это будет возможно только в том случае, если нечто подобное не повторится. Самое худшее – это то, что трагедия наложила негативный отпечаток на отношения между чехами и советскими людьми. Она негативно повлияла на наши дальнейшие отношения», – заявил посол (12). «Чехия хочет прагматичных отношений с Россией. И мы чувствуем, что в России это поддерживается. Мы, конечно, будем вспоминать события 1968-го года, но только с исторической точки зрения. Мы не хотим, чтобы они повторялись: нигде и никогда», – заявил глава чешской дипломатической миссии. «Мы очень ценим, что бывший президент, а сейчас премьер-министр России Владимир Путин во время своего последнего визита в Чехию смог произнести слова извинений по этому поводу. Это вызывает у нас уважение. Мы считаем, что это было необходимо», – полагает Костелка. «Со стороны Чехии никакого реванша нет. И думаю, что со стороны Польши тоже. У них собственная оценка своей истории, так же, как и у нас», – отметил Костелка, говоря о размещении ПРО. «Я лично уверен, что ПРО не направлена против Российской Федерации. Я уверен, что в будущем мы будем с Россией сотрудничать в этой области, потому что опасность ракетного удара из некоторых стран будет. Нам будет необходимо решать этот вопрос. Но все будет зависеть от того, пойдет ли на сотрудничество Россия или нет. Я думаю, что это будет возможно», – сказал посол. «Мы всегда хорошо относились к России, и я думаю, что в будущем это сохранится. Но это зависит от обеих стран и их конкретных действий. Особенно в настоящее время», – заключил Костелка (12).

Свой вклад в дело взращивания русофобии вносит Чешская служба безопасности и разведки (BIS), которая обвиняет российские спецслужбы в манипуляции общественным мнением с целью настроить население Чехии против размещения американского противоракетного щита в стране. Согласно отчету, опубликованному на официальном сайте BIS, «российская шпионская деятельность в Чешской республике в настоящий момент стала особенно интенсивной». Причем «целью (российских спецслужб. – Ю.Щ.) в более широком контексте является создание впечатления, что в Европе идет реабилитация нацизма и отрицание роли СССР в разгроме нацизма, и все это под патронажем Европейского союза и НАТО». BIS также констатирует возобновление активности России в экономической сфере и предупреждает о слишком сильной зависимости страны от российских энергоресурсов (16).

Значительная зависимость чешской экономики от российских поставок энергетического сырья, что является неоспоримым фактом, усугубляет негативное и скептическое отношение к нашей стране (2, 7, 9). Эта ситуация представляется парадоксальной, поскольку существующее в этой области положение дел, на наш взгляд, должно, наоборот, способствовать пропаганде тесных и развитых взаимных отношений.

Многоплановая картина отношения чехов к России была бы неполной без упоминания о сохранившейся в Чехии до наших дней группе представителей исторической русской эмиграции. Именно они по большей части и составляют ту частичку чешского общества, которая, по мнению ряда российских ученых, позитивно настроена по отношению к России (8). Среди них Иван Петрович Савицкий – сын выдающегося философа и мыслителя теоретика классического евразийства П. Савицкого. Он родился в Праге, застал первый период русской эмиграции, когда русские были для чехов изгнанниками в гостях, застал период и после Второй мировой войны. Он считает, что после Первой мировой войны, после образования Чехословацкой республики, в Чехии были очень сильные группы русофилов, которые весьма интересовались русской культурой. В Праге еще до 1914 г. выходила книжная серия «Русская библиотека», в которой издавались переводы романов Толстого, Достоевского, Тургенева, десятки тысяч чехов, побывавшие в России в составе Чехословацкого корпуса, вернувшись в Чехословакию, продолжали интересоваться Россией, русской культурой. «Так что здесь была база для восприятия русской культуры» (13). По сравнению с нынешней, русская эмиграция в Чехии составляла примерно четвертую ее часть. «Но это была высококультурная среда, которая общалась с широким кругом чешской интеллигенции, с представителями средних слоев чешского общества, которые интересовались Россией. Так что тут было желание с обеих сторон встречаться и узнавать друг друга. И это желание прямо поддерживалось государственной властью» (13). После Второй мировой войны ситуация изменилась. «После войны возникла совершенно другая атмосфера. Русофилы при Первой республике были сориентированы в основном консервативно. А после войны русское в Чехословакии стало сопрягаться с коммунистическим. Это еще не означало снижение интереса к России. Напротив, интерес к России в виду победы Красной армии и освобождения Чехословакии от фашистской оккупации возрос. Но это были уже другие люди, которые интересовались русским. Русофильство начало строиться на других основах. Этому положила конец оккупация 68-го года. Чехи объединились в неприятии советского режима, но так как советский режим был связан с Россией, то значит и в неприятии всего российского» (13). И. Савицкий отмечает, что русское присутствие в Чехословакии, а затем в Чешской Республике очень сильно связано с политикой, здесь не было преувеличенности в его развитии. «То есть русофильская среда, которая поддерживала и приветствовала русскую эмиграцию, не приветствовала Красную армию и коммунистическую власть, которая отчасти опиралась на собственные коммунистические силы, но отчасти возникла в Чехословакии под давлением Советского Союза» (13).

Историку И. Толстому, русскому по происхождению, изучающему проблемы эмиграции, история отношений Чехии к России видится как «история утопии, перерастающей в антиутопию» (13). Начиная с XIX в. отношение к России в Чехии было утопическим. Чехия полагалась на старшего, более сильного, более многочисленного русского брата, который мог бы защитить ее от давления со стороны Австро-Венгрии. Была утопическая надежда на славянское единство. «17-й год положил этой утопии конец. ...Возникла другая утопия, связанная с надеждой на русскую культуру в эмиграции. Русская акция президента Томаша Масарика и близких ему по идеям и по духу людей как бы ориентировалась на самих себя. Судьба Масарика – из профессоров в президенты. Почему же это невозможно для России? Так давайте поддерживать русскую интеллигенцию, давайте плодить русскую профессуру, которая в новой России возьмет власть, и тогда поддержит нас, чехов, в нашем стремлении к национальному возрождению. И, как мы знаем, это тоже оказалось утопией. Послевоенное присутствие русских делало все для превращения утопии в антиутопию. И сейчас в Праге русские не очень заметны. Не очень заметны в духовном, в интеллектуальном плане» (13).

Литература

1. Вондрова И. «Пражская весна» и чешское гражданское общество. (Доклад) // Международная научная конференция «“Пражская весна” и эволюция общественных настроений в СССР и странах Центральной и Восточной Европы» (Москва, 23–24 октября 2008 г.).
2. Жижка Я. С Путиным можно вести переговоры, хоть он и защищает российские интересы. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation>
3. Задорожнюк Э.Г. Политический портрет президента-драматурга Вацлава Гавела // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе. – М., 2003. – С. 130–169.
4. Из интервью В. Клауса польской газете «Речь Посполита» 11.10.2008. – Режим доступа: <http://www.klaus.cz>.
5. Из интервью В. Клауса российской газете «Коммерсант» 22.08.2008. – Режим доступа: <http://www.klaus.cz>.
6. Интервью В. Гавела Новой газете 11.06.2007. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/data/2007>
7. Комарек М. К нам приехал Путин. Хорошо, но не более того. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation>
8. Нарочницкая Н. Грех не поработать с той частью чешского общества, которая настроена позитивно по отношению к России. – Режим доступа: <http://www.narochnitskaia.ru/>
9. Парал П. Европа: Дружба «отсюдова» и «досюдова». – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation>
10. Президент и премьер Чехии разошлись во мнениях по Кавказскому конфликту – Режим доступа: <http://www.ptel.cz>

11. Пророк В. Чешско-русские отношения – политические традиции и перспективы. (Доклад). – Рукопись. – 15 с. // Международная научно-практическая конференция «Экономическое и гуманитарное сотрудничество России и Чехии: Новые перспективы» (Москва, 16–17 октября 2006 г.)
12. Разруха в эпоху младореволюционеров. – Режим доступа: <http://www.czechtoday.cz>.
13. Ройтман Л. Исчезнувший мир «Русской Праги». – Режим доступа: <http://www.ricol.org/europe/zchehia/>
14. Романцов М. Россия: империя, которая этого не стыдится. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation>
15. Тепина И. Мой августа 2008. – Режим доступа: <http://www.ptel.cz>
16. Чешская контрразведка: размещению американских ПРО мешают российские спецслужбы. – Mode of access: <http://palm.newsru.com/dossier/>
17. Чешских коммунистов раскритиковали за восхваление СССР. – Режим доступа: <http://www.ptel.cz>
18. Havel V. NATO, Evropa a bezpecnost demokracie: Vyber z projevu, clanku a rozhovoru 1990–2002. – Pr., 2002. – 111 s.
19. Klaus V. Misto autobiografie: urcuji momenty a vlivy. – Mode of access: <http://www.klaus.cz>
20. Klaus V. Rusko nema do radaru co mluvit. – Mode of access: <http://www.klaus.cz>
21. Lauder S. Vaclav prvni necitelný. – Mode of access: <http://www.respekt.cz/38>.
22. O konflikt Ruska a Gruzie se zajímala asi polovina Čechů. – Mode of access: <http://www.ceskenoviny.cz>.
23. Puskinova medalie – V. Klausovi. – Mode of access: <http://www.novinky.cz/clanek>
24. Romancov M. Rec.: Natalia Narocnickaja: Rusko a jeho misto ve svete // Mezinarodni vztahy. – Pr., 2007. – C. 1. – S. 115–119.
25. Rozhovor prezidenta republiky pro denik Mlada Fronta Dnes o konfliktu v Gruzii. – Mode of access: <http://www.klaus.cz>
26. Sustrova P. Cesky vztah k Rusku // Mezinarodni politika. – Pr., 2006. – C. 2. – S. 19–20.
27. Zboril Z. Mody a mody ceskeho vnimani ruske politiky // Mezinarodni politika. – Pr., 2006. – C. 2. – S. 16–18.

Л.М. Светлорусова

БОЛГАРСКАЯ ПЕРИОДИКА О РОССИИ В НОВОМ ВЕКЕ

**Светлорусова Людмила Максимовна –
научный сотрудник ИНИОН РАН.**

Первое десятилетие XXI в. знаменует для России новый этап развития, – к такому выводу пришел Л. Петров (11, с. 1). До 1999 г., который стал своеобразным рубежом для страны, основные усилия российского общества были направлены на выход из глобального кризиса, сохранение территориальной и государственной независимости России. После распада социалистической системы Россия оказалась отброшена на 16-е место в мире по уровню развития (2, № 2, с. 117). И сегодня, замечает З. Захариев, Российская Федерация больше напоминает банановую республику, чем современную развитую страну (7). В настоящее время более 80% российской экономики требует технического обновления. Все реализуемые в России программы, все созданные фонды развития, а также валютные резервы связаны с происходящим сегодня в мире бумом цен на нефть и энергоносители (7).

По оценке Л. Петрова, поставленные правительством антикризисные задачи успешно выполняются. По его словам, с приходом к власти нового президента России – Д. Медведева в 2008 г. начался новый период в ее развитии. Целями этого этапа являются модернизация государственного управления, формирование правового государства, достижение более высокого уровня жизни россиян. В последние годы российская экономика в определенной степени окрепла, полагает З. Захариев. Стабилизация экономического развития России началась в 2004–2005 гг. и продолжалась в 2006 г. Важным моментом в развитии России З. Захариев считает стабилизацию государственности. Для периода перестройки и правления Б. Ельцина была характерна, по его словам, «галопирующая эрозия государственности, что привело к распаду СССР. Этому периоду был положен конец» (7). Особое одобрение З. Захариева вызывают принятые решения в отношении процедуры назначения губернаторов. Такой подход к

управлению на местах он называет «крайне правильным и необходимым», так как для России важно наличие пирамидальной структуры власти. «Должно стать наконец ясно, что без пирамидальной структуры власти это государство не может существовать» (7). Выдвигаемые в связи с этим упреки в нарушении принципов демократии автор считает выражением личных и групповых политических амбиций внутри самой России, а также со стороны ряда зарубежных сил, конкурирующих с ней в геополитике.

Реальными центрами власти в современном российском обществе, отмечает З. Захариев, являются олигархи. По его оценке, созданный Б. Ельциным и приближенными к нему людьми олигархический круг превратился во второй центр власти в Российской Федерации. Сложившееся тогда двоевластие продолжается и сегодня, что в определенной степени мешает усилиям центральной власти стабилизировать государственность. Российское руководство не сумело справиться с олигархами. «...Ненормально то, что олигархи рассматриваются через призму “чужой – свой”, то, что они переливаются друг в друга. Это противоречит национальным интересам и интересам населения России. Ненормально..., что более 260 млрд. долл. находятся на банковских счетах на Западе, а 700 млрд. долл. утекли за границу...» Станным З. Захариев считает и такое положение, при котором российские инвестиции в Америку составляют 13 млрд. долл., а американские инвестиции в Россию – в десять раз меньше (7).

Основой развития современной экономики России является энергетика. Энергетические проблемы значимы как для положения дел внутри России, так и для ее внешней политики. Д. Динков обращает внимание на то, что В. Путин назвал энергетические поставки мощным рычагом российской внешней политики (6, с. 56). В этой связи в болгарской периодической литературе большое внимание обращается на роль Черноморского региона как одного из основных маршрутов по переброске нефти на европейские рынки. Сложные взаимоотношения, сложившиеся между Россией и Белоруссией

в последние годы (когда Белоруссия блокирует поставки российской нефти в западном направлении), повышают значимость Черного моря для России (8, с. 58). Р. Кацаров отмечает, что транспортировка нефти через Польшу и Украину также затруднена «из-за откровенно плохих взаимоотношений между Польшей и Россией и антироссийской линии в политике Украины» (там же).

Для России важна независимость от каких-либо инфраструктур и кого бы то ни было в геополитическом плане, подчеркивает Р. Кацаров. В качестве примера, подтверждающего его позицию, он приводит историю о том, как Россия отдала предпочтение строительству нефтепровода Ангорск – Находка, а не нефтепроводу Сибирь – Тихий океан. Нефтепровод Ангорск – Находка

полностью проходит по территории России и выходит на Тихоокеанское побережье. «Таким образом Россия получает крайне важный инструмент для оказания влияния в Азиатско–Тихоокеанском регионе» (8, с. 55). Казахстан является зависимым от России, так как он продает свою нефть на европейские рынки через Черное море, используя маршрут Тенгиз – Новороссийск (8, с. 56).

В конце 2006 г. Россия в лице государственной компании «Атомстрой-экспорт» выиграла торги на завершение строительства АЭС «Белене» в Болгарии. Членство Болгарии в ЕС вносит новые нюансы во взаимоотношения двух стран, замечает П. Грозданов – посол Болгарии в РФ с сентября 2006 г. «Таким образом, Россия выходит на европейские рынки в строительстве объектов атомной энергетики» (4, с. 78). В начале 2007 г. между

Болгарией и Россией были завершены переговоры о строительстве нефтепровода «Бургас – Александрополис». Министр экономики и энергетики Болгарии Р. Овчаров высоко оценивает рост взаимосвязей между Болгарией и Россией в последнее время. По его мнению, взаимоотношения двух стран в «определенные периоды были слишком активизированы. Перед нами стояла задача вывести их из сферы достаточно противоречивой идеологии и политиканства и поместить в разумные, прагматичные границы как в области энергетики, так и в области торговли и экономических связей» (10, с. 7). Некоторые политические силы в Болгарии рассуждают о зависимости или независимости Болгарии от России в связи с тем, что через территорию Болгарии проходят транзитные маршруты по переброске нефти и газа. Р. Овчаров полагает, что между Болгарией и Россией «формируется взаимозависимость, которая в большой степени гарантирует независимость такой небольшой страны как Болгария от таких гигантов как Россия» (там же). Издавна между Болгарией и Россией сложились хорошие взаимосвязи, и этот капитал значим также и для сферы экономики. Однако, как считает Р. Овчаров, принцип «старший брат – младший брат» уже не работает. «...Мир стал слишком прагматичным и экономически ориентированным, чтобы мы могли рассчитывать только на наши добрые связи, на воспоминания о свержении турецкого ига нашими братьями – освободителями» (10, с. 8). Между Болгарией и Россией на межправительственном уровне была выработана специальная программа, основной задачей которой болгарский министр экономики и энергетики называет уменьшение дисбаланса между двумя странами в торговом и экономическом отношениях (10, с. 7).

Черноморский регион в настоящее время представляет интерес и для Евросоюза. Этот регион после вступления Болгарии и Румынии в ЕС «уже не является внешним для ЕС, он превратился во внутренний», – замечает

Р. Кацаров (8, с. 59). Удобное географическое положение Болгарии и ее членство в ЕС дают ей возможность «участвовать в сложной геополитической игре» (там же, с. 60). Для Евросоюза Россия является стратегическим партнером; для России ЕС – стратегически значимый партнер. П. Грозданов уверен, что Болгария в качестве члена ЕС может содействовать углублению отношений между Россией и Евросоюзом (4, с. 77).

В. Гюзелев настаивает на том, что к основным проблемам, стоящим сегодня перед ЕС, относится проблема его взаимоотношений с Россией. По его словам, «...пренебрежение Россией как европейским фактором порождает ее реакцию, которая в определенных случаях может довести до нежелательного и опасного конфликта между ней и ЕС» (5, с. 48). Автор полагает, что объединение европейских стран «не должно превратиться в орудие антироссийской политики, независимо от того, кто ее провоцирует и проводит. Подобная позиция окажется не только недальновидной, но и гибельной, она может спровоцировать в конце концов конфликт с непредсказуемыми, отрицательными последствиями для Европы и ее будущего. Ни в коем случае нельзя допустить столкновения ЕС и России – ни в экономическом, ни в политическом, ни в военном плане» (там же). Для поддержания разумного баланса в мире необходимо сотрудничество между объединенной Европой и Россией. Надо учитывать, что ряд европейских государств имеют границы с Россией, «в большинстве случаев они зависимы от России, от ее энергоресурсов» (там же). Этим обстоятельством нельзя пренебрегать. Россия является неотделимой частью Европы, она внесла огромный вклад в развитие европейской цивилизации, «способствовала формированию новой европейской конфигурации своим разумным, трезвым и дальновидным поведением...» (5, с. 49). По оценке В. Гюзелева, Россия демонстрирует «великодушное поведение», так как она не прибегла к использованию силы при распаде социалистической системы; «даже тогда, когда ее имперские чувства и интересы были сильно затронуты, она не позволила себе использовать силовые методы» (там же).

Е. Гиндев считает, что взаимоотношения ЕС с Россией оказываются сложными в первую очередь потому, что «Западная Европа и Европа в лице ЕС не любят Россию – ни современную, ни вчерашнюю, ни позавчерашнюю» (3, с. 80). Евросоюз нацелен на «ограничение Российской Федерации как государственного объединения и на сокращение численности его населения до 30–50 млн. человек» (там же, с. 90). По мнению автора, спокойное, доброжелательное и равноправное сосуществование между ЕС и РФ трудноосуществимо (там же).

Бросая взгляд на развитие России в последние годы, Е. Гиндев характеризует состояние страны как «поведенческую, нравственную и

идеологическую путаницу, царящую в великом славянском государстве» (3, с. 91). Более того, Е. Гиндев отмечает, что, «попав в геополитическую бездну, Россия не может найти ответы на вызовы времени. В этой ситуации она теряет старых друзей и приобретает новых врагов» (там же). Евросоюз и Российская Федерация являются несовместимыми геополитическими субъектами. «Выдвигаемые различные инициативы по политическому, экономическому и культурному взаимному сближению (региональное сотрудничество, борьба с преступностью, укрепление демократии, энергетическая безопасность, различные путевые карты, развитие гражданского общества и т.п.) являются не чем иным, как фасадом всех имеющихся противоречий» (3, с. 92). Сегодня «цели и мотивы Российской Федерации не вполне ясны, а ЕС напоминает чрезмерно надутый шар... Судьбу европейского континента решит устойчивость двух его полюсов – кто первым распадётся» (там же). Ведущиеся иногда разговоры о возможности начала некой новой «холодной войны» между Россией и ЕС автор называет лишёнными каких-либо научных оснований. «Холодная война как своеобразный геополитический и геостратегический феномен возможна только между сторонами, имеющими сопоставимый статус, равные экономические, военные и идеологические возможности. Российская Федерация все еще далека от подобного статуса» (там же). Е. Гиндев выражает также сожаление в связи с тем, что российская внешняя политика, проводившаяся в последние годы, «не достаточно ясна и в большой степени придерживается устаревших парадигм» (3, с. 94).

Р. Кацаров считает, что значимость Евросоюза в мире выросла бы в несколько раз, если бы он, рассматривал маршруты по переброске энергоносителей в Европу в комбинации с магистралями, идущими из Азии, а не только через Черное море (8, с. 60). В болгарской периодике отмечается, что дополнительную сложность при рассмотрении Черноморского региона в качестве места пересечения интересов многих стран вносит то обстоятельство, что Конгресс США объявил в 1997 г. Каспийско-Черноморский регион зоной своих жизненных интересов (8, с. 51). Контроль со стороны США в этой зоне дает ему и его союзникам возможность получать доступ к транспортным энергетическим маршрутам из Центральной Азии в Европу. «При таком соотношении сил Россия может потерять жизненно важный для нее стратегический и геополитический инструмент по оказанию влияния на обстановку как в Центрально-Азиатском и Азиатско-Тихоокеанском регионах, так и на западном направлении» (8, с. 59). В этом случае независимым от американского влияния останется лишь маршрут по переброске нефти через территорию Белоруссии. А это в свою очередь вызовет сложности из-за устойчиво плохих отношений между президентом

Лукашенко и ЕС, а также недавнего кризиса в отношениях России и Белоруссии (там же).

Военно-промышленный комплекс России, по определению З. Захариева, является хребтом российской экономики. По некоторым данным, военный бюджет России составляет более 200 млрд. долл. (7). Экспорт военной продукции России сильно возрос, по этому показателю она опережает США: в 2006 г. военный бюджет превысил 9 млрд. долл., тогда как в советские времена он достигал 6 млрд. долл. З. Захариев полагает, что такое положение дел «способствует также развитию мирной экономики, укреплению диалога России с другими государствами, в том числе с Китаем и Индией» (7). Е. Гиндев оценивает современную ситуацию, сложившуюся в ВПК, как крайне драматическую. Балтийский и Черноморский флоты деградируют из-за своей сильно ограниченной инфраструктуры. Россия утратила ядерный испытательный полигон в Семипалатинске и космодром в Байконуре. Российская армия укомплектована лишь на 30% оружием и боевой техникой на современном уровне. Основная мощь России сегодня сосредоточена в войсках ракетного и стратегического назначения (2, № 2, с. 117).

К. Мазнев, генерал запаса, анализируя взаимоотношения России с НАТО, отмечает, что их сотрудничество содействует сохранению мира и поддержанию стабильности в Европе и на планете. Основой отношений между НАТО и Россией является работа Совместного постоянного совета – форума для консультаций и сотрудничества, действующего с 1997 г. В последние годы контакты НАТО и России активизировались. После подписания Римской декларации в мае 2002 г. НАТО и Россия сотрудничают как равные партнеры и ведут совместную работу в борьбе с международным терроризмом по организации спасательных операций в море, по противоракетной обороне (ПРО), по нераспространению оружия массового уничтожения (9, с. 1). По мнению М. Мазнева, Римская декларация показала, что, независимо от различий между НАТО и Россией в подходах к решению многих международных проблем, все же возможны их совместное противостояние угрозе мира и демонстрация общей ответственности на международной арене. Задачу сотрудничества России и НАТО автор видит в создании надежной системы коллективной безопасности по предотвращению конфликтов, прежде всего мирными средствами. Однако, несмотря на положительную динамику, в подходах НАТО и России существует ряд разногласий по принципиальным вопросам. На некоторых сессиях НАТО «довольно ощутимо обозначились антироссийские настроения» (9, с. 2). Особенно это демонстрируют представители Польши и прибалтийских государств. США отказались от Договора ПРО, в 2000 г. истекает срок Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), но переговоры о его продлении пока еще не начались, а другие

соглашения находятся в фазе застоя. К. Мазнев считает, что серьезную проблему для отношений между Россией и США могут вызвать «очередные кризисы и политический хаос на Украине и в Грузии в связи с попытками американцев подтолкнуть их к вступлению в НАТО. Если эти планы реализуются, то отношения между двумя силами могут приобрести качественно другой характер» (там же).

Крайне сложной называет К. Мазнев ситуацию, складывающуюся вокруг Договора об обычных вооруженных силах Европы (ДОВСЕ). Ратификация и вступление в силу модернизированного соглашения по этому договору (1999) не произошло из-за выдвинутых западными партнерами дополнительных условий. Россия вначале объявила мораторий на данный договор, а затем – 12 декабря 2007 г., приостановила свое членство в нем. Российская Федерация выступает против размещения элементов национальной противоракетной обороны США в Европе, считая его немотивированным, так же как открытие военных баз в Болгарии и Румынии на двусторонней основе.

Д. Динков также обращает внимание на то, что шаги США по созданию системы противоракетной обороны в Европе оцениваются в РФ как направленные против России. В связи с этим выступление В. Путина на Конференции по проблемам безопасности в Мюнхене (в феврале 2007 г.) он трактует как отпор со стороны России навязыванию однополюсной модели в международных отношениях (6, с. 57). С. Георгиев по иному оценивает упомянутое выступление В. Путина. Он усматривает в нем «заявку России на то, чтобы вернуться к своему прежнему состоянию великой силы, используя методы тоталитаризма, демагогии и закулисных игр» (1, с. 8). Известную роль в этом играют внутрироссийские настроения. «Стратегический выбор США в качестве партнера, который был сделан при Б. Ельцине и поддерживавшийся до последнего времени В. Путиным, в итоге вызвал разочарование большинства российской интеллигенции, политических и деловых кругов. Существует реальная опасность того, что нынешние отношения между США и Россией будут восприниматься в обеих странах как попытки другой стороны добиться своих корыстных целей» (6, с. 57). К. Мазнев признает, что создание американской инфраструктуры в Чехии, Польше, Болгарии и Румынии находится в противоречии с имеющимися договоренностями между НАТО и Россией, которые исключают размещение вооруженных сил стран – членов НАТО на территории новых членов альянса. Автор делает вывод о нарушении баланса военных сил в Европе. В последние годы нестабильность в мире нарастает, это признают политологи и эксперты по геополитике. Отношения между Россией и НАТО осложняются из-за возникающих разногласий по проблемам контроля за ядерными арсеналами, статуса Косово и др. К. Мазнев отмечает, что некоторые специалисты называют последние два-три года «холодным периодом» или «холодным

миром», неким новым этапом в международных отношениях. Намерения американцев расположить свои части противоракетной обороны на территории Чехии и Польши, создать военные базы в Болгарии и Румынии «вызвали обостренную реакцию не только со стороны России, но и ряда европейских стран» (9, с. 2). Как ответ на американскую позицию К. Мазнев расценивает инициативы В. Путина в августе 2007 г. – это «амбициозный план возрождения российской военной мощи и восстановления ее роли в мире» (там же). Для этого в России планируется обновить до 2015 г. половину военной техники. Кроме того, после 17-летней паузы решено возобновить полеты стратегических авианосцев над Атлантическим, Тихим и Северным Ледовитым океанами с возможностью наносить ядерные удары по территории США. Впервые за последние 10 лет боевые группы российских кораблей несли боевое дежурство в Атлантическом и Тихом океанах и Средиземном море (9, с. 3).

Задачу Болгарии, члена НАТО с 2004 г., К. Мазнев видит в привлечении России к участию в системе европейской безопасности. Для улучшения ситуации в мире и в Европе, в частности, он считает необходимым в рамках Совета НАТО – Россия сохранять «корректное поведение всех участников этого процесса. Глобальная безопасность может быть гарантирована не только военно-техническими средствами по самозащите, но прежде всего путем создания бесконфликтных отношений как со своими соседями, так и другими странами» (9, с. 3).

В Болгарии высказываются и другие точки зрения, исходящие из необходимости отмежевания от России. Вступление Болгарии в НАТО С. Райчевски трактует как предпочтение своей страной демократического пути развития и ликвидации зависимости от России (12, с. 3). Он цитирует высказывание президента Болгарии П. Стоянова о том, что «границы Ялты в течение десятилетий отрывали нас от демократической Европы, частью которой мы естественным образом являемся. Сегодня Болгария выбирает НАТО в качестве единственного гаранта своей безопасности и спокойствия» (там же).

Литература

1. Георгиев С. Западът и Русия пред нова Студена война // Демокрация днес. – С., 2007. – Г. 2. – Бр. 7, 16 февр. – С. 8.
2. Гиндев Е. Геополитическо и геостратегическо състояние на света в начале XX в. // Ново време. – С., 2006. – Г. 61, № 2. – С. 109–120; № 3. – С. 29–46.; № 4. – С. 63–80.
3. Гиндев Е. Европейският съюз. Русия и бъдещето на Европа // Ново време. – С., 2008. – Г. 63, № 1. – С. 85–94.
4. Грозданов П. И Болгарии и России полезно искать точки соприкосновения // Болгарский дипломатический обзор. – С., 2007. – Г. 7, № 3–4. – С. 76–79.

5. Гюзелев В. Рзбъркани размисли за човека, животът, обществото, управлението, държавата и съвремението // Понеделник. – С., 2007. – Г. 10, № 9/10. – С. 39–53.
6. Динков Д. Международные отношения вне контекста гарантированного взаимного уничтожения // Болгарский дипломатический обзор. – С., 2007. – Г. 7, № 3–4. – С. 54–57.
7. Захариев З. Съвременните българо-руски връзки // Ново време. – С., 2007. – Г. 62. – Бр. 2. – Режим доступа: [//www.novovreme.com/artikcle.php?id=902](http://www.novovreme.com/artikcle.php?id=902).
8. Кацаров Р. Транспортно-енергийни ресурси в Черноморския регион // Международни отношения. – С., 2007. – Г. 36. № 3. – С. 51–60.
9. Мазнев К. Ролята на България за развитие на отношения НАТО – Русия // Ново време. – С., 2008. – Г. 63. – Бр. 4. – С. 1–3.
10. Овчаров Р. Независимост посредством партнерства и взаимосвязи // Болгарский дипломатический обзор. – С., 2007. – Г. 7, № 3–4. – С. 7–8.
11. Петров Л. Изборите в Русия: ерата на Путин продължава // Ново време – С., 2008. – Г. 63. – Бр. 5–6. – С. 1–9.
12. Райчевски С. Преди десет години България избра НАТО // Демокрация днес. – С., 2007. Г. 2. – Бр. 7, 16 февр. – С. 3.

Т.Г. Биткова

ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ ГЛАЗАМИ
РУМЫНСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

**Биткова Татьяна Георгиевна – кандидат
филологических наук, старший научный
сотрудник ИНИОН РАН.**

Образ современной России в сегодняшней Румынии неоднозначен. Хотя во взаимоотношениях двух стран было много позитивных моментов, ряд событий прошлого, зачастую субъективно интерпретируемых, негативно окрашивает историческую память и влияет на восприятие нашей страны в Румынии. Однако некоторые румынские аналитики, внимательно следя за изменениями последнего десятилетия в России, пытаются более взвешенно оценить как внешнюю политику, так и внутренние проблемы нашей страны.

Здесь прежде всего следует отметить серию работ историка и публициста Лауренциу Константиу, опубликованных в журнале «Cadran politic» в последние годы. Анализ текущей российской проблематики автор, как правило, сопровождает историческими экскурсами, пытаясь найти в прошлом предпосылки сегодняшнего развития нашей страны.

Рассматривая важнейшие **внутриполитические события**, автор видит в них подтверждение того, что в России режим правления всегда имел авторитарно-бюрократическую форму, и отводит ключевое место расстрелу Белого дома в октябре 1993 г. (4). Когда Ельцин взял верх в противостоянии с Верховным Советом, никто не сомневался, что российская экономика и далее будет развиваться по пути шоковой терапии. Однако ритм реформ замедлился, государство начало усиливать влияние в экономической сфере. Как следствие, бюрократия сумела породить новую элиту деловых людей (сегодняшних олигархов), получивших доступ к бюджетным ресурсам и выгодным кредитам.

В результате приватизации самые рентабельные советские предприятия были акционированы значительно дешевле их рыночной цены. Очевидно, что

и бюрократия не упустила своей выгоды. Среди участников «прихватизации» оказались и директора крупных предприятий, первоначально выступавшие против реформ, начатых Ельциным. «За очень короткое время институт власти превратился в акционерное общество, в котором каждый участник имел свою квоту» (4).

Какое же озарение нашло на Ельцина, что он сменил курс? Кажется, Ельцин осознал, что надо опасаться не столько тех, кто внизу, т.е. «большинства», сколько тех, кто рвется наверх и может апеллировать к этому «большинству». Если обратиться к истории, то можно вспомнить Павла I, который, желая ограничить влияние крупной аристократии, попытался лишить ее привилегий. Как известно, попытка эта закончилась трагически для монарха. Ельцин предпочел изменить курс экономической политики, предоставив номенклатуре возможность влиться в новые экономические структуры. Плоды этих действий стали заметны уже во время избирательной кампании 1996 г., когда Ельцина массово поддержала новая посткоммунистическая элита. И это был первый урок Октября 1993 г.

Второй урок, усвоенный Ельциным, состоял в понимании того, что нельзя испытывать до бесконечности терпение масс. Первые два года гайдаровских реформ привели народ на грань выживания и терпения. Продолжать такие реформы было рискованно для политической карьеры Ельцина, и он наложил мораторий на реформы, чтобы обеспечить себе политическое выживание.

По мнению Л. Константинову, сегодня можно утверждать, что события Октября 1993 г. определили «форму и содержание» компромисса, которым завершилась «демократическая революция» 1991 г. Это и является главным уроком Октября 1993 г. для сегодняшней России (4).

Несколько статей Л. Константинову посвящено особенностям сегодняшнего демократического процесса в России. Здесь сосуществуют четыре группы интересов, пишет автор. Это «семья», «питерцы», представители либеральных сил, «силовики». Тот, кто не знаком с методами игры актеров на этой политической сцене, может придти в затруднение. Нити российской политики слишком запутаны, а гласность не достигает политической сцены, ибо решения принимаются за закрытыми дверями в узком кругу лиц. Таким образом, политический процесс не базируется на демократических принципах, прописанных в Конституции РФ, а проходит совсем иначе. По причине того, что президентские полномочия в России преобладают над парламентскими, «хозяин» Кремля является главной фигурой. Обладая властью, президент одновременно выражает интересы групп, которые формируются вокруг него (3).

«Семья» – это часть экономической и политической элиты, которая обозначилась на политической арене в период последнего мандата Ельцина. Хотя после прихода к власти Путина она продолжала действовать, олицетворяя собой некий гарант преемственности власти, влияние «семьи» уменьшилось. Первый декрет, подписанный Путиным в качестве президента, гарантировал Ельцину и его семье защиту государства от каких-либо преследований. Никто из вновь пришедших во власть не предполагал, что статьи этого постановления косвенно будут распространяться и на «семью». Однако все произошло именно так. Единственным исключением стал Березовский, но его непримиримым противником был Юмашев. Изгнание олигарха, таким образом, является «делом семейным». Путин в течение своего первого срока регулярно встречался с «семейными» олигархами, достигнув с ними негласного соглашения: если те удалятся от политики, то власть не будет интересоваться, каким путем они сумели приобрести свои состояния. Больше того, на руководящие должности в огромных государственных нефтяных компаниях были назначены люди, связанные с «семьей».

Характерной чертой российского истеблишмента начала XXI в. стало преобладание военных во всех эшелонах власти. «Начиная с президентского кресла и кончая отделом по культуре какой-нибудь мэрии, в России люди в погонах присутствуют везде» (13). Массовое вхождение во властные структуры лиц, прошедших школу органов государственной безопасности, объяснялось необходимостью вливания «свежей крови» в административные органы. Эти люди ответственны, исполнительны, воспитаны в духе служения государству. По словам Патрушева, они – военные, их даже можно назвать «неоаристократами». «Силовики» объясняют свое преимущество перед штатскими и тем, что владеют самой достоверной информацией. Однако самовосхваления бывших чекистов, отмечает Л. Константинову, не выдерживают критики, поскольку не позволяют ответить на вопрос: «Каким образом был допущен развал СССР, если КГБ владел такими аналитическими мощностями?».

В российской истории «партия военных» не единожды приходила во власть для спасения страны. Так было при Рюриках, так было при Андропове, так же случилось при Путине. Окружение Ельцина пришло к выводу, что без «сильной руки» страну ждет катастрофа. Таким образом, появление «силовики» во власти вписывается в историческую традицию. Однако следствия этого не только плодотворны для государства, полагает Л. Константинову. Конечно, выходцы из спецслужб фанатично привержены сильной государственности. Вместе с тем люди в униформе воспитаны на подчинении приказам и, следовательно, предрасположены к авторитарным методам управления. Для «силовики» плюрализм мнений равнозначен

беспорядку. Установление порядка для них – это восстановление «вертикали власти» (7).

Находясь у власти, «силовики» проявляют к тому же клановый дух. Яркой демонстрацией этого стали слова Путина о том, что «не бывает бывших чекистов». Это «братство» действует очень эффективно, базируясь на принципах взаимной поддержки. Оно может стать даже сильнее, чем «семья». Люди, к нему относящиеся, были обучены действовать скрытно, не выражая подлинных чувств.

На вопрос, представляют ли эти люди опасность для российского общества, автор дает положительный ответ. Количество, как известно, переходит в качество, пишет он. Каждый из них подчиняется одной главной цели, а после выборов 2004 г. «главной целью стал контроль над всем обществом» (7).

Л. Константинову отмечает, что второй срок президентства Путина прошел под знаком утверждения во внутривполитической жизни феномена «управляемой демократии» (16). Этот феномен имеет предпосылки в российской истории. Сегодняшний политический режим в России сформировался еще до прихода к власти Путина. Еще при Ельцине он базировался на демократии, управляемой из Центра (Кремля), и неуправляемом авторитаризме российских олигархов.

Управляемая демократия сегодня – это не диктаторский и не деспотический режим. В ее основе – авторитарное протодемократическое правление в форме президентской республики в государстве номенклатурно-бюрократического типа. Такой тип правления, по мнению автора, является константой российской истории. Свидетельство того – разгон Учредительного собрания в январе 1918 г. и установление управляемой демократии Советов. Внутри коммунистической партии реальная демократия продолжала функционировать, но недолго. При Сталине управляемая демократия на уровне общества превратилась в псевдодемократию. Внутри партии при Сталине действовали правила управляемой демократии. Большим террором 1936–1938 гг. Сталин завершил дело, начатое Лениным.

Одной из целей, которые поставил Горбачёв в 1986 г., была именно демократизация партии. Инициатор перестройки потерпел поражение в своей попытке реформировать партию, поэтому ему пришлось отдать всю власть Советам. Горбачёв оказался узником нового демократического крыла партии под руководством Ельцина, который и отстранил его от власти. Разогнав Верховный Совет, Ельцин, «сознательно или нет, следовал традиции управляемой демократии» (16). Этой же традиции решил следовать и Путин. В управляемой демократии поддерживается видимость демократии реальной: народ осуществляет одно из своих гражданских прав – право голоса, а власть немного «корректирует» выбор, сделанный народом. Эта система приобрела

законченные формы благодаря усилиям тех, кто был у власти или участвовал в процессе приватизации в 1994–1997 гг. В основании системы лежат отношения, которые напоминают отношения между сюзереном и вассалом в Средние века. На региональном уровне руководители ведут себя как настоящие князьки. Однако, хотя им принадлежит местная власть, они вполне осознают, что их положение всецело зависит от Кремля (16).

«Управляемая демократия» легко позволила Путину получить второй президентский мандат, пишет Л. Константиу в статье «Россия: праздник выборов». Путин, независимый кандидат, сумел победить на выборах не только не участвуя в дискуссиях, но даже не ознакомив избирателей со своей программой. Население было очаровано тремя словами, которые президент повторял по всякому случаю: стабильность, прозрачность, законность. Эти слова «произвели магический эффект». Не менее очевидно, что магия трех слов была подкреплена действием мощной административной машины, материальные и человеческие ресурсы которой были мобилизованы на поддержку действующего президента. «Если Сталин в середине 30-х годов утверждал, что важно не как голосуют, а как подсчитываются голоса, то Путин показал, как важно быть во власти, чтобы достичь успеха на выборах» (15). В связи с упреками в том, что партии, претендующие на власть, подкупают избирателей в день выборов подарками, автор приводит слова одного из политиков, который сказал: «Так это и не были выборы. Это же был праздник» (цит. по: 15).

Традиция относиться к выборам как к празднику, пишет Л. Константиу, существует в России с царских времен. Когда-то семейные праздники царской семьи отмечались как общенациональные. «День рождения» выборов тоже имеет давнюю историю. Когда Николай II в 1905 г. подарил России Государственную думу, это событие отмечалось как праздник. Газеты того времени писали, что во всей России праздновалось единение монарха и народа. Когда в 1937 г. Сталин подарил народу «демократию», то день первых выборов в Верховный Совет также отмечался как праздник. По многочисленным свидетельствам, декабрь 1937-го был феерическим месяцем. Повсюду лозунги, плакаты, транспаранты. На избирательных участках (при крайней нехватке продовольствия) работали буфеты, звучала музыка, вечером был салют (15).

Высоко оценивая вклад Путина в процесс стабилизации, а также комментируя обещание нового президента России Д. Медведева продолжить курс предшественника «только вдвоем», автор полагает, что в этом контексте можно говорить о матрешке «Путин». «Став предметом суровой критики со стороны Запада и одновременно получив поддержку значительной части

собственного населения, Путин, без сомнения, является фигурой, бесповоротно вошедшей в современную историю России» (6).

Кроме политических проблем предметом анализа Л. Константинову стали **социальные и культурные** аспекты развития российского общества. В постсоветской России, пишет он, возник феномен двух параллельных культур: культура «верхов» (или культура Рублевки) и новая массовая культура (8). Автор и здесь проводит параллели с прошлым. Когда-то Ключевский говорил об антиномиях русского общества и их влиянии на его дальнейшую эволюцию. Эта реальность ощущается вновь. В обществе снова обозначились две враждующие культуры.

Большевикам удалось снять противоречие между старой традиционной московской культурой большинства населения и европейской культурой петербургской элиты. Как известно, процесс был кровавым и завершился физическим уничтожением носителей последней. Многие сегодняшние представители элиты так же, как их дореволюционные предшественники, имеют прозападную, космополитическую ориентацию. Выразители другой культуры более привязаны к «русским ценностям».

Хотя эти культуры эволюционируют параллельно, не взаимодействуя между собой, «культура Рублевки» устанавливает стандарты российской жизни. Нельзя сказать, что сегодняшняя элита совершенно не интересуется проблемами и ценностями представителей «массовой культуры», образом их жизни. Эти две модели не только представляют два параллельных культурных пространства, между ними существуют отношения антиномии.

Резкий переход к стандартам потребительского общества западного типа в сочетании с возможностью быстрого обогащения (в большинстве случаев нелегального) расколол общественное сознание, создав два мира, две цивилизации. В атмосфере народного энтузиазма 90-х годов теоретически возникли предпосылки для формирования среднего класса. Однако в действительности условия существования этого слоя ухудшились. Решение социальных проблем большинства превратилось в изнуряющую борьбу за существование. Это озлобило общество и способствовало появлению социальной пассивности. Раздавленный лавиной социальных проблем homo postsovieticus уже не мог выйти из своей узкой среды, куда посторонние не допускались. Он стал узником своего культурного пространства.

Нельзя отрицать, что общество потребления имело положительное воздействие на homo postsovieticus. Каждый российский гражданин обзавелся своей «американской мечтой». В целом же атмосфера в обществе и индивидуальная жизненная стратегия не претерпели существенных изменений. Окружающая социальная среда становилась все агрессивнее, простой человек уходил в свой личный мир. Доверие к внешнему миру существенно снизилось.

Вследствие трансформации конца 80-х – начала 90-х годов появилась узкая социальная прослойка, для которой власть представляла лишь функцию, более или менее значимую для нее. В эту прослойку вошли, прежде всего, воротилы нефтяного бизнеса, которые уже набрались опыта жизни в потребительском обществе. Представителей этой прослойки называли в народе «новыми русскими». Она вобрала в себя не только выходцев из преступного мира и новоявленных бизнесменов, но также людей с образованием, заинтересованных в своем деле, не лишенных культурных запросов.

В этом отношении история России изобилует сходными процессами. Ее элита формировалась в решающие и напряженные моменты развития общества. При Иване Грозном опричнина, которая была инструментом централизации страны, послужила источником формирования новой элиты. Новая аристократия, прекрасно усвоившая ценности западного общества XVII–XVIII вв., появилась затем при Петре I. При Ленине–Сталине образовалась своя элита: слой партийно-хозяйственной номенклатуры.

Недавно пришедшие во власть становятся выразителями новых политических взглядов, которые на протяжении предшествующего времени проникали в общественное сознание. Новые люди стараются отречься от прошлого и переучиться. Сегодняшняя «новая русская культура» также строится на отрицании прошлого во имя будущего. Однако отсутствие собственной истории и реального наследия заставляет элиту создавать свою традицию и искать свои корни, эксплуатируя любой тип наследия (символический, культурный, политический).

Влияя на культуру масс, культура элит формирует единство общества, которое выражается в понятии «особый путь России». Эта идея, по мнению ряда аналитиков, обозначилась в середине 90-х годов, когда наметились особенности нового российского общества. Она появилась в недрах культуры элит для того, чтобы легитимизировать и консолидировать ее изоляционизм, полагает Л. Константинову. Посредством «особого пути» происходит легитимизация власти, которая ставит себе в заслугу нахождение такого пути.

Сегодняшняя руководящая элита виновна в том, что семена гражданского общества, способствующие политическому и экономическому либерализму, на российской почве не дали всходов, что не произошло социального и культурного обновления. Многие в России шутят, что двуглавый орел на государственном гербе одной головой смотрит в сторону Европы, а другой – в сторону Азии. Шутка, однако, выражает реальность на уровне коллективного бессознательного русской нации. «Эта дилемма иллюстрирует вопрос о культурной принадлежности России и культурный разлом российского общества сегодня» (8).

Рассматривая **экономическое развитие** России (1, 2, 10, 13), Л. Константинову называет стабилизационные меры, предпринятые в 1999 г. после дефолта правительством Примакова, переломным моментом экономических реформ. Он отмечает, что при администрации Путина показатели ВВП стали увеличиваться год от года и хозяйственный хаос сменился стабильностью, хотя экономический рост позже несколько снизился.

Успешные реформаторы в России, подчеркивает Л. Константинову, осознавали две особенности: коллективизм русского народа и обширные, трудно контролируемые пространства (13). Отсюда проистекает огромная в сравнении с западными странами роль государства в процессе реформ. Страна, которая никогда в своей истории не была знакома с понятием самоуправления, испытывала и испытывает необходимость в сильном государстве, которое бы ее консолидировало. Таким образом, русский народ эволюционирует только в направлении, заданном сверху.

В сегодняшней попытке модернизации Россия снова обращается к Западу. Однако новая российская элита занимается модернизацией, не устранив государство из социально-экономической сферы, не копируя в точности модели, предлагаемые извне. Она учитывает этноконфессиональные и психоментальные особенности народа, не меняющиеся на протяжении длительного времени. Адепты западничества могут уехать из страны, но население останется наедине со своим собственным наследием. Оказавшись перед лицом новых реальностей, Россия снова пытается адаптироваться. Ее состояние – это «поиск утраченного времени» (13).

Заслуживает внимания позиция Л. Константинову относительно российско-грузинского конфликта в августе 2008 г. По его мнению, этот конфликт с очевидностью доказал, что идеологические амбиции США на Кавказе сильно превысили их возможности, проявив себя как *wishful thinking* (благие пожелания). «Запад своей политикой поддержки Саакашвили сделал все возможное, чтобы изолировать Россию. Эта политика привела к развязыванию войны в регионе, где США имеют сиюминутные интересы, а Россия – жизненно важные» (11). Кроме этого, конфликт показал, что однополярная система, характеризующаяся глобальной гегемонией США, делается все более контрпродуктивной. «Мы полагаем, что принцип невмешательства во внутренние дела, дополненный признанием сфер влияния сверхдержав в духе *Realpolitik*, представляет значительно более прочную основу для построения международных отношений» (там же).

В свете достаточно распространенных в Румынии антироссийских настроений неординарно выглядит статья Л. Константинову «Россия глазами Запада». Корыстные интересы западных держав в отношении России, пишет он, проявляются не только в Кавказском регионе, но и во многих других

сферах их политики, а оценки российских реалий страдают отсутствием объективности. С 1999 г. и по настоящее время «русские в целом и власти Кремля, в частности, подвергались массовой критике со стороны Запада». Часть критики оправдана, но другая ее часть, причем большая, свидетельствует о предубеждениях, а «порой речь идет о русофобии» (14). Три российские реальности вызывают беспокойство Запада в целом и США в особенности:

- укрепление власти Путина внутри страны;
- усиление независимой позиции Москвы на международной арене;
- рост мировой роли России как поставщика нефти и газа.

Демократия – это уроки, которые западное общество проходило на протяжении столетий. Поэтому Запад мог бы проявлять больше понимания в отношении России. «Было бы более продуктивным подумать, почему Путин, который, впрочем, является не самым авторитарным лидером мира, действует так, а не иначе» (14). Кажется, американские аналитики стали пленниками теории Фукуямы о конце истории, согласно которой после падения коммунизма либеральная демократия и рыночная экономика станут единственно возможным путем развития общества. «Они забыли или не желают принимать во внимание, что Россия имеет древние и глубокие исторические корни» (там же).

В настоящее время Россию можно считать без преувеличения страной независимой, пишет Константинову. Очевидна независимость российской дипломатии, отстаивающей концепцию многополярного мира, и именно это вызывает недовольство Вашингтона.

Недовольство Запада вызывает также превращение экспорта нефти и газа в вектор внешней политики России. Подозрительность Запада в отношении России заставляет его искать новые источники получения энергоресурсов. Россия в свою очередь решила расширять круг клиентов за счет Китая, Индии и Японии, а также заняться покупкой активов западных компаний, продающих энергетические ресурсы. Однако, делает вывод автор, ни один из проектов ЕС по диверсификации источников приобретения нефти и газа не может быть признан реалистичным. Для Европы самым приемлемым остается сотрудничество с Россией в области разведки, добычи и транспортировки нефти и газа. Сотрудничество России и Запада далеко от уровня, которого желает Запад, но «последний должен запастись терпением» вместо того, чтобы «поддерживать русофобию, которая порой неоправдана, а порой – контрпродуктивна» (14).

Нравится это Западу или нет, но снижение мировой роли России после СССР не могло продолжаться вечно. Эту мысль Константинову развивает в нескольких своих работах. Выход из этой ситуации, по его мнению, уже наметился благодаря **менталитету русского народа**. Жители России по

психологическому настрою и благодаря воспитанию не могут принять подобную реальность. Заставить национальное сознание согласиться с маргинализацией практически невозможно. В коллективном сознании русского народа коренится убеждение, что, несмотря на бедствия, которые страна не раз терпела на протяжении веков, она каждый раз находила в себе силы подниматься с колен. «Этот код невозможно устранить из национального сознания (...) Идея исторической непрерывности воодушевляет русских, представляя собой базовую модель национальной психологии» (13). Другим основополагающим компонентом сознания русского народа является вера в свое мессианское предназначение. Эта вера была стержнем эволюции России на протяжении веков. Благодаря ей «русский народ был способен и способен сейчас переносить невообразимые лишения, чтобы выполнить свою миссию, в особенности когда во главе государства стоит сильная личность». Именно поэтому патриотический дискурс Кремля сегодня находит отклик. Если бы не существовало этой веры в собственное предназначение, уже давно был бы поставлен крест на российской истории. «Поэтому думать, что Россия потеряла свой исторический шанс под бременем реформ, значит отрицать очевидное» (там же).

Список литературы

1. Constantiniu L. Cealaltă față a Siberiei // *Cadran politic*. – Buc., 2006. – N 42. – oct. – Mode of access: http://www.cadranpolitic.ro/view_article.asp?item=976&title=Cealalt%E3_fa%FE%E3_a_Siberiei
2. Constantiniu L. Cinci plus pentru «protecția națiunii» // *Ibid.* – N 38. – iun. – Mode of access: http://www.cadranpolitic.ro/view_article.asp?item=859&title=Cinci_plus_pentru_%84protec%FEia_na%FEiunii%93
3. Constantiniu L. «Familia» sau celula de baza a politicii ruse // *Ibid.*, 2004. – N 10. – ian. – Mode of access: http://www.cadranpolitic.ro/view_article.asp?item=114&title=%84Familia%94_sau_celula_de_baza_a_politicii_ruse
4. Constantiniu L. Lectiile lui... Octombrie // *Ibid.*, 2003. – N 9. – noiem. – Mode of access: http://www.cadranpolitic.ro/view_article.asp?item=84&title=Lectiile_lui%85_Octombrie_
5. Constantiniu L. Marea Neagră: un lac prea disputat // *Ibid.*, 2006. – N 39. – iul. – Mode of access: http://www.cadranpolitic.ro/view_article.asp?item=895&title=Marea_Neagr%C4%83:_un_lac_prea_disputat
6. Constantiniu L. Matrioșka Putin // *Ibid.*, 2008. – N 59. – sept. – Mode of access: http://www.cadranpolitic.ro/view_article.asp?item=2609
7. Constantiniu L. «Neo-aristocrati» Rusiei // *Ibid.*, 2004. – N 13. – apr. – Mode of access: http://www.cadranpolitic.ro/view_article.asp?item=1410
8. Constantiniu L. «Noi» și «ei»: realități culturale noi în societatea rusă postsovietică // *Ibid.*, 2007. – N 45. – febr. – Mode of access: http://www.cadranpolitic.ro/view_article.asp?item=2240
9. Constantiniu L. Politica externă rusă și Asia // *Ibid.*, 2006. – N 38. – iun. – Mode of access: http://www.cadranpolitic.ro/view_article.asp?item=860&title=Politica_extern%E3_rus%E3_%BAi_Asia

10. Constantiniu L. Quo vadis strategia energetică rusă? // Ibid., 2007. – N 45. – febr. – Mode of access: http://www.cadranpolitic.ro/view_article.asp?item=1025&title=Quo_vadis_strategia_energetic%E3_rus%E3?
11. Constantiniu L. Realpolitik Reloaded - Prea multă rusofobie și prea puțină rațiune // Ibid., 2008. – N 59. – sept. – Mode of access: http://www.cadranpolitic.ro/view_article.asp?item=2610
12. Constantiniu L. Reîntoarcerea „fiilor risipitori” // Ibid., 2003. – N 9. – noiem. – Mode of access: http://www.cadranpolitic.ro/view_article.asp?item=83&title=Re%EEntoarcerea_%84fiilor_risipitori%93
13. Constantiniu L. Rusia: "începutul marelui drum" al... revenirii // Ibid., 2004. – N 12. – mart. – Mode of access: http://www.cadranpolitic.ro/view_article.asp?item=154&title=Rusia:_%22%C3%AEnceputul_marelui_drum%22_al..._revenirii
14. Constantiniu L. Rusia, prin ochii Occidentului // Ibid., 2006. – N 39. – iul. – Mode of access: http://www.cadranpolitic.ro/view_article.asp?item=894&title=Rusia,_prin_ochii_Occidentului
15. Constantiniu L. Rusia: Sarbatoarea alegerilor // Ibid., 2004. – N 13. – apr. – Mode of access: http://www.cadranpolitic.ro/view_article.asp?item=193&title=Rusia:_Sarbatoarea_alegerilor
16. Constantiniu L. Rusia și democrația dirijată // Ibid. – N 10. – iun. – Mode of access: http://www.cadranpolitic.ro/view_article.asp?item=115&title=Rusia_si_democratia_dirijata

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

А.А. Сальникова

«ВЕЛИКАЯ», «СВЯТАЯ», «ДАЛЕКАЯ»^¼
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
В ВОСПРИЯТИИ ДЕТЕЙ-СОВРЕМЕННОКОВ

**Сальникова Алла Аркадьевна – доктор
исторических наук, профессор Казанского
государственного университета.**

*Странную песню тебе я спою –
Баюшки-баю-баю.
Ужас и смерть в нашей стране, –
Спи, – твой отец на войне.
Если отец не вернется домой,
Вырастешь ты, мальчик мой.
Сильный и смелый, врага поразишь
И за отца отомстишь.
Колыбельная песня. «Нива», 1915 г.*

Определяя типы культур с точки зрения преемственности поколений, культурная антропология называет и разграничивает три основные их разновидности: культуру постфигуративную, когда внуки воспроизводят традиции и обычаи жизни дедов, культуру конфигуративную, когда «преобладающей моделью поведения для людей, принадлежащих к данному обществу, оказывается поведение их современников», и культуру префигуративную, когда уже взрослые учатся у молодых¹.

В принципе весь XX век в России можно рассматривать как век префигуративной культуры, но были в истории России такие моменты, когда префигуративная ситуация становилась знаковой, основной. Наиболее явный

1. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. – М., 1988. – С. 322, 343, 360–361.

и отчетливый среди них – это, безусловно, период Октября и Гражданской войны: новый, советский стиль жизни создавался, в первую очередь, представителями молодого поколения, не обремененного грузом прошлого, возвращенного на новых идеалах и ценностях и становящегося носителем этих ценностей и идеалов. Однако уже в русском авангарде начала XX в. присутствовали черты и концепции эстетизированной детскости. Дети становились главными героями декадентской литературы, а также приметой русской философии любви и художественного творчества, строившей идеальные образы и модели семейного счастья на хронотопе детской повседневности и аналогиях с детской игрой².

Первая мировая война породила феномен так называемого «молодежного сознания», а юность стала «наиболее ценным возрастом» эпохи и «самой привилегированной возрастной категорией»³. Эта война – действительно «первая» (и по степени охвата участников, и по размаху военных действий, и по множественности и изощренной жестокости потерь) – расширила, а затем и сломала рамки детской. Наряду с другими событиями рубежа 1910–1920-х годов она сформировала целое поколение «милитаризированных» детей, для которых военная действительность стала явлением каждодневным, обыденным, привычным, поскольку вся их сознательная жизнь полностью совпала с военным временем. Осознание крайней незащищенности детей в годы Первой мировой войны заставило британскую организацию «Спасите детей» и ее шведский аналог «Рэдда Барнен» составить проект Декларации о правах ребенка, который был принят Лигой Наций в 1924 г. Именно в период Первой мировой войны детей стали особенно часто вовлекать в военные акции в различных формах – от косвенной помощи до фактического участия в действиях регулярных или добровольных воинских формирований с оружием в руках. Появилось такое понятие, как «ребенок-комбатант»⁴.

Как утверждают психологи и специалисты в области международного гуманитарного права, собственно «военные» проявления – обстрелы, бомбежки, другие вооруженные операции – не могут привести к серьезной психологической травме ребенка, «если рядом будет защитник, который в его детском сердце олицетворяет безопасность, и если он в то же время сможет

2. См.: *Культурология: Энциклопедия*. – В 2-х тт. – Т. 1. – М., 2007. – С. 559–560.

3. Арьес Ф. *Ребенок и семейная жизнь при старом порядке*. – Екатеринбург, 1999. – С. 41.

4. См.: Сингер С. *Защита детей в условиях вооруженных конфликтов* // *Дети и война*. – Международный комитет Красного Креста (МККК), 1995. – С. 43; Криль Ф. *Защита детей во время вооруженных конфликтов* // Там же. – С. 84.

сжимать в руках какой-либо знакомый предмет»⁵. В период с 1914 по 1922 г. таких «защитников» и таких «предметов» у российских детей становилось все меньше и меньше – прежние семейные связи были нарушены, традиционный жизненный уклад сломан, а подчас и полностью уничтожен. Среди жертв этой «войны» – как физических, так и морально-психологических – было беспощадно много детей, причем потери шли по возрастающей.

Военному фактору в педагогике традиционно принадлежало немаловажное место. Тот романтический флер, который обычно окутывал войну в детских представлениях (практически вплоть до непосредственного соприкосновения детей с ее ужасами и зверствами), был благодатной почвой для воспитания патриотических настроений, формирования чувства гражданственности, лояльности и преданности существовавшему режиму. Во все времена дети, в первую очередь мальчики, стремились «убежать» на войну. Во все времена дети (как мальчики, так, кстати, и девочки – при совместных, обычно подвижных, играх) играли «в войну» (наиболее обобщенным, идеологически отвлеченным видом такой игры, построенной на противостоянии «воюющих» сторон, является хорошо известная игра в «казаки-разбойники»). Игровая сущность войны была близка и понятна детям⁶. Воинский мундир, военная форма и ее атрибуты, военная символика и эмблематика, такие качества характера, как мужественность, смелость, даже некоторая отчаянность (отсюда известное выражение, характеризующее высшую степень доверия – «я бы пошел с ним в разведку») традиционно трактовались как истинное проявление маскулинности⁷ и в равной степени высоко ценились как мальчиками, так и девочками: первыми – как образцы

5. Bross Th. *L'Enfance, Victime de la Guerre: Une etude de la situation europeenne*. – Paris, 1949. P. 11–12; Платтнер Д. Защита детей в международном гуманитарном праве // Дети и война. – С. 9–10 и др.

6. «Когда вооруженную борьбу называют игрой, то имеют дело с речением столь же древним, как сами слова “борьба” и “игра” ... Оба значения – “борьба” и “игра” – и в самом деле нередко, по-видимому, сливаются. Каждый случай борьбы регламентируется ограничительными правилами и тем самым – уже благодаря ограничивающему порядку – носит формальные признаки игры, особенно интенсивной, энергичной и в то же время чрезвычайно наглядной, видимой простым глазом игровой формы» (Хейзинга Й. *Homo ludens: Человек играющий*. – М., 2001. – С. 149–150).

7. Высокий социальный статус военного сложился в России еще с начала XVIII в. (См.: Хренов Н.А. *Дворянская субкультура в ракурсе исторической психологии* // Мир психологии. – 1998. – № 1. – С. 246). «Оружие и форма – это идентификация с мужественностью взрослого», – замечала Анна Фрейд. (Фрейд А. *Эго и механизмы защиты*. – М., 2003. – С. 157).

для подражания, вторыми – как предметы восхищения, а нередко и зависти⁸. Первая мировая еще более актуализировала все эти «военные» идеалы, ценности и практики.

«Война властно втянула в свою стихию все классы населения, все возрасты. Она захватила и детей», – так или примерно так начиналось большинство статей российских педагогов, психологов, историков и журналистов, опубликованных в ведущих российских педагогических журналах в 1914–1917 гг.⁹ Впрочем, «милитаризация» детей в России (этот термин, причем часто с негативным оттенком, употребляли в то время многие педагоги, имея в виду вовлеченность, причастность детей к войне, как в конкретно-действенном, так и в ментальном плане¹⁰) началась еще задолго до 1914 г. Невиданный всплеск детского патриотизма вызвала русско-японская война¹¹. Эти настроения не остались незамеченными и были использованы властью для воспитания верноподданнических чувств. Если за рубежом набирало силу скаутское движение, то в России стала создаваться «чисто русская» детская военизированная организация, получившая – по аналогии с петровским начинанием – название «Потешные воинские части». Руководили ее созданием офицеры российского генерального штаба, а сама она находилась под личным покровительством Николая II.

В «потешные» принимались дети в возрасте от 8 до 15 лет. К 1911 г. только при гимназиях и реальных училищах Казани, Елабуги и Чистополя насчитывалось около тысячи детей, состоящих в этой организации; еще больше было их при начальных училищах Казанской губернии¹². Однако неумение по-настоящему увлечь детей, излишняя муштра, а иногда и отдельные случаи рукоприкладства в частях при начальных училищах привели к тому, что движение «потешных» начало хиреть. В этих условиях решено было переориентироваться на скаутские организации, которые стали

8. Именно за эту «смелость» и «отчаянность» характера русские девочки так любили героинь книг Лидии Чарской. (Об этом см.: Holmgren B. Why Russian Girls Loved Charskaia // Russian Review. – V. 54. – January 1995. – P. 91–106).

9. Нестеров П.Н. Война и учащиеся дети // Русская школа. – Январь 1915. – № 1. – С. 46. Такими изданиями в рассматриваемый период были журналы «Вестник воспитания» и «Русская школа».

10. «Дети – прирожденные милитаристы», – утверждала в своей статье учительница Н (Учительница. Отражение войны в жизни детей // Русская школа. – Декабрь 1915. – № 12. – С. 6).

11. Так, в фонде Казанского губернского предводителя дворянства Национального архива Республики Татарстан хранятся патриотические обращения детей-дворян в поддержку русско-японской войны за 1904 г. (См.: НАРТ. – Ф. 407. – Оп. 1. – Д. 824. – Л. 221, 222 и др.).

12. См.: Малкин И.И., Носов С.С., Яруллин Ш.К. Марш пионери Татарстана. – Казань, 1973. – С. 17.

широко создаваться в России начиная с 1914 г.¹³ Впрочем, участие в работе скаутских организаций особого восторга у детей не вызывало. «Новшеством явилась попытка организовать бойскаутское движение, – вспоминал впоследствии один из его участников, гимназист 3-го класса одной из казанских мужских гимназий. – По классам создавались отряды, которые выстраивались перед зданием гимназии, с ними проводились муштровка и некоторые физические упражнения... Никакого энтузиазма эти занятия почему-то не вызывали, и ребята относились к ним с некоторым любопытством, но без увлечения»¹⁴.

Первая мировая война существенно повлияла на жизнь детей¹⁵, но для большинства из них «приобщение» к войне происходило не сразу, а постепенно. Педагог П.Н. Нестеров выделил несколько этапов в процессе «познания» войны теми детьми, которые находились вдалеке от театров военных действий, в тылу (а таковых было большинство): 1) «патриотические манифестации в городах вслед за объявлением войны»; 2) «призыв запасных (иногда близких родных) и отправка их на передовые позиции»; 3) «прибытие в город раненых, посещение их в лазаретах и рассказы участников боев»; 4) «школьные беседы о значении и смысле войны»¹⁶. Эти этапы и у мальчиков, и у девочек совпадали, но не всегда, особенно на первых порах. Если мальчики, например, принимали самое активное участие в экзальтированных манифестациях с призывно-патриотическими лозунгами и речами, с портретами государя и наследника и национальными флагами и нередко шествовали с такой атрибутикой во главе колонн, о чем свидетельствуют сохранившиеся фотографии событий¹⁷ (по словам маленького современника, побывавшего на такой демонстрации, он «так

13. См.: Скауты России. XX век: Воспоминания старших поколений. – М., 2003; Кудинов В.А. История скаутского движения в России в XX в. – М., 2004; Соломоновский И.К. Бойскауты на службе у генерала Корнилова // Новый часовой. – 2004. – № 15–16. – С. 487–490 и др.

14. Адо В. Вспоминаю о прошлом... Записки русского интеллигента XX века // Казань. – 2000. – № 8. – С. 41.

15. Об этом см.: Кайский А. Дети на войне. – Пг., 1915; Брусянин В.В. Война, женщины и дети. – М., 1917; Odinetz D., Novgorotsev P. Russian Schools and Universities in the World War. – New Haven, 1929 и др. Весьма существенное значение для понимания роли и места войны в детской жизни имел выход в свет в 1915 г. сборника Киевского Фребелевского общества «Дети и война» под редакцией В.В. Зеньковского, содержавшего выступления и доклады членов общества, а также публикацию писем детей к солдатам и рисунков детей. (См.: Дети и война. – Киев, 1915).

16. Нестеров П.Н. Война и учащиеся дети. – С. 47.

17. См., в частности, фотографию манифестации рабочих в Москве в августе 1914 г. (Нива. – 1914. – № 34. – С. 650).

кричал, что потом несколько дней говорить не мог – охрип»¹⁸), то девочки наблюдали такие «шествия» обычно только со стороны. Впрочем, как те, так и другие в начале войны были довольно плохо осведомлены о происходящем: по их собственным словам, «о немцах многие не имели никакого понятия и говорили так, что можно было заключить, что немцы, германцы и пруссаки – разные народы», «не понимали даже, кто за нас и кто на нас»¹⁹. Лишь по мере непосредственного общения с фронтовиками и беженцами дети постепенно переходили к узнаванию военных реалий, к пониманию той горькой и страшной «правды о войне», которая подчас начисто разрушала сложившиеся у детей иллюзорно-вымышленные представления.

Одним из основных носителей такой правды стала в этот период переписка детей и солдат. И педагоги, и средства массовой информации всячески поощряли этот вид «детской активности», как, впрочем, и отправку подарков на фронт. Они справедливо считали, что это воспитывает у детей добрые чувства, побуждает их к милосердию и человеколюбию, позволяет почувствовать себя «взрослыми», нужными и востребованными обществом, пробуждая при этом патриотические настроения гораздо эффективнее, нежели чем обычные поучительные рассказы и беседы²⁰. Эта помощь была в значительной степени ритуализирована, она знаменовала собой «единство фронта и тыла», единство нации в борьбе с врагом и объединяла всех, вне зависимости от происхождения – от царских дочерей до крестьянского ребенка. Одним из первых циркуляров Министерства народного просвещения, изданных с началом войны, был циркуляр «О привлечении учащихся в средних учебных заведениях к изготовлению белья для раненых воинов» (от 27 августа 1914 г.)²¹. Но такие начинания имели место и до выхода правительственных циркуляров. Так, еще 25 июля 1914 г. Комиссия директоров учебных заведений г. Казани приняла решение об организации сбора добровольных пожертвований на нужды войны учащимися Казанского учебного округа²².

Особенно активно в такого рода виды деятельности оказались вовлеченными девочки. Они шили рубашки, вязали шарфы, шлемы, кисеты,

18. Нестеров П.Н. *Война и учащиеся дети*. – С. 48.

19. Нестеров П.Н. *Война и учащиеся дети*. – С. 48.

20. См. об этом: Тихомиров Д.И. *Переоценка ценностей. Уроки войны русскому педагогу*. – М., 1914; Левитин С. *Война и дети // Русская школа*. – Июль-август 1915. – № 7–8. – С. 81–87; *Учительница. Отражения войны в жизни детей // Русская школа*. – Ноябрь 1915. – № 11. – С. 42–53; *Декабрь 1915*. – № 12. – С. 5–7 и др.

21. *Русская школа*. – Январь 1915. – № 1. – С. XI.

22. *У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. 1914–1917): Сб. документов и материалов*. – В 2-х кн. – Кн. 2. – Казань, 2003. – С. 13–15.

вышивали платки, манжеты и воротнички для рубаш, упаковывали перевязочный материал, дежурили в лазаретах, где помогали сестрам милосердия, читали раненым книги и газеты, писали за них письма, даже обучали их грамоте, устраивали благотворительные ярмарки и базары, где продавали изготовленные ими вязаные и вышитые изделия в пользу солдатских сирот, собирали вещи для пострадавших, участвовали в работе добровольных трудовых дружин на полевых работах. Делали они это с нескрываемым энтузиазмом. «Как теперь хочется работать!», «мне жаль того времени, когда я сплю», «так много интересного дела!» – все это фразы из девичьих писем и сочинений той поры²³. И далее следует перечисление этих «интересных» дел: девочки поставили копилку в классе на учительский стол и бросали туда деньги; одна ученица сшила за неделю шесть халатов, другая – три рубашки и т.д. Иллюстрированные журналы того времени регулярно помещали фотографии девочек и девушек из аристократических семей, работавших «на раненых» или в поле²⁴. Жажда немедленной, сиюминутной деятельности и приносимой пользы стирала гендерные различия, и, как свидетельствуют источники, мальчики также не чурались чисто «женской» работы – подшивали портянки, шили. «После уроков усядутся, бывало, на партах и шьют или служат на посылах: бегут за нитками, подают иголки, готовят нитки. Они (мальчики и девочки. – А.С.) любили петь при этом: “Будем биться, о братья, до гроба!”»²⁵.

К изготовлению подарков для солдат девочки подходили творчески: они не просто соревновались между собой на самый красивый кисет или платок, но часто сопровождали свои изделия вышивками текстового характера – своеобразными посланиями к фронтовикам. Эти вышивки играли роль оберегов: «Здравствуй, христолюбивый воин! Да спасет тебя Господь от вражеской пули летящей!»; «Дарю платок в память войны и молю Бога, чтобы он по милости своей вернул вас опять на родину», «Спаси тебя, Господи, защитник нашей родины! Да пошлет тебе Господь здоровье и спасение!» Надписи носили символический характер и выполнялись обычно красными нитками – «красная вышивка – красная кровь»²⁶.

23. Звягинцев Е.А. Отношение детей к войне // Вестник воспитания. – Апрель 1915. – № 4. – С. 140–141.

24. Например, «девочка, дочь министра финансов Барка, работает на раненых» (Столица и усадьба. – 10 октября 1914 г. – № 19–20. – С. 16); «в Зимнем дворце. Дети аристократии, работающие на раненых» (там же); «воспитанницы Смольного института помогают на полевых работах крестьянским семьям Псковской губернии» (Столица и усадьба. – 1 августа 1916 г. – № 62–63. – С. 20) и др.

25. Левитин С. Война и дети. – С. 91.

26. Там же. – С. 90.

К посылаемым в действующую армию подаркам обязательно прилагались записки или письма. Их писали и мальчики, и девочки, но писали по-разному. Мальчики обычно сочиняли более свободные и творческие послания (нередко даже в стихах), содержание и формуляр девичьих писем отличался однообразием и трафаретностью (от которых девочки, по наблюдению педагогов-современников, избавлялись не ранее достижения возраста 15–16 лет²⁷). Вначале шло стандартное обращение («дорогой солдатик, защитник родины, доблестный воин» и т.п.), затем – пожелания («защищайте нашу золотую родину», «дай вам Господи вернуться со славою на родину святую, победить врагов», «хотя бы кончилась эта противная война!», «желаю каждый день побеждать сильного и злого врага», «не сдавайтесь в плен... Бейтесь до капли крови, стойте за Русь православную, за веру христианскую»)²⁸.

Характерной особенностью писем девочек был их жалостливый и сострадательный характер – они жалели солдат, жалели, потому что их «тело съедают насекомые», потому что они «должны жить в такой нечистоте», потому что они «в окопах сидят, лучше бы было тепло воинам, а нам холодно», потому что на войне страшно, там «ручьями льется кровь, и много невинных легло головушек», потому что «у них над головами, повсюду и отовсюду летят пули»²⁹. Проскальзывала в письмах девочек и жалость к неприятелю. «Милый солдатик, – писала в ноябре 1914 г. 9-летняя Люда Шмелёва, – если ты будешь в неприятельской земле, не обижай мирных жителей. И не трогай маленьких детей»³⁰.

Содержательны и разнообразны были ответные письма солдат³¹, хотя во многих из них встречались ссылки на «необразованность» и «невежество» их авторов: «Извините, что плохо и нескладно пишем, – сетовал рядовой 8-й роты 60-го Либавского полка, георгиевский кавалер Дмитрий Трубочёв, – потому что мы люди необученные и темные, как говорится пословица, что в лесу родились и в лесу молились, мы точно также родились в окопах и в окопах молимся»³². Письменная культура этих людей, действительно, была невысока, но лексическое и стилистическое несовершенство текстов с лихвой

27. Учительница. Отражение войны в жизни детей (окончание). – С. 2.

28. Несколько детских писем // Дети и война. – С. 114–116; Левитин С. Крестьянские дети и война // Русская школа. – Сентябрь-октябрь 1915. – № 9–10. – С. 90.

29. Несколько детских писем. – С. 112, 116–117.

30. Левитин С. Дети и война // Русская школа. – Май-июнь 1915. – № 5–6. – С. 100.

31. См. коллекцию солдатских писем 1914–1917 гг., отложившихся в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета (ОРРК НБЛ КГУ). – Ф. 855, 856, 857, 6436.

32. ОРРК НБЛ КГУ. – Ф. 6436. – Л. 3.

компенсировалось их задушевностью и искренностью. Заметим, что письма солдат детям выглядели гораздо более литературно совершенными и проблемно многообразными по сравнению с их письмами к родным, где преобладали многочисленные поклоны родственникам и просьбы о присылке вещей и продуктов. Показательно, что дети самих солдат в качестве адресатов, за редкими исключениями, в этих письмах практически отсутствовали – в лучшем случае к ним были обращены обычные поклоны³³. На то было несколько причин. Во-первых, стандарт писем к родным диктовался сложившейся традицией. Недаром столь популярны были среди солдат трафареты – письмовники, где в уже готовый текст нужно было внести лишь ограниченную персональную информацию. Во-вторых, если человек даже очень малограмотный не стеснялся собственноручно написать несколько строк своим родственникам – пусть и коряво, с многочисленными ошибками, иногда вообще трудно читаемо, то посылать такое письмо незнакомому человеку (в нашем случае, часто представителю социально чуждого, грамотного и «образованного» слоя) было просто неловко. Поэтому солдаты часто обращались в этих обстоятельствах за помощью к младшим офицерам и писарям, и потому их письма являлись в конечном итоге продуктом «совместного» с более образованным человеком творчества.

Фронтовики были очень благодарны за присланные детьми письма и посылки, о чем откровенно и трогательно сообщали в своих ответах: «эти дорогие ваши подарки в настоящее время дороже наилучшего золота», «при получении от вас подарков мы, сидя в окопах и землянках, забываем, что в 500 шагах у нас впереди наш враг», «а мы и не думали, что мы вам нужны и что вы нас помните еще. Только теперь поверили», «дай Бог, чтобы кто-нибудь когда-нибудь порадовал Вас так, как порадовали Вы нас»³⁴. Солдаты просили в своих письмах детей кланяться родителям, которые их «так хорошо научили позаботиться о нас», желали «от Бога здоровья» и «успеха в учении». При этом благодарственные письма к девочкам, в отличие от писем к мальчикам, были написаны особым, несколько напыщенным, витиевато-вежливым слогом: адресат именовался не иначе, как «многоуважаемая Катя» или «добродетельная благодетельница» (при обращении к мальчикам – обычно «милый Петя» или «милый Вася»).

33. «А письма наши, известное дело, что не надобно никому, то и написано... Одно слово: "До земли поклон низкий"», – записала со слов солдата современница. (Федорченко С. Народ на войне. – М., 1990. – С. 69).

34. ОРРК НБЛ КГУ. – Ф. 6436. – Л. 2-2об.; Ф. 855. – Л. 55; Левитин С. Война и дети. – С. 91; Учительница. Отражение войны в жизни детей (окончание). – С. 3.

При всей их вежливой сдержанности в солдатских письмах подчас встречались описания ужасов войны, которые оказывали тяжелое воздействие на девичью психику. «Ох, тошно и трудно нам, – жаловался солдат 12-летней Марии К. – У нас впереди речка. А что там навалено трупов! Сколько их! Как дрова валяются!» Вскоре девочка пишет школьное сочинение на тему «Мой сон о войне», которое является подсознательной рефлексией на полученное ею фронтовое послание: «Будто иду по какому-то лесу. Сколько там навалено трупов! (...) Вдруг показались германцы. Я закричала и проснулась». Другая девочка под влиянием солдатского письма увидела похожий сон: «Подходим ближе, а тут лежат раненые и убитые солдаты. Мы идем по колена в крови. Смрад какой-то кругом, пахнет плохо»³⁵. Совершенно очевидно, что в этих условиях срабатывал необходимый механизм детской самозащиты: тревога обращалась в свою противоположность – агрессивность, в которой девочки не уступали мальчикам, а иногда и превосходили их³⁶. «Милые солдатики, – писала в ответ на письмо с фронта 12-летняя Александра Л-ина, которую учительница характеризовала, как “самую добрую” девочку в классе. – Как вы угощаете турку или немцев – кулаками или штыками? Пропишите, что германец – умеет плавать али нет? А то загоните их всех в озеро и потопите»³⁷.

Тем не менее отдельные солдатские письма отличало наивное и трогательное желание смягчить суровые картины военной действительности, оградить от них детей: «Воюем хорошо, весело! Побеждаем германцев, скоро их совсем разобьем», «Как попадут в руки германцы, поколочу маленько, да приду домой»³⁸. В своих письмах взрослые призывали детей быть добрыми, человеколюбивыми, сострадательными («Люди так злы, – писал в январе 1916 г. своим детям Клавдии и Константину солдат Иван Трофимович Н. – Но я глубоко верю, что это не только временное явление, это всемирная война, поэтому в настоящее время нужно быть добрым»)³⁹. Однако суровая реальность властно прорывалась со страниц этих писем, заставляя детей по-новому взглянуть на окружающий их мир и на себя в этом мире, будила высокие патриотические чувства и порывы. Опрос гимназисток старших классов, осуществленный в московских и провинциальных женских гимназиях в 1916 г., показал, что 19% девочек (из 574) хотят заниматься

35. Левитин С. *Крестьянские дети и война*. – С. 81–82.

36. Об этом см.: Жорж Ж. *Детский стресс и его причины*. – М., 2003, Никольская И.М. *Психологическая защита у детей*. – СПб., 2000 и др.

37. Левитин С. *Крестьянские дети и война*. – С. 83.

38. Левитин С. *Крестьянские дети и война*. – С. 83.

39. ОРРК НБЛ КГУ. – Ф. 857. – Л. 223.

медициной⁴⁰.

В 1917 г. эта цифра возросла до 24%⁴¹. Эти данные очень показательны, поскольку свидетельствуют об устойчиво значимом месте войны в жизни девочек и девушек, даже после того, как всплеск патриотизма в обществе начал ослабевать.

Упорядочивать складывавшиеся у детей представления о войне, разъяснять им подлинный смысл событий и их значение должна была, по мнению русских педагогов и воспитателей, конечно же, школа. Причем делать это надлежало не только путем проведения обсуждений и бесед, но и с помощью организации новых детских праздников или придания прежним праздникам нового, «военного» звучания. Так, в годы войны в школах, в том числе и в сельских, в ноябре торжественно отмечался день Святого Георгия с приглашением священника, церковной службой и «молениями о христолюбивом воинстве»⁴². По-иному стали отмечать в военные годы и любимый детский праздник – Рождество. Вначале он вообще чуть было не пал жертвой антигерманских настроений: неожиданно вспомнив о немецком происхождении рождественского дерева, администрация стала запрещать устройство елки в учреждениях и школах⁴³. Однако с 1915 г. Рождество снова праздновалось повсеместно, но это было уже особое Рождество военной поры. В детских журналах публиковались грустные рассказы о «Рождестве без папы», находящемся на позициях⁴⁴. В детских рисунках после рождественских каникул у девочек наиболее популярным был сюжет «елка в лазарете», у мальчиков – «встреча Рождества на позиции»⁴⁵. Дети, мечтавшие накануне Рождества о «кукле, только с закрывающимися глазами», о «то-о-олстой книге», о мячике, об игрушечной мебели отказывались от рождественских подарков – иногда целыми классами, иногда индивидуально, прося предназначавшиеся для этого деньги послать «на войну»⁴⁶.

Дети под руководством учителей сочиняли и ставили пьесы о войне, создавали выставки и витрины-экспозиции на военные темы. Одна из сельских учительниц записала в своем дневнике в 1915 г., что ее ученики

40. Рыбников Н. Идеалы гимназисток (очерки по психологии юности). – М., 1916. – С. 21.

41. Психология и дети. – Март-июнь 1917. – С. 61.

42. Левитин С. Война и дети. – С. 91–92.

43. Об этом см.: Душечкина Е.В. Русская елка: История, мифология, литература. – СПб., 2002. – С. 247.

44. Ярославцев В. Его подари, папа! // Мирок. – 1915. – № 1. – С. 31.

45. О.И., Н.Т. Война в рисунках детей // Дети и война. – С. 97–98, 107–108. См. также цветные вклейки к статье; Щепинский А. По поводу московской выставки детского рисунка // Искусство и жизнь. – 1916. – № 5. – С. 13.

46. Учительница. Отражение войны в жизни детей (окончание). – С. 9.

сделали витрину, «в которой помещена была группа: сестры милосердия у постели раненого. У кровати столик. (...) На столик раненому клали каждый день “свежую” (т.е. свежеслепленную из глины) “булку” и ежедневно же свежую газету, тоже “самодельную”, форматом сложенной вдвое бумажки в 3 х 2 вершка» с изложением последних новостей с театра военных действий⁴⁷.

В сложившихся условиях школе и родителям предстояло уберечь детей от избыточной романтизации войны, от всепроникающего «военного синдрома», настроить их на будущую мирную жизнь. Сделать это было не так-то просто, поскольку военной тематикой была пронизана вся жизнь, в том числе и детская литература. А как показывали материалы опросов детей и нарративные детские тексты, интерес подрастающего поколения к войне во многом удовлетворялся именно за счет детских журналов, литературных альманахов и книг⁴⁸. Ориентируясь на потребности и вкусы маленького читателя, писатели и издатели создавали на страницах публикаций для детей весьма далекий от реальной действительности образ войны. Многие произведения для детей были окрашены в слащаво-сентиментальные тона или предельно героизированы⁴⁹. Одним из наиболее распространенных сюжетов детской патриотической литературы стал сюжет о детском «добровольчестве», приобретшем действительно массовый характер. Детские издания заполнили рассказы о «крестьянском мальчике Васке», которому «захотелось пойти в солдаты», и он присоединился к одному из лазаретов, где принялся деятельно ухаживать за ранеными; или о «милом мальчике Мише», объявившем своей убитой горем матери о присоединении к участникам «великой борьбы»⁵⁰; или о

47. Левитин С. Война и дети. – С. 93–94.

48. Развернутую характеристику детских литературных изданий того времени см.: Родников В. Литература о детях и литература для детей в связи с войной. (Библиографический очерк) // Дети и война. – С. 69–77. Наиболее обстоятельно военные события освещались в таких детских журналах, как «Задумчивое слово», «Юная Россия» и «Родник».

49. См.: Из обзора детских книг // Русская школа. – Январь 1915. – № 1. – С. 46–47; Из обзора детских книг // Русская школа. – Сентябрь-октябрь 1915. – № 9–10. – С. 36–37.

50. См. вышедшие в издательстве Сытина в 1914–1915 гг. детские книги: Шведер Е. За Родину; Шведер Е. Около войны; Малиновская С. С войны и др. «Поток рассказов о войне безостановочно растет, – замечал современник. – В педагогической печати слышались уже с разных сторон голоса против излишнего сосредоточения детского внимания на войне. Тяжелый шум дня и без того ощутителен для человеческих существ всех возрастов. Следует ли обострять его еще и детскою книгою?» (Без автора. Рецензия на книгу А.Н. Ульянова «Рассказы о великой войне» (М., 1915) // Русская школа. – Апрель 1915. – № 4. – С. 37).

10-летнем Пете, убежавшем на войну к отцу⁵¹. Такие рассказы достаточно регулярно публиковались и в журнале «Нива»⁵². Девочкам в них обычно отводилась роль жертв жестокого и коварного врага. Литература во многом следовала за жизнью. «Биржевые ведомости» уже осенью 1914 г. сообщали о ежедневных побегах «на театр военных действий» мальчиков и девочек в возрасте 10–15 лет: «Одни бегут без всего, а другие – с метриками, деньгами и даже оружием»⁵³. Уже в первые дни войны из одного только Вильно ушли на передовые позиции пять девочек; в Москве был отмечен побег гимназистки, переодетшейся в костюм вольноопределяющегося⁵⁴. Министерство внутренних дел вынуждено было издать специальное циркулярное распоряжение «О малолетних добровольцах», согласно которому «задерживаемые малолетние, самовольно отправившиеся на театр военных действий с целью вступления в ряды действующей армии добровольцы» должны были препровождаться к месту жительства их родителей или родственников не по этапу через тюрьмы, а – во избежание вредного влияния – отдельно, «в сопровождении нижних полицейских чинов»⁵⁵.

Этими детьми двигал не только ребяческий авантюризм и стремление к идентификации с мужественностью взрослых путем ношения оружия и формы, но подлинная любовь к Родине. Среди «бежавших» встречались настоящие герои. Так, в ноябре 1914 г. российские газеты и журналы обошла фотография 14-летнего разведчика-добровольца Александра Маркова, раненного при разведке под Сувалками, а в начале 1917 г. – информация о

51. Кузьминский К. Петя на позициях // Детские альманахи «Творчество». – М., Пг., 1917. – С. 44–55. О других детях-героях см.: Славные подвиги мальчика-героя в войне России с Германией и Австрией. – Киев, 1914; Юный герой Ганька-Дармод: Рассказ из Священной войны. – М., б.г. Рассказы эти были достаточно шаблонны, на что обращали внимание еще современники: «У любого портного, – писал в 1915 г. А. Ожигов, – больше выкроек, чем у марсианствующих беллетристов канвы выдумки». (Ожигов А. О беллетристической мобилизации // Современный мир. – 1915. – № 9. – С. 156).

52. См., например: Чириков Е. Эхо войны. Добровольцы // Нива. – 1914. – № 44. – С. 843–846; Удельный С. Стасик-казак // Нива. – 1914. – № 50. – С. 971–974 и др.

53. Цит. по: Калмыкова А. Как отразилась война в жизни детей и какие задачи поставила она нам, взрослым, родителям и воспитателям // Русская школа. – Февраль 1915. – № 2. – С. 6–7.

54. Вестник воспитания. – 1914. – № 9. – С. 109.

55. Русская школа. – Март 1915. – № 3. – С. II. Добровольцем бежал на передовую, как известно, и будущий писатель, а в то время – 14-летний гимназист Всеволод Вишневский. (См. его воспоминания: Вишневский Вс. Война // Вишневский В. Собр. соч. – Т. II. – М., 1954. – С. 7–365. О них см.: Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы. – М., 1989. – С. 367).

подвиге

13-летнего разведчика Ивана Соболева, который во время боя вывел пулеметную двуколку из-под вражеского огня и получил георгиевскую медаль.

Анкетирование 94 детей в возрасте от 6 до 13 лет (57 мальчиков и 37 девочек), осуществленное осенью 1914 г.⁵⁶, показало, что идти на войну хотят 40,5% мальчиков и 33% девочек (последние в большинстве своем – сестрами милосердия). Однако некоторые девочки продемонстрировали подлинно воинственный пыл: «Я пошла бы на войну, – пишет 12-летняя особа, – но боюсь, а если бы пошла, то воевала бы! Убьют, так убьют!»⁵⁷

Еще более тревожило русских педагогов «знакомство» детей с войной через средства массовой информации. Образ войны «для взрослых», созданный на страницах этих изданий, причудливо преломлялся в детском сознании, порождая подчас фантастические, плохо коррелируемые с действительностью представления о происходящем. Изучение читательских интересов подростков показало, что наибольшей популярностью в их среде в период Первой мировой войны пользовались дешевые иллюстрированные журналы («Забияка», «Огонек», «Кривое зеркало», «Всемирная панорама», «XX век», «Солнце России» и др.). Благодаря яркой наглядности, доходящей до утрированности и фарса, эти бульварные издания, как ничто иное, оказались понятны и доступны детям⁵⁸. Взрослые пытались оградить их от ура-патристического «лубочного половодья», разлившегося в ответ на «высокий и чистый подъем детских настроений»⁵⁹, но все было напрасно. Несмотря на запреты старших, дети упорно продолжали черпать представления о войне из

56. К сожалению, не удалось установить точную дату проведения анкетирования, однако известно, что оно состоялось не позднее 30 ноября 1914 г. (См.: Зеньковский В.В. Предисловие // Дети и война. – С. IV).

57. Зеньковский В.В. О влиянии войны на детскую психику (по данным анкеты) // Дети и война. – С. 62–63.

58. Е.С. Сениявская отмечала, что развитию лубочной литературы способствовали «низкий образовательный уровень, культурная ограниченность, зачастую даже мировоззренческая примитивность солдат», которые потребовали адекватных форм пропаганды (Сениявская Е.С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. – М., 1999. – С. 195–196).

59. Нестеров В. Война и учащиеся дети // Русская школа. – Январь 1915. – № 1. – С. 47; Февраль 1915. – № 2. – С. 40–41. Один из педагогов в ту пору писал: «Подавляющее большинство детей читает дома все, что окажется под рукой: книги для взрослых, такие же журналы и, в особенности, газеты... Надо ли говорить о том, что подобное чтение... представляет собой чистейшее зло, с которым необходимо должны бороться родители». (Тулум. В помощь матерям. Советы по вопросам чтения // Воспитание и обучение. – 1917. – № 1. – С. 11).

таблоидов, заявляя о том, что именно там «нарисована» и «описана» «настоящая война».

Так, на стыке слияния собственного опыта и агитационно-пропагандистского воздействия, на стыке реальности и мифа конструировался в сознании детей образ войны и образ врага. У каждого маленького человека он был свой, но в целом, безусловно, негативный. И чем ближе соприкасался ребенок с войной, тем страшнее ему становилось. «Там очень страшно, крики, пули, огонь, дым», «там очень холодно, страшно и много раненых», «в бою очень страшно... бьют людей без милости», писали дети, находившиеся «вдали» от войны⁶⁰. «К нам в деревню нашли солдаты и стали деревню поджигать. Нам стало страшно, очень было страшно. Солдаты возле нас проходили, деревни горели во всех сторонах», вторили им маленькие беженцы, которых, по их собственным словам, «выгнала из дому германская война»⁶¹. Девочки становились первыми жертвами мужской агрессии и насилия и в наибольшей степени страдали от них и физически, и нравственно. Не удивителен поэтому и тот почти животный страх, который испытывали девочки, оказавшиеся в полосе военных действий, перед людьми в солдатских шинелях: прибывшая к полку «девочка-постирушка», рассказывал солдат, была «хорошая девочка, только пуганая. Как ты до нее, хошь и с добром, – до того спугается, аж пена изо рта»⁶². Менялись традиционные этические нормы: дети заявляли, что вообще-то «убивать нельзя», но «не людей, а немцев можно», а само словосочетание «убивать немцев» прочно вошло даже в лексикон трехлеток. Дети категорически отказывались отныне учить немецкий язык и выказывали нарочитый интерес к французскому, они перестали петь немецкие песенки и читать издания немецких авторов, потому что «они на нас воюют»⁶³. «Германцы – звери лютые», «германцы страшучие», «германцы вводят лошадей в церковь», – вот примеры надписей, сопровождавших детские рисунки того времени. Сформировавшийся образ был налицо: немец – враг и ему нет пощады. «А я бы на поле сражения убила немца, – заявляет 10-летняя девочка, – а если бы увидела раненого, то тоже добила бы и его». «Ну, уж это не по-рыцарски», – говорит ей мальчик в ответ⁶⁴.

60. Левитин С. Дети и война. – С. 91.

61. Гринберг А. Рассказы беспризорных о себе. – С. 111, 115, 119, 125 и др.

62. Федорченко С. Народ на войне. – С. 273. «Любая война, – писал по этому поводу Б. Васильев, – есть состояние “опрокинутой народной нравственности” – она прививает взгляд на женщину противника как на добычу, а на свою – как на награду». (Васильев Б. Покаянные дни // Родина. – 1990. – № 10. – С. 10).

63. Левитин С. Дети и война. – С. 83, 88–89, 99.

64. Рубинштейн М.М. Война и дети. – С. 25. Эта «недетская» детская жестокость прослеживается и в годы Гражданской войны. По воспоминаниям

Образ врага и образ самой войны, конечно же, не оставался статичным, он изменялся, трансформировался во времени. Однако для преобладающего большинства детей эта война была «далекой войной». Особенно наглядно это проявилось при опросе В.В. Зеньковским мальчиков и девочек в возрасте до девяти лет. 68% опрошенных заявили, что вообще не знают, где идет война, 19% ответили, что она идет «далеко», «так как ее не слышно, а только в газете пишут о ней». Большинство детей пяти-шести лет считали, что войну начали солдаты или «Шура и Сережа», т.е. сами дети. На вопрос о том, зачем идет война, пятилетняя девочка ответила: «Чтобы в городе не было много людей». Упоминались в детских ответах, и довольно часто, отдельные географические названия (не случайно, одна из девочек-современниц записала в своем дневнике: «Папа по карте отмечает линии фронтов. Моя сестра по карте учится читать»)⁶⁵, но все это были объекты из того, «далекого» для девочек мира. Среди ответов в младшей возрастной группе встречались и такие: люди воюют «на дворе», «на полянке»⁶⁶. В целом же война представляла перед детьми, как некая страшная сказка – фантастическая и захватывающая, жуткая и интересная, но с непременно «хорошим» концом. И в рисунках, и в письмах на фронт, и в школьных сочинениях они описывали и изображали будущее «замирение», когда война заканчивалась, русские побеждали, Вильгельма брали в плен, отцы и старшие братья возвращались домой и наступал всеобщий праздник. Вернувшиеся воины были награждены «георгиями», все они стали «богаты и счастливы». Дети безусловно верили в светлое будущее, они хотели, чтобы правда восторжествовала, а зло было наказано, они переосмысливали войну, строя свою собственную мифологию событий. Детский взгляд на войну был взглядом особым, искренним и не замутненным напластованиями бытовых, культурных, социальных и прочих значений.

Шли годы, и образ той войны, которая когда-то именовалась «великой», «отечественной» и «святой», стал постепенно тускнеть и размываться. Новая власть сделала все для того, чтобы дети запомнили то, что нужно было запомнить, и забыли то, что следовало забыть. Крупномасштабное обследование советских школьников, проведенное к 10-летию Октября и

очевидца, «когда вели этих двух офицеров (захваченных в плен. – Прим. авт.), то даже красногвардейцы не хотели их расстреливать, а этого требовали крестьяне, и женщины, и дети». (Дроздовский М.Г. Дневник // Белое дело: Избр. произв. – Кн. 7. – М., 1996. – С. 31).

65. Из дневника Надежды Никитиной // Российская история глазами детей. Восьмисерийный документальный сериал. Автор сценария Л. Бобровская. СВС-студия. 2005.

66. Зеньковский В.В. О влиянии войны на детскую психику. – С. 53.

охватившее более 120 тыс. детей из 23 губерний России, показало, что они уже не вспоминали ни саму Первую мировую войну, ни ее героев. Место Кузьмы Крючкова и летчика Нестерова заняли Чапаев, Буденный и Щорс. Мировая война отныне выступала лишь как некий бесцветный, блеклый фон, на котором разыгрывались яркие и красочные события Октября и Гражданской войны⁶⁷. Сконструировать новые представления у детей было гораздо легче, чем у взрослых, поскольку у них, в силу юного возраста, часто вообще отсутствовали синхронные образы прошедших событий.

Но, конечно же, Первая мировая война не прошла для детей бесследно. Она расширила их мир, она вызвала не только трансформацию их сознания, но и самого стиля их жизни. В результате в России выросло особое поколение людей, сформировавшееся в специфических «военно-революционных» условиях. Это было поколение психологически мобильное, чутко восприимчивое ко всему новому, поколение, составившее весьма благодатную почву для проведения масштабного советского политического и социокультурного эксперимента. Вместе с тем военный опыт маленьких исторических «актеров» не остался невостребованным. Эксплицитно или имплицитно, он подвергался переосмыслению на протяжении многих десятилетий, наполняя ретроспективный образ той «забытой» войны особыми представлениями и деталями, отложившимися в памяти о детстве как неотъемлемой и значимой структуре исторической памяти.

67. *Дети и Октябрьская революция: Идеология советского школьника.* – М., 1928. – С. 88.

И.Л. Беленький

О КОНТЕКСТАХ ПРОЕКТА СБОРНИКА «РУССКАЯ НАУКА»

**Беленький Иосиф Львович – старший
научный сотрудник ИНИОН РАН.**

В конце 1916 – начале 1917 г. А.С. Лаппо-Данилевский при поддержке В.И. Вернадского и ряда других крупнейших русских ученых предложил проект создания обобщающего труда по истории отечественной научной мысли – сборника «Русская наука» (далее в тексте – или полностью, или сокращенно «РН»). Драматическая судьба этого так и не осуществленного издания, уникального по своему замыслу, реконструирована в аналитических исследованиях В.Д. Есакова и И.В. Тункиной¹.

Масштабность и фундаментальность проекта, до того не имеющих себе равных в историографии отечественной науки, диктуют необходимость не только исследования «внутренней истории» создания сборника «Русская наука», но и обращения к теме его ближних и дальних контекстов в отечественном интеллектуальном пространстве конца XIX – первых трех десятилетий XX в.

Имеются в виду прежде всего идейные (философско-методологические, историко-научные, науковедческие, историко-культурные) контексты

1. Есаков В.Д. «Русская наука», 1917 года: (нереализованный проект) // *Крайности истории и крайности историков*. – М., 1997. – С. 95–120; Он же. Неосуществленный проект Академии наук // *Вестн. РАН*. – М., 1997. – М., 1997. – Т. 67, № 12. – С. 1129–1139; Тункина И.В. О проекте многотомного издания по истории русской науки (1916–1930 гг.) // *Петербургская академия наук в истории академий мира*. – СПб., 2000. – Т. 1. – С. 189–194; Она же. К истории сборника «Русская наука» // *Комиссия по истории знаний 1921–1931 гг.: Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук*. – СПб., 2003. – С. 634–659. См. также: *Летопись Российской академии наук. Т. 4: 1901–1934 / Отв. ред. Колчинский Э.И., Смагина Г.И.* – СПб., 2007; Ростовцев Е.А. Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // *Источник. Историк. История*. – СПб., 2001. – Вып. 1. – С. 135–248.

сборника, т.е. явления русской мысли того времени, вне учета которых в принципе невозможно серьезное изучение истории самосознания отечественной науки (в том числе и некоторые неосуществленные издательские замыслы, ретроспективный анализ которых обнаруживает их частичный параллелизм с программой «РН»).

Можно конспективно очертить важнейшие из этих контекстов.

Проблема этоса русской науки и ее национально-культурной топики.

Трактовки этой темы в начале XX в., продолжая споры предшествующей эпохи, во многом полярны. Если воззрения В.И. Вернадского, Н.И. Кареева, Н.К. Кольцова, А.С. Лаппо-Данилевского, Д.И. Менделеева, В.А. Михельсона, В.И. Модестова и ряда других ученых, высказывающихся по этому вопросу, не выходили за рамки признания существенной специфики и социокультурного бытия в России (при этом для А.С. Лаппо-Данилевского национально-культурная выраженность научного творчества представлялась более значимым моментом, чем для В.И. Вернадского), то позиции их оппонентов, принадлежащих к «национальному направлению», эмблематично выражены, например, уже самим названием работы выдающегося отечественного ботаника А.А. Еленкина «Наука как продукт национального творчества»². Выдвижение на первый план – в эпоху, когда, по словам В.Ф. Эрн, само «время славянофильствует»³ – проблематики сущностных гносеологических и аксиологических отличий русской науки восходит к славянофильским представлениям об особенностях русской мысли, определяемой идеей цельного, «живого» знания (см. книгу М.Ф. Таубе «Познаниеведение Соборного Восточного просвещения по любомудрию славянофилов»)⁴, и к «философии всеединства».

Представляется очевидным, что проект «РН» для его создателей был не только программой историографического изучения развития русской науки и установления результатов, достигнутых ею к середине 1910-х годов, но и попыткой осмысления проблемы сущности русской науки («науки в России») на «реалистических», внеидеологических основаниях.

Полярность предпосылочных оснований вновь дала о себе знать в начале 1920-х годов: возобновление работы над «РН», под руководством В.И. Вернадского и С.Ф. Ольденбурга, по времени совпало с выдвижением евразийцами (Н.С. Трубецким, Р.О. Jakobсоном, П.Н. Савицким) новой программы обоснования тезиса о сущностной, кардинальной специфике

2. Еленкин А.А. *Флора мхов Средней России*. – Юрьев, 1909. – Ч. 1. – С. 6–15. См. также: Бородин М.М. *Национальное в науке: (Молодому поколению)*. – СПб., 1912.

3. Эрн В.Ф. *Время славянофильствует. Война. Германия. Европа и Россия*. – М., 1915.

4. Пб. (СПб.), 1912.

русской науки (методологический и историографический анализ проблемы содержит книга П. Серию «Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе»⁵).

Проблемы классификации наук и тесно связанные с ней проблемы библиотечно-библиографической классификации. Создатели «РН» были далеки от сложных классификационных построений, характерных для всех без исключения схем классификации, появившихся в России в первые десятилетия XX в. Их упоминание среди науковедческих контекстов «РН», однако, вполне объяснимо: схемы классификации наук, являясь наиболее ранней формой метанаучной рефлексии (как в русской, так и в мировой научной мысли в целом), своей преемственностью, закреплённой в культурно-исторической памяти, оказываются одним из основополагающих начал единства научного знания в его синхронии и диахронии (см. их систематическое ретроспективное описание в трудах Б.М. Кедрова и Е.И. Шамурина)⁶.

Проблемы соотношения «наук о природе» и «наук о культуре», различий между номотетическим и идеографическим типами научного знания, конструирования методологического статуса гуманитарных наук («наук о духе»), анализа теоретических основоположений исторического познания и дискуссии по этим проблемам в конце XIX – начале XX в. Основные концептуальные утверждения, сформулированные (на фоне общеевропейского кризиса позитивистской методологии в социальных и гуманитарных науках) в трудах Г. Риккерта, В. Виндельбанда, В. Дильтея, М. Вебера, инициировали значительное усиление внимания к этим вопросам в отечественной философской и научно-гуманитарной мысли 1900–1910-х годов (исследования Н.Н. Алексеева, П.М. Бицилли, Р.Ю. Виппера, Н.И. Кареева, Л.П. Карсавина, Б.А. Кистяковского, А.С. Лаппо-Данилевского, П.А. Некрасова, Д.М. Петрушевского, Е.В. Спекторского, М.И. Туган-Барановского, С.Л. Франка, В.М. Хвостова, А.А. Чупрова, Г.Г. Шпета и др.). Особенно значимыми представляются программы концептуализации гуманитарного (в частности, исторического и филологического) знания, предложенные

5. М., 2001.

6. Кедров Б.М. *Классификация наук*. – М., 1961–1965. – Т. I–II; Шамурин Е.И. *Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации*. – М., 1955–1959. – Т. I–II.

А.С. Лаппо-Данилевским («Методология истории») и Г.Г. Шпетом («История как проблема логики», «Герменевтика и ее проблемы»)⁷.

Исследования 1900–1920-х годов по проблемам философии культуры, философии и методологии науки, логики, истории науки, психологии творчества, социологии знания (науки) и теории идеологии, экономики и планирования науки, организации научного труда и информационной деятельности, биографики деятелей науки (работы Б.Н. Ананьева, Л.С. Берга, П.П. Блонского, М.А. Блоха, А.А. Богданова, И.А. Боричевского, Н.В. Бугаева, Н.И. Бухарина, Д. Вайсмана, П.И. Вальдена, Л.С. Выготского, А.К. Горностаева (Горского А.К.), С.О. Грузенберга, Г.А. Грузинцева, В.Н. Ивановского, Н.К. Кольцова, С.П. Костычева, П.П. Лазарева, Д.Л. Лутохина, Д.И. Менделеева, И.Д. Менделеева, В.Н. Муравьева, П.А. Некрасова, С.Ф. Ольденбурга, И.Е. Орлова, Т.И. Райнова, Н.А. Рыбникова, Н.А. Умова, П.А. Флоренского, О.Д. Хвольсона, Б.М. Штейна, П.К. Энгельмейера и др.) – интерпретированные в историко-наукovedческих трудах 1960–1980-х годов как важнейший этап ранней истории отечественного науковедения.

В становлении отечественного науковедения (прежде всего теории и истории науки) немаловажное значение имели многие идеи и представления **книговедческого знания 1900–1920-х годов** «философии книги» / «общей теории книговедения» / «библиологии», «теории и истории библиографии», «истории Книги», сфокусированные вокруг проблемы «мир книги – универсум знания» (труды Э.А. Вольтера, Л.К. Ильинского, Н.П. Киселева, М.Н. Куфаева, Н.М. Лисовского, А.М. Ловягина, А.И. Малина, А.В. Мезьер, Н.А. Рубакина, Н.М. Сомова, А.Г. Фомина, М.Ф. Яновского и др.).

Несомненен и вклад книговедения этой эпохи в развитие документалистики информатики.

Фундаментальные библиографические проекты конца XIX – первых трех десятилетий XX в. (замыслы и опыты реализации): репертуар русской книги (С.А. Венгеров, А.Д. Топоров, Ю.Ю. Битовт, В.П. Семенников и др.), библиография периодики (В.И. Срезневский, Н.М. Лисовский, Л.К. Ильинский и др.), библиография журнальных и газетных статей (Н.А. Ульянов, И.В. Владиславлев и др.), библиография рецензий (К.Н. Дерунов и др.), библиография библиографии и история библиографии (А.Д. Торопов, Д.В. Ульяновский, А.Е. Яновский, Б.С. Бондарский и др.), ретроспективные и

7. См. *соврем. изд.: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории.* – М., 2006; Шпет Г.Г. *История как проблема логики* / Под общ. ред. и с предисл. Мясникова В.С. – М., 2002; Шпет Г.Г. *История как проблема логики* // Шпет Г.Г. *Мысль и слово: Избр. тр. / Коммент., публ. и вступ. ст. Щедриной Т.Г.* – М., 2005. – С. 191–247; Шпет Г.Г. *Герменевтика и ее проблемы* // Там же. – С. 248–469.

синхронные библиографии по отдельным отраслям научного знания («Новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в России» А.И. Малеина⁸; «Обозрение трудов по славяноведению» под ред. В.Н. Бенешевича и др.⁹; «Опыт русской историографии» В.С. Иконникова¹⁰; «Юридическая библиография», издаваемая Демидовским юридическим лицеем¹¹; указатели А.В. Поворинского по праву¹²; «Педагогическая библиография» под ред. В.Ф. Лебедева¹³; «Русская библиография по естествознанию и математике», составленная Санкт-Петербургским бюро международной библиографии при Академии наук¹⁴, и мн. др.).

В своей совокупности указанные проекты (к сожалению, многие из них остались незавершенными) создали очень значительную справочную базу для исследований по истории отечественной науки.

Совершенно исключительное значение имеет неоконченный труд Н.А. Рубакина «Среди книг»¹⁵, представивший в форме критико-рекомендательной библиографии детальную картину развития научной и философской мысли и вообще культурного творчества в России (преимущественно в XVIII – начале XX в.).

Первые обобщающие сводки по истории русской науки, появившиеся в историко-научной литературе конца XIX в. – 1910-х годов. Прежде всего следует назвать раздел XII «Русская наука» статьи «Россия», помещенной в 54–55 полут. «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона¹⁶. Сопоставление его структуры с программой «РН» показывает некоторые немаловажные различия в строении предметности итогового видения развития русской науки к концу XIX в. и к 1917 г. В ряде случаев изменилась дисциплинарная рубрикация материалов, в частности, систематика юридических дисциплин.

Темам, освещению которых в «Энциклопедическом словаре» давалось не в разделе «Русская наука», а в других разделах статьи «Россия»

8. Публиковались в «Изв. имп. Архол. Комис.» за 1902–1918 гг.

9. СПб.; Пб., 1909–1918.

10. Киев, 1891–1908. – Т. I (кн. 1–2) – 2 (кн. 1–2).

11. Ярославль, 1886–1917.

12. Поворинский А.Ф. Систематический указатель русской литературы по гражданскому праву. – 2-е изд. перераб. и доп. – СПб., 1904. Поворинский А.Ф. Систематический указатель русской литературы по судостроительству и судопроизводству, гражданскому и уголовному. – СПб., 1896–1905. – Т. I–2.

13. Педагогическая библиография / Под ред. Лебедева В.Ф. – Л., 1925–1926. – Кн. 1–6.

14. СПб. – Пб., 1904–1917. – Т. I–IX.

15. М., 1911–1915. – Т. 1–3 (вып. 1).

16. СПб., 1899.

(антропология, этнография, древнерусское искусство) в проекте «РН» предполагалось посвятить специальные очерки. Планировался и очерк, немислимый в предыдущие годы – «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского. Сама логика развития изучения в начале XX в. ряда сфер истории мировой культуры предопределила в «РН» значительно бóльшую дифференциацию дисциплин, исследующих историю Древнего мира и европейского Средневековья, а также востоковедческих дисциплин. Разумеется, в «Энциклопедическом словаре» не могло быть материалов о состоянии изучения финно-угорской проблематики. Ее конструирование в отечественной науке стало возможным лишь в 1900-е годы, благодаря трудам А.А. Шахматова и его учеников; это и определило намерение включить в «РН» соответствующий очерк.

Вместе с тем в «РН» не предполагались очерки по ряду тем, подробно рассмотренных в «Энциклопедическом словаре»: «Военные науки», «Сельскохозяйственная наука», «Метеорология», «Технологическая наука» (т.е. технические науки. – И.Б.); «Науки инженерного и строительного искусства» (т.е. науки, изучающие проблемы градостроительства, промышленного, гидротехнического и транспортного строительства. – И.Б.). Последнее объясняется, видимо, общей ориентацией этого энциклопедического словаря.

Только несколько авторов статьи «Русская наука» приняли участие в работе над сборником «РН»: Д.Н. Анучин, В.В. Бартольд, Ф.Д. Батюшков, С.К. Булич, Н.И. Кареев, Н.И. Ларазевский, А.И. Малейн, Э.Л. Радлов, П.Б. Струве. Некоторых из авторов к 1917 г. уже не было в живых. Обращает на себя внимание неучастие в проекте «РН» таких крупнейших авторитетов в своей области, как М.И. Туган-Барановский, Ю.М. Шокальский, В.В. Бобынин; в статье же 1898 г. есть написанные ими очерки.

Под редакцией М.М. Ковалевского, Н.Н. Ланге, Н.А. Морозова, В.М. Шимкевича в 1911–1914 гг. вышла серия книг «История науки в теории и практике»¹⁷, воссоздавшая «...позитивистски ориентированную экспозицию основных научных и культурных достижений» к концу XIX столетия в различных странах, в частности в России.

Непосредственно связана с подготовкой А.С. Лаппо-Данилевским плана «РН» его статья «Развитие науки и учености в России»¹⁸, прослеживающая эволюцию мировоззренческих доминант русской научной мысли. Основные идеи этой работы легли в основу его предисловия к «РН», фрагменты и цитации из которого приводят в своих исследованиях проекта В.Д. Есаков и

17. М. Т. 1–9.

18. Lappo-Danilevsky A.S. *The development of sciences and learning in Russia // Russian realities and problems.* – Cambridge, 1917. – P. 153–229.

И.В. Тункина (ср. также трактовку смысла его английской статьи 1917 г. в новейших работах С.С. Илизарова и В.П. Корзун)¹⁹.

Принципиальное значение для формирования теоретических оснований «истории науки» как самостоятельной научной дисциплины (одним из специальных предметов которой является отечественный историко-научный процесс) и тем самым – для концептуализации программы «РН» имели труды В.И. Вернадского 1900 – начала 1920-х годов по истории науки (естественных наук, науки в России). Среди них особое по значимости место принадлежит его работе 1912–1217 гг. «Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии»²⁰.

Состояние конкретных и обобщающих историко-научных (историографических) исследований в рамках отдельных научных дисциплин и циклов наук, в различных областях гуманитарного (в том числе философского) математического и естественнонаучного знания в конце XIX – начале 1920-х годов. Представляется целесообразным сопоставительное изучение выдвинутых принципов, сформулированных (или только намечаемых) программ историко-философского и историко-научного (историографического) изучения различных содержаний русской мысли в трудах: Е.А. Боброва, А.И. Введенского, Э.Л. Радлова, Г.Г. Шпета; Д.Н. Багалея, В.С. Иконникова, А.С. Лаппо-Данилевского, П.Н. Милюкова, Н.П. Павлова-Сильванского, В.И. Пичеты, Б.И. Сыромятникова; Ф.Ф. Аристова, М.С. Грушевского, И.В. Ягича; А.Н. Пыпина; В.В. Бартольда, В.П. Бузескула, С.А. Жебелева, Н.И. Кареева, Б.А. Тураева; В.В. Бобынина, Б.Н. Бейнберга, В.А. Обручева, Н.А. Умова и др.

Чрезвычайно значима как для выявления общей конфигурации историко-научных изысканий в этот период, так и для понимания возникновения замысла «РН», – отчетливая проблематизация в отечественной историко-культурной и историко-научной мысли трех неразрывно связанных между собой тем: «XVIII век в истории русской культуры и истории русской мысли», «Академия наук – орган исторического самосознания русской науки и русской культуры», «Проблема истории Академии наук в исследованиях и публикациях конца XIX – начала XX в.». (В связи с этим

19. Илизаров С.С. О доминантах российской историографии науки // *Принципы историографии естествознания: XX век.* – СПб., 2001. – С. 353–363; Корзун В.П. *Невостребованное наследие: (Материалы по истории науки в архиве А.С. Лаппо-Данилевского)* // *Археографический ежегодник за 1994 год.* – М., 1996. – С. 255–263; Она же. *Образцы исторической науки на рубеже XIX–XX вв.* – Екатеринбург; Омск, 2000. – С. 135–150.

20. См.: Вернадский В.И. *Труды по истории науки в России.* – М., 1988. – С. 63–201.

опять необходимо назвать имена В.И. Вернадского и А.С. Лаппо-Данилевского; см. также суждение Л.В. Пумпянского о роли Академии наук в деле изучения Ломоносовского наследия: «Без сочувствия общества, в духовном одиночестве не меньшем, как если бы дело шло о маньчжурском словаре XVI в., Академия сделала великое дело собрания всех материалов, нужных для научной постановки вопроса»²¹).

Незавершенность, неисполнимость задуманного – трагическая черта, присущая многим фундаментальным начинаниям в области изучения истории русской мысли, историй идей в России, истории русской культуры в целом. Помимо участия, постигшей сборник «Русская наука», можно назвать, например, печальную судьбу проектов П.Б. Струве «Библиотека общественных знаний» и А.Ф. Лосева «Духовная Русь» 1918 г., крушение в это же время всех планов издательства «Путь» и мн. др. Был не осуществлен в целом проект издания «Материалов для истории Императорской академии наук с 1889 по 1914 г.»²². До сих пор не изданы фундаментальные труды 1910-х годов А.С. Лаппо-Данилевского, Б.И. Сыромятникова, Н.Д. Чечулина по истории русской мысли XVIII в. В архиве остаются материалы невышедших частей «Опыта русской историографии» В.С. Иконникова. Не получили необходимого продолжения первые тома ряда значительных библиографических указателей. Наконец, так и не был осуществлен замысел Национального биографического словаря, инициированный трудами многих русских библиографов и, прежде всего, С.А. Венгерова. Этот печальный список можно продолжать очень долго. Сейчас наконец-то издается фундаментальный труд А.С. Лаппо-Данилевского по истории политической мысли XVIII в.²³. Но до сих пор не увидели света исследования Б.И. Сыромятникова «Традиционная теория русского исторического процесса» и Н.Д. Чечулина «Литература общественных знаний в России XVIII в.»

21. Пумпянский Л.В. *К истории русского классицизма* // Пумпянский Л.В. *Классическая традиция*. – М., 2000. – С. 75.

22. Были изданы только: *Материалы для библиографического словаря действительных членов Императорской академии наук*. – Пб., 1915–1917. – Ч. 1–2; *Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг.* – Пг., 1917. – Ч. 1.

О судьбе проекта см. комментарии М.С. Бастраковой в кн.: Вернадский В.И. *Труды по истории науки в России...* – С. 422–423.

23. Лаппо-Данилевский А.С. *История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики* / Предисл. Сорокиной М.Ю.; Подгот. текста Сорокиной М.Ю. при участии Лаппо-Данилевского К.Ю. – Köln; Weimar; Wien, 2005.

Характер принципиальных изменений в отечественной науке (в самом научном мышлении, в процессах дифференциации научного знания и его институциональной конфигурации) в последней четверти XIX – начале XX в., диктующих в 1910-е годы необходимость попыток целостного осмысления путей развития науки.

Видимо, можно говорить об «ускоренном развитии науки» в России в эти десятилетия – процессе, который вывел многие области отечественной науки и прежде всего социально-гуманитарное знание (его дисциплинарную и институциональную матрицы, его аксиологию и методологический аппарат) на позиции, в полной мере соотносимые с ходом развития европейской науки.

Сущность этого прорыва, этого удивительного феномена еще ждет своего объяснения, невозможного вне целостного постижения стадийных закономерностей отечественного культурно-исторического процесса XIX–XX вв., понимания морфологии эпохи, завершающей историю дореволюционной России.

В случае комментированного издания материалов сборника «Русская наука» предметом специального рассмотрения, кроме вышеперечисленных проблем, должны стать как совокупность его «дальних» историко-культурных контекстов (морфология отечественного культурно-исторического процесса, концепт «наследие» в русской культуре конца XIX – начала XX в., идеологемы «русская идея», «спор двух столиц»²⁴, проблема «Россия и Европа / Запад», история интеллигенции в России), так и целый ряд контекстов, фиксирующих реальное состояние и динамику развития русской науки в конце XIX в. – первых десятилетиях XX в.: проблемы «наука и государство / власть» в российской действительности и в мировоззрении деятелей русской науки, «наука и высшая школа», «наука и частный капитал», «наука и модернизация России», «институциональные аспекты развития русской науки», «пространственная стратификация (география) русской науки», «Первая мировая война и русская наука», «Поколение 1914 года: поколение молодых русских ученых-гуманитариев, встретивших и частично переживших Первую мировую войну и последующие события», «1917 г. и русская наука».

Литература

1. Бородин М.М. Национальное в науке: (Молодому поколению). – СПб., 1912.
2. Вернадский В.И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. – М., 1988. – С. 63–201.

24. В горизонте этого спора важно, что проект «РН» зародился именно в северной столице.

3. Еленкин А.А. Наука как продукт национального творчества // Еленкин А.А. Флора мхов Средней России. – Юрьев, 1919. – Ч. 1. – С. 6–15.
4. Есаков В.Д. Неосуществленный проект Академии наук // Вестн. РАН. – М., 1997. – Т. 67, № 12. – С. 1129–1139.
5. Есаков В.Д. «Русская наука», 1917 год. (Нереализ. проект) // Крайности истории и крайности историков. – М., 1997. – С. 95–120.
6. Иконников В.С. Опыт русской историографии. – Киев, 1891–1908. – Т. 1 (Кн. 1–2). – 2 (Кн. 1–2).
7. Илизаров С.С. О доминантах российской историографии науки // Принципы историографии естествознания: XX век. – СПб., 2001. – С. 353–363.
8. История науки в теории и практике / Под ред. Ковалевского, Ланге Н.Н., Морозова Н.А., Шимкевича В.М. – М., 1911–1914. – Т. 1–9.
9. Кедров Б.М. Классификация наук. – М., 1961–1965. – Т. 1–2.
10. Корзун В.П. Научоведческая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: (К истокам культурологических исследований научного знания) // Культура и интеллигенция России между рубежами веков. – Омск, 2003. – С. 46–50.
11. Корзун В.П. Невостребованное наследие: (Материалы по истории науки в архиве А.С. Лаппо-Данилевского) // Археологический ежегодник за 1994 год. – М., 1996. – С. 253–263.
12. Корзун В.П. Образцы историографической науки на рубеже XIX–XX вв.: (Анализ отеч. историогр. концепций). – Екатеринбург; Омск, 2000. – 226 с.
13. Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в связи с общим ходом развития ее культуры и политики / Предисл. Сорокиной М.Ю.; Подгот. текста Сорокиной М.Ю. при участии Лаппо-Данилевского К.Ю. – Köln; Weimar; Wien, 2005. – 461 с.
14. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. – М., 2006. – 622 с.
15. Летопись Академии наук. Т. 4: 1901–1934 // Отв. ред. Колчинский Э.И., Смагина Г.И. – СПб., 2007. – 1051 с.
16. Малеин А.И. Новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в России за 1901–1917 гг. // Изв. имп. Археол. комис. – СПб.; Пг., 1902–1917. – Вып. 2–3, 6, 9–10, 14, 16, 18–19, 21–22, 26–27, 31, 34, 39, 44, 46, 48, 50, 52, 56–59, 63–64, 66.
17. Материалы для библиографического словаря действительных членов Императорской академии наук. – Пг., 1915–1917. – Ч. 1–2.
18. Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. – Пг., 1917. – Ч. 1. – 2, IV, 631 с.
19. Обзор трудов по славяноведению / Под ред. Бенешевича В.Н. За 1908–1911 гг. // Изв. От-ния рус. яз. и словесности имп. А.Н. – СПб., 1909–1912. За 1912 г. – СПб.; Пг., 1913–1914. – Вып. 1–3. За 1913 г. – Пг., 1915–1918. – Вып. 1–3.
20. Поворинский А.Ф. Систематический указатель русской литературы по гражданскому праву. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб., 1904. – XXI, 896 с.
21. Поворотинский А.Ф. Систематический указатель русской литературы по судостроительству и судопроизводству, гражданскому и уголовному. – СПб., 1896–1905. – Т. 1–2.
22. Пумпянский Л.В. К истории русского классицизма // Пумпянский Л.В. Классическая традиция. – М., 2000. – С. 30–157.
23. Ростовцев Е.А. Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // Источник. Историк. История. – СПб., 2001. – Вып. 1. – С. 135–248.
24. Рубакин Н.А. Среди книг: Опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 1913–1915. – Вып. I–III (Вып. 1).

25. Русская библиография по естествознанию и математике, составляемая состоящим при императорской Академии наук С.-Петербургским бюро международной библиографии. – СПб.; Пг., 1901–1917. – Т. I–IX.
26. Русская наука // Энциклопедический словарь / Изд.: Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. – СПб., 1899. – Полут. 55. – С. 721–859.
27. Серно П. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе / Пер. с франц. Автономовой Н.С. – М., 2001. – 360 с.
28. Таубе М.Ф. Познаниеведение соборного восточного просвещения по любомудрию славянофильства. – СПб., 1912. – 230, II с.
29. Тункина И.В. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знания. 1921–1933 гг.: Из истории организации историко-науч. исследований в Академии наук. – СПб., 2003. – С. 634–659.
30. Тункина И.В. О проекте многотомного издания по истории русской науки (1916–1930 гг.). Петербургская академия наук в истории академий мира. – СПб., 2000. – Т. 1. – С. 189–194.
31. Указатель юридической литературы // Журн. Мин-ва юстиции. – СПб.; Пг., 1894–1917.
32. Чумакова Т.В. А.С. Лаппо-Данилевский и изучение истории русской науки // Историческая наука и методология истории в России XX века. – СПб., 2003. – С. 205–213.
33. Шамурин Е.И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. – М., 1955–1959. – Т. I–II.
34. Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы // Шпет Г.Г. Мысль и слово / Вступ. ст., публ. и коммент. Щедриной Т.Г. – М., 2005. – С. 248–469.
35. Шпет Г.Г. Мысль и слово // Там же. – С. 197–247.
36. Шпет Г.Г. История как проблема логики: Критич. методол. исследования. Материалы / Под. ред. и с предисл. Мясникова В.С. – М., 2002. – 1168 с.
37. Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. – М., 1915. – 48 с.
38. Юридическая библиография, издаваемая Демидовским юридическим лицеем. – Ярославль, 1886–1990. – № 1–55.
1901–1917. – № 1–47.
39. Lappo-Danilevsky A.S. The development of sciences and learning in Russia // Russian realities and problems. – Cambridge, 1917. – P. 153–229.

Н.Н. Платошкин

БЕРЛИН В АВГУСТЕ 1961 г.: УСТАНОВЛЕНИЕ
ПОГРАНИЧНОГО РЕЖИМА

**Платошкин Николай Николаевич – кандидат
исторических наук, доцент Московского
гуманитарного университета.**

Западный Берлин к августу 1961 г. стал представлять для ГДР смертельную опасность. Так как в столице восточногерманского государства не было никакой границы, отделяющей ее от Западного Берлина, то жители последнего (используя явно невыгодный курс марки ГДР по отношению к марке ФРГ) массово скупали в столице ГДР более дешевые товары и, прежде всего, продовольствие. Отсутствие границы создавало благоприятные возможности для резидентуры ЦРУ США в Западном Берлине, являвшейся самым крупным подразделением американской разведки за рубежом. Агенты ЦРУ спокойно доставляли информацию о советских войсках в Германии, переходя пешком из одной части города в другую. Можно было не полагаться на ненадежную и опасную радиосвязь. Наконец, именно через Западный Берлин фирмы ФРГ сманивали квалифицированных специалистов из ГДР в ФРГ. Таким образом, Западная Германия сэкономила на образовании десятки миллиардов марок. В свою очередь ГДР же с помощью собственного бесплатного образования по сути готовила кадры для другого государства.

Власти ГДР просили СССР разрешить установление в городе пограничного режима, который существовал к тому времени на всех остальных границах Германской Демократической Республики. Москва долго не соглашалась, стремясь избежать обострения отношений с Западом. Но сам Запад такого обострения явно не боялся.

В июне 1961 г. все более жестким становился тон дипломатической полемики между СССР и Западом по германскому вопросу. 8 июня советское правительство направило США, Великобритании, Франции и ФРГ ноты

протеста против предполагавшегося заседания в Западном Берлине бундесрата ФРГ¹.

Н.С. Хрущёв, правда, все еще надеялся, что президент США Дж. Кеннеди готов к компромиссу. И 14 июня 1961 г. многим показалось, что политологический анализ Хрущёва не столь уже далек от действительности. Лидер демократов в сенате США Мэнсфилд вдруг предложил сделать весь Берлин вольным городом под опекой международного сообщества². Но уже 15 июня правительство ФРГ отвергло идеи Мэнсфилда.

Хрущёв, в свою очередь, выступая в Кремле 21 июня 1961 г. по случаю 20-й годовщины начала Великой Отечественной войны, подверг канцлера ФРГ К. Аденауэра критике и предостерег его от повторения опыта двадцатилетней давности. Уже на следующий день госсекретарь США Раск упрекнул советского лидера в незнании причин Второй мировой войны и твердо пообещал, что войска США из Берлина не уйдут.

Хрущёв все еще не оставлял надежды переубедить Кеннеди. Была организована встреча зятя Хрущева и главного редактора «Известий» А. Аджубея с американским президентом. Кеннеди сказал, что, если он отдаст приказ об уходе войск США из Берлина, его подвергнут импичменту³. Аджубей повторил предложение об оставлении части американских войск в Берлине (при условии, что тогда в восточной части города останется и советский контингент). Но США не были готовы к компромиссу.

28 июня 1961 г. Министерство почт и транспорта ГДР опубликовало постановление, согласно которому с 1 августа все иностранные самолеты, использующие воздушное пространство ГДР, должны были сообщать радиосвязью свои координаты и маршрут полета восточногерманским властям. Государственный департамент США немедленно отреагировал предупреждением, что американские самолеты, летающие в Западный Берлин и обратно в рамках трех воздушных коридоров, как и раньше, не будут ничего заранее объявлять о своих маршрутах.

Хрущёв, однако, все еще не переставал надеяться на переговоры с Западом. В своем выступлении на митинге советско-вьетнамской дружбы 28 июня 1961 г. он говорил, что на Западе есть трезво мыслящие люди, не желающие развязывать из-за Берлина третью мировую войну. К таким относился наиболее известный военачальник Великобритании времен Второй

1. Западный Берлин с точки зрения международного права не являлся частью ФРГ и проводить там заседания любых государственных органов Западной Германии было незаконно. – Прим. авт.

2. Dokumentation zur Deutschlandfrage. Von der Atlantik-Charta bis zur Berlin-Sperre 1961. Halbband II. Bonn-Wien-Zürich. 1970, S. 573–574.

3. Foreign Relations of the United States, Volume V, p. 265.

мировой войны фельдмаршал Монтгомери, предложивший вывести с территории всех европейских государств иностранные войска.

Между тем В. Ульбрихт продолжал требовать от Н.С. Хрущёва созыва саммита Организации Варшавского Договора (ОВД). 28 июня 1961 г. из Москвы вернулся член Политбюро ЦК СЕПГ Флорин, сообщивший Ульбрихту, что Президиум ЦК КПСС готовит решение о созыве высшего органа ОВД – Политического Консультативного Комитета (ПКК). Собственно, никакого другого выхода у советского руководства уже не было.

В Москве еще не знали, что бывший госсекретарь США при Трумэне Ачесон, назначенный Кеннеди специальным советником по Берлину, посоветовал президенту (опять-таки 28 июня) твердо указать русским на их место. Ачесон рекомендовал не идти с СССР ни на какие переговоры по Берлину.

30 июня Кеннеди дал указание госсекретарю и министрам обороны и финансов подготовить предложения по возможным **военным** (выделено автором), экономическим и другим акциям против «советского блока», если напряженность вокруг Берлина будет возрастать⁴. Мир неумолимо сползал к ядерной войне.

30 июня 1961 г. помощник Кеннеди по вопросам национальной безопасности Банди составил меморандум, в котором просил госсекретаря и директора ЦРУ разъяснить, какие «подготовительные мероприятия должны быть осуществлены, чтобы мы продолжали нести нестабильность в Восточную Германию и Восточную Европу»⁵. ЦРУ, однако, оценивало свои возможности достаточно реалистически. На заседании в штаб-квартире американской разведки еще 22 июня 1961 г. констатировалось, что возросший потенциал Министерства госбезопасности (МГБ) ГДР превосходит силы американской агентуры. ЦРУ опасалось, что открытые провокации против ГДР (а обсуждалась больше всего необходимость содействия росту потока беженцев на Запад) приведут к полной советской блокаде Берлина, а это, в свою очередь, поставит крест на всей агентурной работе американской разведки в Восточной Германии.

Резкое ухудшение советско-американских отношений обрадовало ФРГ. 8 июня 1961 г. министр по общегерманским вопросам в кабинете Аденауэра Леммер высказался за «обострение международного противоборства вокруг Берлина». 14 июня бундестаг ФРГ принял новое таможенное законодательство, рассматривавшее ГДР как часть ФРГ. 28 июня

4. *Foreign Relations of the United States, Volume V, p. 266.*

5. Bailey G., Kondraschow S.A., Murphy D. *Die unsichtbare Front. Der Krieg der Geheimdienste im geteilten Berlin.* – B., 1997. – S. 469.

западногерманский генерал Хойзингер доложил Кеннеди, что семь дивизий бундесвера полностью оснащены и готовы «немедленно выполнить любую миссию» (в начале июля 1961 г. армия ФРГ насчитывала 311 тыс. солдат и офицеров).

3 июля, выполняя указание Кеннеди, командующий американскими войсками в Европе генерал Кларк приказал берлинскому гарнизону армии США быть готовым к чрезвычайным обстоятельствам. Кларк потребовал от солдат «мужества, решимости и добровольных жертв»⁶. Американцы, сея нестабильность в ГДР, боялись, что СЕПГ отплатит им той же монетой в Западном Берлине, поэтому еще с середины июня в городе проводились учения по борьбе с беспорядками.

3–4 июля 1961 г. в Берлине проходил 13-й пленум ЦК СЕПГ. Ульбрихт сообщил партийному руководству, что Хрущев скоро подпишет мирный договор с ГДР и тем самым берлинский вопрос будет решен. Первый секретарь ЦК СЕПГ заверил членов высшего партийного органа, что после подписания мирного договора ГДР будет контролировать все (в том числе и воздушные) коммуникации Западного Берлина с внешним миром.

Эту точку зрения подтверждает и депеша советского посла в ГДР Первухина в Москву от 4 июля, в которой предлагались конкретные меры по подготовке перехода к ГДР прав по контролю за наземными и воздушными путями западных союзников в Берлин. В частности, Первухин инициировал разработку совместного порядка действий ВВС СССР и ГДР в случае отказа Запада в будущем признать за Восточной Германией право контролировать три воздушных коридора между ФРГ и Западным Берлином. Предполагалось общими усилиями обнаруживать и перехватывать западные самолеты, если те предварительно не сообщали бы о своих маршрутах⁷.

США по-прежнему старались создать в ГДР климат внутренней нестабильности. 12 июля 1961 г. посол США в ФРГ Доулинг сообщал в госдепартамент о растущей напряженности в «зоне» (т.е. ГДР). Довольно провокационно американский дипломат вопрошал: неужели США опять, как в 1953 г., будут спокойно взирать на «народное восстание» в ГДР? Это означало бы, по мнению Доулинга, «конец нашего авторитета и влияния в Германии»⁸.

13 июля Совет национальной безопасности США обсуждал возможную реакцию на заключение СССР мирного договора с ГДР. Госсекретарь Риск и

6. Mehls E., Mehls H. 13. August. – B., 1979. – S. 13.

7. Bailey G., Kondraschow S.A., Murphy D. Die unsichtbare Front. Der Krieg der Geheimdienste im geteilten Berlin. – B., 1997. S. 471.

8. Ibidem, S. 472.

министр обороны Макнамара предлагали рассмотреть **все** возможные меры (в том числе и военные).

Подготовка к войне шла и в военных штабах НАТО. Во время заседания Совета блока 5–7 июля 1961 г. в Париже обсуждался вопрос о том, привлекать ли бундесвер для участия в вооруженном прорыве возможной блокады Берлина. Министерство обороны ФРГ считало, что пробиваться в Берлин должны войска западных держав, а представители последних предлагали использовать в первом эшелоне западногерманскую армию. 13 июля в Вашингтон прилетел министр обороны ФРГ Штраус, который настойчиво просил предоставить в распоряжение бундесвера ядерное оружие. Американские и западногерманские военные договорились о совместных мерах против «зон» – от экономического бойкота до «ограниченных боевых действий». Примерно в это же время упоминавшийся выше Леммер согласовал с руководством бундесвера и сотрудниками федерального ведомства печати и информации ФРГ развернутый план психологической войны против ГДР. Целью была полная дискредитация СЕПГ и отрыв партии от основной массы населения республики.

Трудно понять, чем руководствовались американские дипломаты и военные, подготовившие к очередному заседанию Совета национальной безопасности 19 июля 1961 г. состоявший из нескольких этапов план самой настоящей войны против ГДР. Сначала (и безотлагательно) предполагалось нарастить численность американских войск в Европе. Затем Пентагон намеревался «остановить» войска ОВД к концу 1961 г. (предполагалось, что коммунисты вторгнутся в Западную Европу в ответ на попытку Запада прорваться в Берлин). И, наконец, прямо говорилось о ведении в это же время ограниченной войны обычными средствами против СССР. В Вашингтоне всерьез полагали, что советско-американская война ограничится Германией и не приведет к применению ядерного оружия.

Абсурдным считал такой военный сценарий США министр обороны ФРГ Штраус. Он не понимал, почему американцы уверены, что будущая война будет вестись ограниченными силами и только вдоль автобана Хельмштедт (граница ФРГ) – Берлин? Но министру обороны ФРГ стало окончательно не по себе, когда он узнал, что США планируют сбросить на территорию ГДР атомную бомбу. Позднее Штраус писал в мемуарах, что «к счастью» такие планы 13 августа 1961 г. (когда ГДР установила в Берлине нормальный пограничный режим) превратились в «ничто».

7 июля министр госбезопасности ГДР Эрих Мильке распорядился привести личный состав министерства в состояние повышенной готовности. Мильке предполагал, что Запад (т.е. США) неадекватно информирован о положении в Берлине и может пойти на полномасштабную войну.

В начале июля 1961 г. Хрущёв убедился, что Кеннеди нельзя побудить сесть за стол переговоров только просьбами. Советский лидер решил несколько повысить тональность словесного противоборства. Выступая 8 июля перед выпускниками военных академий в Кремле (такая аудитория была, разумеется, подобрана не случайно), Хрущёв подверг критике политику западного давления на ГДР и СССР. Почему, собственно, США, Великобритания и Англия не нотифицируют предварительно полеты своих военных и гражданских самолетов в Западный Берлин? Ведь если советский самолет летит из Москвы в Лондон через Копенгаген, то об этом в обязательном порядке уведомляются датские власти. В чем же разница между ГДР и Данией? В который раз Хрущёв подтвердил, что новый статус Западного Берлина ни в коем случае не изменит сложившийся там капиталистический уклад жизни, если сохранения этого уклада желают сами западные берлинцы. СССР по-прежнему желал скорейших переговоров, но военному шантажу не поддавался. Чтобы это было понятно, Хрущёв объявил о прекращении проводившейся демобилизации части Вооруженных Сил СССР и повышении на $\frac{1}{3}$ военных расходов.

17 июля 1961 г. три западные державы передали СССР меморандум по германскому вопросу. В американской ноте вновь говорилось, что США не откажутся от своих прав в Берлине и будут защищать их от любых попыток отменить эти права в одностороннем порядке.

Итак, Запад публично продекларировал свою готовность воевать за Берлин, и Хрущёв снова оказался в очень трудном положении. Отступить он уже не мог, а дать ГДР все права по контролю над западными коммуникациями в Берлине опасался, так как не исключал в этом случае полномасштабной военной конфронтации с Западом. Хрущёва вполне устроило бы в тот критический момент хотя бы формальное предложение США сесть за стол переговоров. Но Кеннеди, похоже, решил, что Хрущёва надо унизить окончательно, чтобы продемонстрировать всему миру триумф западной демократии над советским коммунизмом.

24 июля 1961 г. американский президент отдал приказ направить в Европу шесть дивизий и принять надлежащие меры для содержания в боевой готовности авиационные соединения, необходимые для поддержки этого дополнительного контингента⁹. Похоже, что Кеннеди был готов к большой войне, хотя и ожидал ее в конце 1961 г. (до этого времени шесть дивизий нельзя было перебросить в Европу и привести их в боевое состояние).

25 июля Кеннеди произнес свою известную речь, которая окончательно похоронила все надежды на решение берлинского вопроса путем

9. *Foreign Relations of the United States, Volume V, p. 267.*

переговоров. Американский президент заявил, что не позволит коммунистам «выдавить нас» из Берлина. Предполагалось ускорить ведущееся уже с января 1961 г. наращивание вооруженных сил США. Численность сухопутных войск, объявил Кеннеди, вырастет с 875 тыс. до 1 млн. военнослужащих, а численность ВВС – на 63 тыс. человек. Военный бюджет США с 43,8 млрд. долл. будет за год доведен до 51,64 млрд. 50% американских стратегических бомбардировщиков Б-52 и Б-47 были переведены на боевое дежурство, чтобы быть готовыми к вылету по тревоге в течение 15 минут. В 2–3 раза увеличивалось количество мобилизованных в армию и выделялось 1,8 млрд. долл. на пополнение запасов обычных вооружений и боеприпасов. Кеннеди советовал американским семьям готовиться к ядерной войне и строить себе бомбоубежища.

27 июля 1961 г. Хрущёв беседовал с советником Кеннеди по германским делам Макклоем. Советский лидер четко дал понять, что в Москве восприняли выступление Кеннеди как фактическое объявление войны, и этой войны в СССР не боятся. Если США перебросят в Европу одну дивизию, то Советский Союз ответит двумя. В Советском Союзе сожалеют, что Кеннеди встал на путь ультиматума. Макклой, как рассказывал позднее Хрущёв руководителям братских коммунистических партий стран ОВД в Москве, «замаялся» и пытался рассеять опасения советского лидера. Но чувствовалось, что он и сам считал, что Кеннеди явно «перегнул палку».

26 июля 1961 г. в Москве был получен проект выступления Ульбрихта на предстоящем заседании ПКК ОВД. Лидер СЕПГ предлагал закрыть границу в Берлине¹⁰. Ничего другого Ульбрихт уже предложить и не мог: он прямо сказал советскому послу, что в противном случае коллапс ГДР будет неизбежным и произойдет в ближайшее время. Действительно, если в июне 1961 г. в ФРГ через Берлин ушли 19 198 граждан ГДР, то в июле – уже 30 415. Помимо экономических причин, переходу на Запад способствовал страх перед войной, которая, казалось, уже висела в воздухе.

В ГДР решили начать действовать постепенно, не дожидаясь решений ПКК ОВД в Москве. 31 июля 1961 г. обер-бургомистр Восточного Берлина Фридрих Эберт предложил своему западноберлинскому коллеге Брандту урегулировать проблему «гренцгенгеров»¹¹: они должны были получать зарплату в валюте той части города, где они постоянно проживали. Брандт инициативу Эберта проигнорировал, и ГДР была вынуждена действовать в

10. Harrison H. Ulbricht and the concrete «Rose»: new archival evidence on the dynamics of Soviet-East German relations and the Berlin crisis 1958–61. Washington. – 1993. – P. 52.

11. Так называли жителей столицы ГДР, которые работали в Западном Берлине. – Прим. авт.

одностороннем порядке. «Гренцгенгерам» предписали платить за коммунальные услуги, детские сады и образование в западных марках. Эта мера была абсолютно логичной, так как «гренцгенгеры» извлекали материальную выгоду из ненормального политического положения в немецкой столице.

В конце июля СЕПГ организовала массовую кампанию против «торговцев людьми» (так называли в ГДР тех, кто на профессиональной основе организовывал переброску граждан республики на Запад). В течение только одной недели на 37 предприятиях восточного Берлина были образованы «Комитеты против торговли людьми». Правоохранительные органы ГДР с конца июля по 9 августа 1961 г. провели судебные процессы, в ходе которых 25 граждан ГДР, 2 гражданина ФРГ и 1 житель Западного Берлина были приговорены в общей сложности к 99 годам тюремного заключения.

Для того чтобы прекратить бегство граждан ГДР в ФРГ, можно было либо перекрыть воздушное сообщение Западного Берлина с Западной Германией, чтобы беженцы переполнили западную часть Берлина и вызвали в ней хаос, либо ввести нормальный пограничный режим в самом Берлине. Первый вариант означал неминуемую войну с Западом и поэтому был отвергнут Хрущёвым. Советский лидер дал, наконец, согласие на введение в Берлине пограничного режима, но потребовал от Ульбрихта действовать постепенно и с учетом реакции Запада. Лидеры СССР и ГДР условились, что меры ГДР затронут только немцев, но не персонал западных держав в разделенном городе. Хрущёв потребовал от Ульбрихта гарантий, что погранвойска и армия ГДР смогут самостоятельно поддерживать пограничный режим в Берлине и не втянутся в вооруженные столкновения с войсками США, Великобритании и Франции.

Выступая на заседании ПКК, Ульбрихт уже официально попросил страны – участницы Варшавского Договора согласиться на введение на всех границах ГДР, включая границы в Берлине, режима, соответствующего режиму границ других социалистических государств с западными соседями¹².

Ульбрихт совершенно правильно предполагал, что Запад не пойдет из-за этого на развязывание войны. Единственное, что было возможным, – так это экономическое эмбарго против ГДР. Но к этому СССР и ГДР готовились заранее. Совет Министров СССР 1 июня 1961 г. принял решение оказать ГДР экстренную экономическую помощь в случае объявления ей торгового бойкота.

12. Harrison H. Ulbricht and the concrete «Rose»: new archival evidence on the dynamics of Soviet-East German relations and the Berlin crisis 1958–61. Washington. – 1993. – P. 56.

Со своей стороны председатель КГБ А.Н. Шелепин предложил Хрущёву 29 июля целый ряд мероприятий против Запада в других частях мира, чтобы отвлечь американцев от Берлина. В основном речь шла о пропаганде устрашающего толка: в частности, предполагалось убедить США, что в СССР уже построен самолет с атомным двигателем¹³.

Совещание ПКК ОВД единогласно одобрило предложение Ульбрихта о введении в Берлине нормального пограничного режима. В опубликованном коммюнике социалистических стран Запад в очередной раз призывался к серьезным переговорам по берлинскому вопросу и заключению мирного договора с Германией. Западу опять гарантировалось сохранение существующего в Западном Берлине социально-экономического строя. О закрытии границы в немецкой столице в коммюнике ничего не говорилось: было подготовлено специальное заявление на этот счет, которое предполагалось опубликовать накануне введения пограничного режима.

5–6 июля 1961 г. министры иностранных дел США, Великобритании, Франции и ФРГ вырабатывали в Париже совместную позицию по берлинской проблеме. Было решено начать с СССР переговоры в октябре или ноябре. Но сам СССР об этом ничего не узнал, так как озабоченные своим престижем западные страны решили пока ничего не объявлять об этом предложении. Тем самым была упущена последняя возможность сохранить в Берлине статус-кво.

7 августа 1961 г. Ульбрихт созвал чрезвычайное заседание Политбюро ЦК СЕПГ и объявил о согласии государств – участников ОВД на введение в ночь с 12 на 13 августа пограничного режима в Берлине. Народная палата (парламент) ГДР должна была санкционировать этот шаг 11 августа. Примечательно, что на Западе у Ульбрихта нашелся авторитетный единомышленник. Весьма влиятельный председатель комитета по международным делам сената США Уильям Фулбрайт еще 3 августа 1961 г. публично выразил удивление по поводу того, что восточные немцы до сих пор не закрыли границу в Берлине, хотя у них есть на это полное право.

Международное положение в начале августа 1961 г. обострилось еще больше. 1 августа Штраус на пресс-конференции в Нью-Йорке объявил, что Запад должен готовиться к гражданской войне в Германии. 7 и 11 августа в Восточном Берлине было совершено два крупных поджога, в том числе в главном вузе столицы ГДР – Университете имени Гумбольдта. Американские и западногерманские военные завершали отработку плана вооруженного прорыва из ФРГ в Западный Берлин по автобану Хельмштедт-Берлин. 10 августа 1961 г. командующий сухопутными войсками НАТО в Центральной

13. Bailey G., Kondraschow S.A., Murphy D. *Die unsichtbare Front. Der Krieg der Geheimdienste im geteilten Berlin.* – B., 1997. – S. 475.

Европе генерал бундесвера Шпейдель (служивший раньше в гитлеровском вермахте) инспектировал собранный для этой цели воинский контингент на границе с ГДР.

СССР и ГДР также готовились к самому худшему, хотя Хрущёв и был уверен, что американцы все же спасуют в последний момент. Но чтобы в США не возникало слишком авантюристических мыслей, в ГДР начались (под видом учений) передвижения советских войск и Национальной народной армии ГДР поближе к границам Западного Берлина. 10 августа 1961 г. маршал Конев был назначен новым командующим Группой советских войск в Германии (ГСВГ), и на Западе сразу поняли, что русские готовы в случае чего идти до конца. В тот же день Конева посетили коменданты западных секторов Берлина, с тревогой наблюдавшие за передвижениями вверенных теперь Коневу частей. Маршал успокоил гостей: идут учения, и Западному Берлину абсолютно ничего не угрожает.

Между тем еще 9 августа в ГДР был образован специальный штаб во главе с секретарем ЦК СЕПГ по вопросам безопасности Эрихом Хонеккером для срочной подготовки мер по введению пограничного режима. В заседаниях штаба участвовали представители Посольства СССР в ГДР и ГСВГ.

Перед Хонеккером стояла очень сложная задача. Требовалось в кратчайшие сроки перекрыть и надежно укрепить 164 км границ Западного Берлина с ГДР, 44,75 км из которых проходило прямо по городу. Причем секторальная граница шла по дачам, пустырям, городским каналам и прямо по жилым домам. Иногда сам дом входил в состав столицы ГДР, а тротуар перед ним принадлежал уже Западному Берлину. На одной из улиц города – Брунненштрассе – можно было попасть из восточной части в западную и обратно через систему обычных подвалов. К августу 1961 г. в Берлине существовал 81 контрольно-пропускной пункт для пешеходов (промежутки между ними охранялись не очень плотно). Обе части города связывали линии метро и городской железной дороги. Только на один железнодорожный вокзал столицы ГДР Фридрихштрассе каждый день приходили 285 поездов из Западного Берлина с 50 тыс. пассажиров.

Хонеккер с присущей ему энергией взялся за дело. 9 августа 1961 г. Министерство обороны ГДР создало оперативную группу для координации участия армейских частей в закрытии границы. Из округов Шверин и Потсдам к Западному Берлину были переброшены две мотострелковые дивизии, солдаты и офицеры которых думали, что участвуют в обычных учениях.

11 августа глава МГБ ГДР Мильке сообщил руководящим сотрудникам своего министерства, что в «ближайшие дни» будут предприняты некие

решительные меры, которые потребуют от госбезопасности «полной боевой готовности».

Согласно разработанному Хонеккером плану, первыми на границу с Западным Берлином должны были прибыть бойцы «боевых дружин рабочего класса» (по сути, это были партийные и профсоюзные активисты с берлинских заводов, вооруженные старыми советскими автоматами ППШ). При поддержке курсантов полицейских школ они должны были образовать передний край оцепления. Сотрудники народной полиции (второй эшелон) должны были прикрывать тылы рабочих дружин и быстро рассеивать возможные скопления людей. Еще дальше в тылу (но в пределах видимости из Западного Берлина) демонстрировали свое присутствие части армии ГДР, которые должны были противодействовать вооруженным попыткам прорыва границы. В случае боевых действий со стороны западных держав на помощь Национальной народной армии ГДР должны были оперативно выдвинуться советские войска.

В ночь на 12 августа план по введению пограничного режима был одобрен советской стороной, и в 16.00 12 августа Ульбрихт как председатель Государственного совета ГДР и председатель Национального совета обороны подписал соответствующий приказ. В полночь 12 августа советские и восточногерманские войска были приведены в состояние боевой готовности. Августовская ночь в тот год была уже довольно прохладной – термометр показывал 13° тепла. Небо было затянуто тучами, что облегчало маскировку выдвижения войск и полиции к границе. Находившиеся той ночью на марше войска армии ГДР через посыльных получили приказ срочно изменить направление и двигаться к границам Западного Берлина. Боевые патроны у солдат уже были, так как формально они находились на учениях.

В час ночи 13 августа во многих берлинских квартирах зазвонили телефоны и дверные звонки. Специальные посыльные по тревоге подняли бойцов боевых дружин рабочего класса (в сущности, это были сугубо гражданские люди, лишь изредка стрелявшие из карабинов на стрельбищах в свободное от работы время).

Штаб во главе с Хонеккером собрался еще в 22.30 12 августа. В полночь вдоль всей границы с Западным Берлином было погашено электрическое освещение, и выдвижение сил со стороны ГДР проходило под покровом темноты.

На службе находилось и все руководство берлинской организации СЕПГ (следует отметить, что решение выдвинуть в первый эшелон рабочих было довольно рискованным с организационной точки зрения: ведь они находились не в казармах, а дома, и их надо было собрать и вооружить буквально за считанные минуты).

В полночь министр транспорта ГДР Крамер отдал распоряжение о прекращении железнодорожного сообщения между двумя частями города. В 1 час 10 минут остановилась первая электричка, и ее пассажиров попросили выйти из вагонов. К двум часам ночи железнодорожники ГДР уже полностью прервали движение.

По плану Хонеккера на взятие всей границы с Западным Берлином под контроль отводилось всего 30 минут. После этого за 180 минут требовалось перекрыть и укрепить 68 из 81 КПП на секторальной границе. Около половины второго ночи народная полиция заняла все вокзалы на секторальной границе и полностью закрыла 13 из них. Через полчаса были взяты под контроль Бранденбургские ворота. Примерно с 3 часов ночи началось инженерное оборудование новой границы: перерезались рельсы железной дороги, устанавливались противотанковые надолбы на улицах, появлялись проволочные заграждения. На самых ключевых переходах были размещены бронетранспортеры. Ровно в 6 часов утра граница с Западным Берлином была взята под плотный контроль.

С организационной точки зрения вся операция прошла блестяще. Несмотря на то что 13 августа было воскресным днем, все рабочие дружины организовано прибыли на отведенные для них места. Берлинская парторганизация СЕПГ ранним утром направила на 28 вокзалов городской железной дороги и станций метро группы агитаторов, которые разъясняли собравшимся на работу «гренцгенгерам» новое положение в Берлине.

А оно было таково: количество КПП для проезда автотранспорта и прохода пешеходов резко ограничивалось, теперь их оставалось 13. Гражданам ГДР отныне требовалось специальное разрешение для прохода в Западный Берлин. «Миролюбивые» граждане Западного Берлина (т.е. все жители западных секторов, не замеченные в деятельности, направленной против ГДР) могли при предъявлении своего удостоверения личности свободно проходить в столицу ГДР (с 23 августа для них также был введен разрешительный порядок). Для иностранцев, в том числе персонала западных стран в Берлине, полностью сохранялся прежний режим (т.е. свободное пересечение границы). Министр внутренних дел ГДР Марон в своем распоряжении от 12 августа просил граждан ГДР, не работавших в Берлине, временно воздержаться от поездок в столицу.

В 1 час 11 минут 13 августа 1961 г. информационное агентство ГДР АДН распространило заявление правительств стран – участниц Варшавского Договора, в котором содержалась просьба ОВД к правительству ГДР установить вокруг Западного Берлина пограничный режим для предотвращения подрывной деятельности против всего социалистического содружества. Таким образом, строго юридически ГДР действовала по просьбе своих военных союзников.

На Западе долгое время использовали установление в Берлине нормального пограничного режима для пропагандистской войны против СССР и ГДР. «Берлинская стена» (стена в Берлине начала сооружаться позднее – с 19 августа 1961 г.) была превращена в символ противостояния двух систем. Однако сейчас никто почему-то не критикует на Западе стену, возведенную Израилем на границе палестинской автономии, или стену на границе США с Мексикой. Видимо, стереотипы «холодной войны» по-прежнему определяют политику стран НАТО, что, к сожалению, продемонстрировали и события на Кавказе в августе 2008 г.

Литература

1. Dokumentation zur Deutschlandfrage. Von der Atlantik-Charta bis zur Berlin-Sperre 1961. Halbband II. Bonn-Wien-Zürich. 1970. – 851 S.
2. Foreign Relations of the United States, Kennedy Administration, Volume V. Washington, 1998, www.state.gov
3. Bailey G., Kondraschow S.A., Murphy D. Die unsichtbare Front. Der Krieg der Geheimdienste im geteilten Berlin. 1997. – 589 S.
4. Harrison H. Ulbricht and the concrete «Rose»: new archival evidence on the dynamics of Soviet-East German relations and the Berlin crisis 1958–61. Washington, 1963, 140 p.
5. Mehls E., Mehls H. 13. August. Berlin. 43 S.

А.В. Бакустин

ТУРЦИЯ, РОССИЯ И ГОСУДАРСТВА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XXI ВЕКЕ

**Александр Валерьевич Бакустин – аспирант
Центра изучения проблем Центральной Азии
и Кавказа в Институте стран Азии и Африки
при МГУ им. М.В. Ломоносова.**

Турецкая Республика была среди первых стран, которые признали независимость центральноазиатских государств непосредственно, сразу же после распада Советского Союза в начале 1990-х годов XX в. Появление на географической карте новых независимых государств, называемых в турецких источниках и исследованиях «тюркскими республиками», включая даже Таджикистан¹, породило в общественной жизни страны, причем на разных политических полюсах, невероятный эмоциональный подъем и чувства эйфории. «Тюркский мир, простирающийся от Адриатики до Великой Китайской стены» стал новой и самой обсуждаемой темой в полемике политических элит Турции и средств массовой информации страны.

Современные турецкие исследователи (Баскын Оран, Зия Ониш, Бюлент Араз, Кемаль Карпат, Мустафа Айдын) отмечают, что Турция пережила 1990-е годы, не имея четкой стратегии и концепции внешней политики по отношению к странам Центрально-Азиатского региона. Однако с приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития, после парламентских выборов в ноябре 2002 г., ситуация существенно изменилась. Новое

1. Таджикистан – единственное нетюркское государство среди государств Центральной Азии. Население республики составляют в основном родственные иранцам таджики, говорящие на разновидности персидского языка – таджикском языке, который принадлежит к западноиранской группе индоевропейской семьи языков. Тем не менее в отличие от шиитского Ирана большинство населения Таджикистана исповедуют ислам суннитского толка.

руководство страны, ведомое премьер-министром Тайипом Эрдоганом, предложило турецкой общественности программу внутривластного развития страны, новые принципы и стратегии, составившие основу формирования концепции внешней политики Турции, в которой Центральной Азии уделяется пристальное внимание. Как отмечается в обзоре внешней политики Министерства иностранных дел Турции, «Турция придает приоритетное значение крепким связям и близким отношениям, которые она культивировала со странами региона. Оживив свои связи с государствами Центральной Азии после обретения ими независимости, Турция придерживается политики, направленной на дальнейшее укрепление двусторонних отношений и сотрудничество по всем аспектам, представляющим сферу обоюдного интереса» (3).

Взаимодействие Турции с государствами ЦАР
после распада СССР

Кроме первоначального воодушевления, были и другие причины заинтересованности Турции в выстраивании отношений с новыми независимыми государствами Центральной Азии. Как отмечал девятый президент Турции Сулейман Демирель, «это было время захватывающих перемен. Это был период, во время которого мы, наконец, были готовы к тому, чтобы возобновить с новой силой наши связи, основанные на общем историческом, культурном и лингвистическом наследии с народами республик Центральной Азии. Это было время ликования, сравнимое лишь с чувством, когда человек неожиданно встречает своих родственников, которых он не видел долгое время. Долгие годы изоляции под советским хмурым этой стратегической области, которая во все времена истории служила экономическим и культурным мостом, соединяющим народы и цивилизации Центральной Азии и Китая, наконец, прошли» (18).

После распада Советского Союза турецкая политическая элита вдруг осознала, что современная Турция больше не имеет какой-либо стратегической ценности для своего главного союзника – США. Более того, Турция в начале 1980-х годов впервые обратилась с просьбой о принятии ее в качестве полноправного члена в Европейский союз. Премьер-министр Турции этого периода Тургут Озал считал, что «Анкара полностью соответствует

всем критериям: будучи европейским, демократическим государством, обладая развитой либеральной экономикой» (6, с. 12). Однако подобное мнение не разделяли большинство стран европейского сообщества. В результате, ЕС уведомил Турцию о том, что выбор времени для подачи заявления о принятии в полноправные члены Союза было не очень подходящим.

Между тем выдвинутый в США тезис о том, что крах Советского Союза привел к образованию «политического вакуума» на территориях бывших республик СССР, получил немедленное международное признание. Его основная суть заключалась в том, что Иран со своей религиозно-ориентированной политикой собирался заполнить образовавшийся центрально-азиатский вакуум и, таким образом, имел все шансы и возможности стать мощным региональным центром власти. «Позже уже идея о том, что три крупные региональные державы – Россия, Иран, Турция – поведут борьбу за власть в регионе, стала постоянно поддерживаться на плаву, начиная от работ научно-исследовательских центров и заканчивая комментариями государственных официальных лиц Турции» (1, с. 252–279). Для того чтобы ограничить проникновение Ирана в регион, новым государствам Центральной Азии была представлена турецкая модель. Идея продвижения этой модели состояла в том, что светская и демократическая политическая структура Турции и ее рыночная экономика подадут пример для недавно появившихся республик. «Турецкая модель» представляла собой своеобразную концепцию развития для новых независимых тюркоязычных государств – Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана, которые имели с Турцией этническую общность, языковую и религиозную близость. Эта модель открывала для новых независимых государств светский и демократический путь развития, а также способствовала их трансформации в международную экономическую систему.

В начале 1992 г. госсекретарь Соединенных Штатов Джеймс Бейкер, по ходу своего турне по странам Центрально-Азиатского региона, настоятельно рекомендовал политическим лидерам новых республик принятие «турецкой модели» для их политического и экономического развития. Европейские политики и средства массовой информации высказывались в таком же духе (10, с. 91). В апреле 1992 г. министр иностранных дел Великобритании Дуглас Хёрд во время официального визита в Турцию заявил, что «в новых условиях Турция будет играть определяющую роль в процессах на постсоветском пространстве» (16, с. 135–136). В марте того же года вице-председатель комитета по международной политике Германии Ханс Кошник отмечал, что «страны Центральной Азии должны воспринимать Турцию в качестве модели для собственного развития» (14, с. 726).

Благодаря активному подходу Т. Озала во внешней политике между Турцией и новыми государствами Центральной Азии были установлены политические и экономические отношения. В свою очередь, поддержка Западом Турции как новой модели для развития центральноазиатских республик означала признание Турции в качестве составной части западной идентичности после окончания эры холодной войны. Большой энтузиазм,

чувства эйфории и близости к новым тюркоязычным государствам Евразии привели к тому, что политические лидеры Турции стали раздавать обещания об экономической, политической и культурной помощи, которые оставались чистой декларацией, так как Турция не могла обеспечить их надлежащим образом. А три экономических кризиса, произошедшие в период 1990–2001 гг., препятствовали тому, чтобы Турция углубляла свои экономические связи в обширном и богатом ресурсами Центрально-Азиатском регионе.

В связи с этим первоначальный интерес Турции к развитию отношений с новыми независимыми государствами Центральной Азии и Кавказа стал постепенно остывать. Во второй половине 1990-х годов, по мнению ведущих турецких историков и политологов, обозначились самые ощутимые потери во внешней политике по отношению к государствам Центральной Азии. Совершенно неожиданно территория Центрально-Азиатского региона, ключевая область Евразии, потеряла свою значимость и ценность в умах турецких архитекторов внешней политики и стала отождествляться с регионом, находящимся слишком далеко от территориальных границ Турции. Единственные успешные инициативы, проявленные в эти годы, принадлежали мелкому бизнесу и организациям гражданского общества, которые в основном преследовали цели культурно-просветительского характера.

Таким образом, разработанная за границей концепция представления Турции в качестве модели для развития потерпела неудачу. Политические элиты, которые первоначально выдвинули тезис о появлении политического и идеологического вакуума, теперь уже стали отстаивать позицию того, что Российская Федерация по-прежнему остается единственной страной с реальным влиянием в Центрально-Азиатском регионе. Подобные настроения наиболее отчетливо стали проявляться на фоне сложных внутривнутриполитических проблем Турции, особенно во второй половине 1990-х годов, когда к власти в результате парламентских выборов пришла исламская партия Рефах во главе с Наджеметтином Эрбаканом. Направления ее деятельности во внутренней и внешнеполитической деятельности, а именно, выстраивание тесных отношений с исламским миром в противовес традиционному западному направлению внешней политики, вызывали раздражение и недовольство руководителей центральноазиатских государств. Обострение кипрского и курдского вопросов сделали и без того насыщенную повестку дня правительства Турции еще более острой.

Фактор развития отношений с ЕС

В середине 1990-х годов отношения Турции с Европейским союзом стали претерпевать значительные изменения, особенно после саммита ЕС в декабре

1997 г. Эта встреча положила начало процессу, делавшему расширение ЕС возможным, для чего была принята соответствующая двухуровневая модель приема в Союз десяти стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Кипра. «Саммит ЕС постановил, что со странами-претендентами первого уров-

ня – пятью странами ЦВЕ и Кипром – переговоры о вступлении должны начаться практически сразу же, в конце марта 1998 г., тогда как с остальными пятью странами-кандидатами они начнутся несколько позднее, но в период ожидания своей очереди они будут пользоваться преимуществом более тесных экономических связей с ЕС. Из этих обеих групп Турция была исключена» (2). Другими словами, ЕС утвердил десять стран ЦВЕ и Кипр в качестве кандидатов на полное членство по одним и тем же критериям и на равной основе. «Турция не была включена в процесс расширения ЕС на равной со всеми другими странами-претендентами основе, поскольку не получила официального статуса страны-кандидата и ее официально не подключили к индивидуальной программе “вступительного партнерства”» (13, с. 215–216). Взамен этого ей предложили специальную «Европейскую стратегию», призванную приблизить ее к нормам вступления в ЕС и тем самым подготовить к процессу вступления. В результате, после саммита в Люксембурге отношения между Турцией и ЕС серьезно ухудшились, причем их уровень был понижен и самой Анкарой.

В такой обстановке определенные политические круги Турции (Партия националистического движения, Демократическая левая партия) начали указывать на то, что руководство страны совершенно забыло об интенсификации отношений с государствами Центральной Азии. В результате, как отмечает в своей книге «Турецкая авантюра в Евразии» виднейший турецкий историк и политолог М. Айдын, не только вторую половину 1990-х годов, но и в целом первые десять лет после распада Советского Союза можно назвать периодом несбывшихся надежд и крушения амбиций. «Турция оказалась не готова к стремительным изменениям геополитической картины мира и появлению у своих границ большого количества новых государств. Причинами этого стали непомерные требования и завышенные ожидания со стороны руководителей Турции в отношении этих государств» (5, с. 10–11). Однако спустя всего лишь два года, на декабрьском саммите ЕС в Хельсинки в 1999 г., в отношениях Турции и ЕС явно обозначилась оттепель, так как Евросоюз во многом пересмотрел свою позицию по турецкому вопросу². В Хельсинки Евросоюз

2. Это изменение в политике (или позиции) ЕС в отношении Турции было вызвано несколькими факторами: во-первых, к власти в Германии в 1998 г. пришло новое правительство Герхарда Шрёдера, более благожелательно настроенное к Турции,

заявил, что «Турция является государством-кандидатом, которому предстоит вступить в Союз на основе тех же критериев, которые применяются к другим государствам-кандидатам» (11). ЕС решил разработать для Турции стратегию подготовки к вступлению на основе уже имеющейся европейской стратегии. Цель этой инициативы заключалась в попытке стимулирования реформ в Турции и оказания им всяческой поддержки. Таким образом, после нескольких лет застоя в отношениях между Турцией и ЕС произошел серьезный положительный сдвиг, ознаменованный решениями саммита в Хельсинки. Итоги саммита, а также изменение внутривнутриполитической ситуации в Турции в связи с приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР), оказали существенное влияние на изменение внешнеполитических ориентиров Турции на рубеже XX и XXI вв., в результате расширились географическое воображение и стремления Турции и, в частности, ее политика в отношении государств Центральной Азии.

Разворот российско-турецких отношений на рубеже веков

Российско-турецкие отношения на рубеже веков стали претерпевать значительные изменения, что позволило Турции проводить активную политику в Евразии. Фактически, начиная с 2000-х годов отношения между двумя государствами достигли наивысшего уровня развития, особенно по сравнению с прошедшими несколькими столетиями, характеризующимися соперничеством и частыми войнами между Российской и Османской империями, перманентно напряженными были отношения и в период холодной войны.

С 2003 г. В. Путин и Р. Эрдоган провели значительное количество встреч по политическим и экономическим вопросам, в ходе которых страны, кажется, нашли точки соприкосновения по ранее спорным проблемам. Такое положение дел представляет абсолютный контраст в сравнении с непосредственным периодом после окончания холодной войны, когда Россия рассматривала Турцию как стратегического конкурента на постсоветском пространстве.

В 1990-х годах Россия и Турция имели серьезные противоречия по ряду важнейших международных проблем, таких как ситуация в Боснии,

хотя еще недавно, наряду с Грецией, Германия была одним из самых жестких критиков Турции. Во-вторых, ЕС, осознавший, к чему может привести потеря такого важного стратегического партнера, как Турция, стал пытаться не допустить дальнейшего ухудшения отношений между Турцией и Евросоюзом, обострившихся после саммита в Люксембурге. В-третьих, давлением в поддержку кандидатуры Турции со стороны США.

Югославии и Чечне – во многом из-за исторической близости Турции с народами этих областей, а также существования крупной турецкой диаспоры на Балканах и большого ряда кавказских этнических групп на территории Турции. При этом характер двусторонних отношений оставался довольно напряженным. Россия в первую очередь была сосредоточена на своих отношениях с Соединенными Штатами, Европой и соседними государствами постсоветского пространства; в то время как Турция была озабочена построением стратегических отношений с США, характером изменений в отношениях с Грецией и Кипром, а также усилиями стать полноправным членом Европейского союза.

Видимые изменения в двусторонних отношениях между Россией и Турцией произошли не только на политическом уровне, но и в области двусторонней торговли, энергетики, туризма, строительства и предпринимательства. Одним из ключевых следствий развития сотрудничества стали выработка схожей позиции и желания двух стран препятствовать бурному развитию американского и европейского влияния вблизи их собственных государственных границ, бросить вызов политике США на Ближнем Востоке. Характерным показателем новых отношений стала политика налаживания взаимодействия между Россией и Турцией – ключевыми региональными игроками в обширном Евразийском регионе. Это сотрудничество привело к подписанию между главами МИД России (И. Ивановым) и Турции (И. Джемом) «Плана по сотрудничеству в Евразии» в ноябре 2001 г.³ На его основании была создана Совместная рабочая группа высокого уровня (СРГВУ), которая позволяет открыто и конструктивно обсуждать наиболее актуальные региональные проблемы, а также намечать пути практического взаимодействия Турции и России на евразийском пространстве.

При этом необходимо отметить, что эти изменения связаны со стабилизацией внутривнутриполитической обстановки в Турецкой Республике в результате нахождения у власти Партии справедливости и развития под руководством Р. Эрдогана, которая одержала уверенную победу на парламентских выборах в 2002 г. Это первая в истории современной Турции партия, которая уделяет наиболее пристальное внимание отношениям со странами Евразийского региона. В политической программе партии отмечается, что Россия не является соперником Турции в регионе. «Благодаря своему геополитическому положению, Турция обладает всеми необходимыми средствами для того, чтобы осуществлять многостороннее сотрудничество с государствами Центральной Азии и Кавказа. Наша партия

3. Подробно о положениях плана по сотрудничеству. – Режим доступа: <http://www.turkey.mid.ru/hronika.html>

перед лицом меняющегося мира осознает необходимость нового понимания преимуществ и потенциала турецкой внешней политики и формирует новый порядок, основанный на международном взаимодействии. Важно отметить, что Турция и Россия, как главные региональные державы, не являются соперниками за влияние в Евразийском регионе»⁴.

Новые подходы Турции к государствам Центральной Азии

Как уже говорилось, после парламентских выборов в ноябре 2002 г. внутривластная ситуация в стране существенно изменилась. Новое руководство, ведомое премьер-министром Р. Эрдоганом, предложило турецкой общественности свою программу внутривластного развития страны, новые принципы и стратегии, которые были положены в основу формирования концепции внешней политики Турции. Основная заслуга в этом принадлежит советнику по внешней политике канцелярии премьер-министра, профессору Ахмеду Давутоглу, который, основываясь на опыте предыдущих политических деятелей Турции и учитывая их недостатки в политике, разработал новую концепцию внешней политики, благодаря которой отношения Турции со странами Центральной Азии получили серьезный импульс.

Происхождение концепции А. Давутоглу, которую он описывает на страницах своей книги «Стратегическая Глубина» (8, с. 10), можно проследить, начиная с периода правления восьмого президента Турции Т. Озала, проводившего многовекторный курс внешней политики, а также попыток турецких лидеров конца 1990-х годов (Бюлент Эджевит, Исмаил Джем) переоценить геополитическую значимость Турции.

Главный тезис этой доктрины сводится к тому, что стратегическая глубина утверждается на основе географической и исторической глубины. Следовательно, «Турция, выступая в качестве правопреемника Османской империи, обладает большой географической глубиной. Тем самым, “стратегическая глубина” заставляет Турцию вести активную политику по отношению к государствам-соседям» (8, с. 14). В своей книге автор предлагает своеобразную стратегию для Турции с тем, чтобы страна подготовилась стать серьезным геополитическим актором современности. Он выдвигает пять принципов, которые призваны отразить внешнеполитические приоритеты Турции в XXI в. – «поддержание баланса между свободой и безопасностью; нулевой уровень проблем с государствами-соседями; проведение многостороннего внешнеполитического курса; проведение гибкого дипломатического курса; ритмичная внешняя политика» (15).

4. *Adalet ve Kalkınma partisinin programı*. – Mode of access: www.belgenet.com

Напряженные конфликты, вызванные афганским и иракским кризисами, противостояние России, Китая и США за влияние в Центральной Азии делают расположенные на этой территории государства объектами глобальной борьбы за сферы влияния. С учетом этого политика Турции по отношению к государствам Центральной Азии содержит в себе новые особенности.

1. Турция обращает пристальное внимание на то, чтобы сохранить хорошие и дружеские отношения с Ираном и Россией – ключевыми государствами региона Центральной Азии.

2. Важным мотивом Турции становится уверенность в том, что новые независимые государства будут иметь необходимые возможности для стабильного и безопасного развития. В этом отношении турецкому агентству по сотрудничеству с государствами Центральной Азии (ТИКА) отводится одна из важнейших ролей по определению и выявлению разнообразного круга проблем их решения. Вплоть до настоящего момента ТИКА предоставляет финансовую помощь государствам Центральной Азии, помогает реализовывать многоформатные проекты в регионе. «Благодаря действующим координационным офисам на территории стран Центральной Азии за 2006 год со стороны ТИКА был осуществлен 541 проект» (17).

3. Новой чертой внешней политики Турции в регионе становится вовлеченность крупного, среднего и малого бизнеса Турции во внешнеэкономические процессы. Турецкие бизнесмены, подрядчики и организации гражданского направления начали активно осуществлять значительное число проектов в центральноазиатских государствах. Президент Турции А. Гюль отправляется в поездки по странам региона в сопровождении большого числа представителей Союза палат и бирж, бизнесменов и крупных предпринимателей Турции. Такими были его последние визиты в Казахстан в ноябре 2007 г., январе и июне 2008 г., а также его визиты в Туркменистан в декабре 2007 г. и в октябре 2008 г., когда его сопровождали более 250 турецких предпринимателей (4). Благодаря устойчивому внутреннему развитию Турция получила дополнительную возможность строить конструктивную политику по отношению к государствам Центральной Азии, продиктованную стремлением стать их ключевым политическим и экономическим партнером. Вместе с тем новый политический курс Анкары предусматривает сбалансирование отношений с крупными региональными странами – Россией, Ираном, Пакистаном, Индией и Китаем, поддержание стратегических отношений с США и дружественных – с Европейским союзом.

4. С относительно обеспеченными энергоресурсами странами Центральной Азии и Кавказа – Казахстаном, Азербайджаном и Туркменистаном – Турция развивает тесное взаимовыгодное сотрудничество

по трем основным направлениям: она выступает как потребитель их нефти и газа, как партнер в их экономике и, самое главное, как транзитная страна, способная быстро и качественно транспортировать энергоресурсы на европейские рынки. Представляется, что такое положение дел сохранится и в дальнейшем. «Турция является и остается в обозримом будущем крупным импортером сырой нефти и газа. Фактически, она импортирует приблизительно 22 млн. т сырой нефти ежегодно. Согласно энергетическим расчетам, спрос Турции на энергосырье будет только увеличиваться и вырастет до 40 млн. т нефти к 2010 г. А цифры импорта природного газа выглядят еще более впечатляющими: импорт повысится с 8 млрд. м³ газа в 1995 г. до 32 млрд. м³ к 2020 г.» (9).

5. Стремление Турции стать ключевым транспортером энергоресурсов Центральной Азии и Каспийского бассейна на мировые рынки соответствует стремлению ЕС диверсифицировать маршруты доставки нефти и природного газа для обеспечения энергетической безопасности в Европе. Финансовая поддержка США политических режимов Грузии и Азербайджана, а также успешное завершение проектов Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД) и Баку–Тбилиси–Эрзурум (БТЭ), которые стали первым шагом в обеспечении транспортировки каспийских энергоносителей на Запад в обход России. На очереди проекты новых «Набукко»⁵, трубопровод «Турция–Греция–Италия», расширение БТД до территории Израиля, транскаспийские проекты поставок казахской нефти и туркменского природного газа через Азербайджан в Европу – все они, давно находившиеся в стадии обсуждения, получили второе рождение после реализации БТД и БТЭ (7). Турция особо заинтересована в реализации проекта «Набукко», но неясная позиция по этому вопросу Туркменистана, сложность отношений Ирана с Западом и продолжающийся кризис в Ираке являются, наряду с успешной энергетической политикой России, главными препятствиями на пути его реализации. «То, что страны Центральной Азии по-прежнему испытывают большую потребность в России, особенно в вопросах развития собственной энергетической инфраструктуры, и то, что на Ближнем Востоке никак не удается достичь мира и спокойствия, еще больше закрепляют зависимость

5. «Набукко» – энергетический проект, предусматривающий строительство газопровода по территории Турции в Австрию общей протяженностью 3300 км. Начало строительства трубопровода намечено на середину 2010 г., завершение – на 2013 г. В первые годы мощность трубопровода рассчитана на доставку в Европу около 8 млрд. м³ природного газа, а чуть позже объемы поставок должны возрасти до 30 млрд. м³.

европейских стран, в том числе и Турции, от России и, тем самым, отдаляют перспективы реализации Набукко» (12).

* * *

Таким образом, события начала 1990-х годов стали главными факторами, повлиявшими на формирование внешней политики Турции в Центральной Азии. Отказ Анкаре в полноправном членстве в Европейском союзе вызвал у турецких политиков ощущения изоляции и неуверенности. Распад же Советского Союза и образовавшийся вакуум на его южной периферии дали Турции возможность реализовать свои внешнеполитические цели в регионе, что повысило бы стратегическое значение государства в глазах Запада. Кроме того, Евразийский регион открывал новые перспективы для турецкой экономики, особенно с точки зрения транспортировки углеводородов и других полезных ископаемых, а также размещения инвестиций. Для страны, которая ищет себе подходящее место в новом мировом порядке, особенно когда ей отказывают во вступлении в ЕС, а ее ощущение нестабильности усиливают конфликты вдоль ее границ (Балканы, Закавказье, Ирак, курдская проблема), появление новых независимых государств открыло возможность повышения своей геополитической роли (1, с. 27–32). Являясь страной с демократическим режимом западного типа и светской государственной системой, Турция по началу претендовала на экспорт этих ценностей в евразийские государства. Однако этому мешали как внутренние проблемы (политический и экономический кризисы, курдский вопрос), так и внешние факторы (желание новых независимых государств развивать контакты на многосторонней основе). Вместе с тем сами турецкие исследователи отмечают, что одной из главных слабостей политики Турции являлась недостаточная координация действий между различными политическими институтами. «Большое количество министерств и разных правительственных и неправительственных организаций, преследуя свои собственные интересы, в полной мере не осуществляют координацию своих действий с руководством страны. Поэтому в отсутствие политического баланса между различными участниками политической борьбы политика Турции по отношению к Евразии строилась на основе личных интересов и была персонифицирована» (5, с. 43).

Приход к власти в 2002 г. Партии ПСР во главе с премьер-министром Т. Эрдоганом и избрание в августе 2007 г. на пост главы государства его соратника по партии бывшего главы МИДа А.Гюля привели Турцию к относительной политической и экономической стабилизации. Это дает возможность ставить более реальные цели в центральноазиатской политике. Стремительно увеличившееся за последнее время число взаимных визитов и контактов на различных уровнях (ОЧЭС, саммиты тюркоязычных государств,

двусторонние контакты) позволяют вновь говорить о повышении влияния и значимости Турции в Евразийском регионе.

Литература

1. Заир-Бек В. Центральная Азия в системе международных отношений. – Сборник научных статей. – М., 2004.
2. Озер И. Турция и Европейский союз: Основные проблемы на пути к членству // Европа. – Прага., 2006. – № 4.
3. Обзор Внешней политики Турции за 2008 год. МИД Турции. – Режим доступа: www.mfa.gov.tr
4. РИА Новости. – 2008. – 03 октября.
5. Aydın M. Turkish Foreign Policy towards Central Asia and the Caucasus: Continuity and Change // Private View. – 2001.
6. Bozer A. Turkey's Relations and Prospects with the European Community // Turkish Review Quarterly. – Summer 1997.
7. Cumhuriyet. – 2007. – 06 Kasım.
8. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. – İstanbul 2001.
9. Iskit T. Turkey: a new actor in the field of energy politics? // Perceptions. – 1996. – N 1.
10. Fuller G. Türkiyenin Yeni Doğu Politikası. – İstanbul 2000.
11. Helsinki European Council. – December 10–11. – 1999. – Mode of access: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/
12. Kamalov I. Nabucco Yine Tehlikide // ASAM. – 2008. – 02 May.
13. Kramer H. Turkey and the European Union: A Multi-Dimensional Relationship with Hazy Perspectives // Turkey Between East and West: New Challenges for a Rising Regional power. – Westview Press. – 1996.
14. Mango A. The Turkish Model // Middle Easter Studies. – 1993. – N 29 (4).
15. NTV. – 2005. – 21 Aralık.
16. Robins P. Turkeys Ostpolitic – Relations with The Central Asian States. – Central Asia Meets The Middle East. – London 1997.
17. Tika 2006 Faaliyet Raporu. – Mode of access: <http://www.tika.gov.tr/TR/Icerik.ASP?ID=273>
18. Turkish daily news. – 2007. – 13 September.

ОБЗОРЫ

А.А. Алиев

ИСЛАМ И НАЦИОНАЛИЗМ. (ИСЛАМСКАЯ
ПАРАДИГМА В КОНЦЕПЦИЯХ СОВРЕМЕННОЙ
МУСУЛЬМАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ)

**Алиев Ариф Али-Гусейнович – доктор
исторических наук, заведующий Отделом
истории ИНИОН РАН.**

В конце XIX – начале XX в., когда мусульманские народы практически порознь вступили на путь освободительной борьбы против колониальных империй (в первую очередь, Англии и Франции), стало очевидным, что движение за независимость могло быть более успешным, если осуществлялось бы под лозунгами достижения национально-государственного суверенитета, а не воссоздания халифата. Хотя время от времени раздавались голоса в пользу подобного полиэтнического объединения всех мусульманских народов, но сопровождались они весьма существенными оговорками. Такое смещение акцента было вызвано тем, что к началу Первой мировой войны ислам сильно изменил господствовавшее представление о себе как о единственной политической силе, способной обеспечить освобождение мусульманского мира и эффективно противостоять угрозам Запада. Без дополнительной опоры на «национальную идею» эта задача становилась невыполнимой. По утверждению индийского просветителя Ауробиндо Гхоша (1872–1950), «национализм пришел к народу как религия... национализм живет заключенной в нем божественной силой... Национализм бессмертен, так как он возникает не от человека, это бог проявляет себя...» (цит. по: 5, с. 142).

Появление националистической идеологии в мусульманском мире по-разному оценивалось на Востоке и на Западе. Для исламских традиционалистов, отмечал Б.С. Ерасов, национализм представлял собой «идейный и политический продукт Запада, плод заимствования, пересаживаемый на инородную почву усилиями элиты, сформировавшейся на Западе же и воспользовавшейся его рецептами и достижениями для того,

чтобы выступить от имени своих “проектируемых” наций. Но почти одновременно этот же национализм предстал для западных исследователей как дикая и болезненная реакция на вторжение Запада, как попытка, чреватая всякого рода эксцессами, отделаться от его присутствия, “выдавить” его из себя, создав против него надежную систему противодействия» (5, с. 149). Причиной тому, считает английский религиовед К. Армстронг, было то, что «Мухаммад заложил фундамент именно исламской формы правления» (2, 373). Ее основу составляла мусульманская община – *умма*, являвшая собой, по мнению известного английского исламоведа У.М. Уотта, особый тип теократического государства, идея которого «была самостоятельной арабской переработкой некоторых базовых понятий Ветхого Завета» (23, с. 262). Исторически сложилось так, что мусульманам было «трудно приспособиться к западному идеалу национального государства, которое возвращает *умму* назад и снова делит ее на потенциально враждебные “племена” или отдельные группы» (2, с. 373).

Падение авторитета османских султанов-халифов и последовавшая вслед за этим полная утрата ими реальной власти, образование новых политически независимых государств вновь вызвали полемику по вопросу о дальнейших судьбах мусульманских стран. Большинство мусульманских просветителей старались реже касаться проблем, относящихся к «исламизму». Они считали, что в мусульманском мире ислам и так является господствующей религией, и о каком-либо внутреннем экспансионизме речь не должна вестись по определению. Главенствующей целью, которой руководствовались эти реформаторы, была борьба всех мусульманских народов за суверенитет и освобождение от колониализма. Здесь они не могли не учитывать реалий, сложившихся после Первой мировой войны, и, игнорируя этнонациональные особенности и политические интересы государств исламского мира, выступать за создание новой централизованной исламской империи по подобию средневекового Арабского халифата. Такие попытки, полагает Ю.А. Михайлов, могли «погрузить современное общество в глубокое Средневековье» и были «нереализуемы, как бы это кому-то ни хотелось...» (16, с. 83). Тем не менее полностью отказаться от учета потенциала, заложенного в исламе, мусульманские реформаторы не могли, и дискуссии относительно возможности образования халифата, но уже нового образца возобновились вновь. Наиболее последовательные попытки увязать религиозные и национальные аспекты социально-политического развития стран «империи ислама» осуществлялись под знаком мировоззренческой идеологии, обозначаемой понятием «мусульманский (исламский) национализм». Одним из первых его широко использовал в своих трудах и выступлениях известный индийский общественно-политический деятель, будущий «отец Пакистана» Мухаммад Али Джинна (1885–1948).

Теоретики «мусульманского национализма», писала А.И. ИONOва, уделяли значительное внимание обоснованию «борьбы за национальное освобождение, за низвержение колониального и феодального гнета... В исламе, точнее в религиозной общности своих соотечественников-мусульман, они видели важнейшее средство укрепления единства нации, без чего была немыслима борьба за освобождение от колониальных пут... Из идеи равенства всех верующих перед богом они выводили идею национального равноправия...» (7, с. 20–21).

Лидеры антиколониальных националистических движений, по замечанию Б.С. Ерасова, еще долго продолжали апеллировать к «надчеловеческому» авторитету религии. Они «старались связать религию с национализмом, усматривая в ней важное средство утверждения национального единства» (5, с. 142). Вместе с тем, по мнению ученого, идеологи «мусульманского национализма» не учитывали, что «с ростом национальных движений со всей очевидностью усиливается и противоречие между принципами религиозной и национальной интеграции». Далее Б.С. Ерасов писал: «В мусульманских странах это проявилось в размежевании между сторонниками панисламизма и национального патриотизма. Как представители традиционной ортодоксии, так и радикальные теоретики ислама... решительно отстаивали общерелигиозное единство, усматривая в национализме лишь источник раскола, взаимной враждебности и разрушения уже сложившейся общности верующих. Исламские теоретики подчас сравнивают такое положение с ненавистной им “джахилией”¹... Формирование наций для них также означает своего рода “джахилию”, так как приводит к национальному соперничеству между арабскими странами» (5, с. 144–145).

Л.Р. Гордон-Полонская считала, что «мусульманский национализм» был одной из форм модернизации ислама, причем религиозный аспект играл в нем «гораздо меньшую роль, чем социально-экономические и политические проблемы» (4, с. 114). Наряду с этим, отмечала исследовательница, «возникновение “мусульманского национализма” не означало отрицание... концепции панисламизма. “Мусульманский национализм” всегда имел панисламистский оттенок и предусматривал тесную связь между “мусульманскими нациями” всего мира...» (4, с. 10).

Теории «мусульманского национализма», по мнению З.И. Левина, не являлись «вариантами саморазвития исламских доктрин», они были «порождены конкретными социально-политическими факторами» и прокламировали «стремление к реализации мусульманского социально-

1. «Джахилийя» – период «варварства», доисламского язычества.

политического идеала...» В то же время, считает ученый, «мусульманский национализм» был «основан на идеализации ислама как идеологии, якобы способной привести мусульман к политическому и социальному освобождению» (9, с. 120).

Б.С. Ерасов отмечал, что даже «в случае принадлежности огромного большинства населения к одному вероисповеданию единство опять-таки оказывалось относительным: в том же исламе существуют расхождения и противоречия между суннитами и шиитами, различными ответвлениями (*мазхабами*), что нередко приводит к нарушению предполагаемого единства и ожесточенным конфликтам. Возрастающая часть населения все меньше вписывается в конфессиональные рамки. Религиозный принцип интеграции исключает из предполагаемого единства не только иноверцев, но и людей, равнодушных к делам веры» (5, с. 146).

По мнению А.Б. Беленького, «для того, чтобы такая идеология, как мусульманский национализм, могла возникнуть, необходима была известная трансформация ислама, его приспособление к нуждам буржуазного развития и освободительной борьбы» (3, с. 192).

Х.А.Р. Гибб в работе «Модернистские тенденции в исламе» (20) писал, что «мусульманский национализм» пришел на смену исламизму, поскольку первый отражал лишь «мусульманские идеалы» народов, в то время как второй был направлен «против местных зол» и отличался «ясным пониманием того, против каких сил следует бороться» (цит. по: 4, с. 14).

И все же, указывал Б.С. Ерасов, «соединение религии с национализмом придавало силы и влияние обоим». Несмотря на то что это соединение было весьма противоречивым, «требовало определенной трансформации каждого из “партнеров” и оказывалось чреватым издержками для них... Поэтому совпадение религии и национализма является лишь частичным, и это соотношение меняется в зависимости от этнического и религиозного состава населения. В условиях, когда этические нормы и культурные ценности тесно примыкают к общему “телу” религии, защита религии становится одним из важнейших элементов национализма. Но для национализма религия приемлема в основном в реформированной форме, как основа внутренней веры и комплекс этических предписаний. При своем введении в состав националистической идеологии религия испытывает этическую переработку и претерпевает издержки, связанные с историзацией мировоззрения... Для националистов их религия – ислам, индуизм или буддизм – не столько продукт откровения или воплощения истины, заключенной в священных текстах и заветах, сколько культура, цивилизация и порождение “национального гения”. Привязывание религии к национализму требует заметной “национализации” ее догматики, символов и ритуалов» (5, с. 143).

По замечанию З.И. Левина, ислам с его универсалистскими ориентациями оказался не чуждым националистическим идеалам, и «его истины парадоксально становились составной частью националистических доктрин, прежде всего и главным образом панарабистских» (11, с. 112).

Немецкий ориенталист М. Вольфсон в одной из работ (30, с. 138–146) полагал, что «мусульманский национализм» с течением времени мог видоизменять типы своего проявления, трансформируясь в следующей последовательности: 1) «национализм самоопределения», т.е. борьба за достижение и последующая защита политического, экономического, социального и культурного суверенитета; 2) «интеграционный национализм», т.е. укрепление самостоятельного государства и ликвидация внутренних противоречий; 3) «репрессивный национализм», появляющийся в случае возникновения социальных, этнических (в отношениях с национальными меньшинствами) и межгосударственных противоречий; 4) «миссионерский национализм», имеющий целью распространение своих идей.

Что касается арабского национализма, то он, как писал М. Вольфсон, возник в виде первого из перечисленных типов национализма и являл собой концепцию своеобразного «лингвистического патриотизма», разработанную в трудах не мусульман, а арабов-христиан. Только потом для привлечения в движение широких масс был использован ислам. Именно так возникли течения, вдохновлявшиеся Джамал ад-Дином ал-Афгани (1839–1898) и Мухаммадом Абдо (Абду, 1849–1905) – основателями «панисламистского национализма самоопределения». К ним примкнули и представители светского «национализма самоопределения», такие как Абд ар-Рахман ал-Кавакиби (1849–1902) и Мухаммад Рашид Рида (1865–1935). Позже арабский «национализм самоопределения» был секуляризован, в первую очередь, трудами Мустафы Саты ал-Хусри (1880–1968) (подробней см.: 22).

Отмеченная тенденция, по мнению оппонентов данной точки зрения, характеризовала, скорее, развитие идей, но не находила отражения в общественно-политической жизни стран мусульманского Востока. Здесь доминирование национального, светского или религиозного начал редко наблюдалось в чистом виде: главенствующим фактором мог быть любой из них. Так, например, когда в Египте 1906–1910 гг. националистическое крыло руководства нуждалось в поддержке верующих масс, роль ислама в политической жизни резко возросла; в 1920–1930-е годы, напротив, усилилось влияние националистической идеологии в лице партии «Вафд»; в 1940-е годы в стране получила широкую поддержку религиозная идеология «братьев-мусульман»; при «свободных офицерах» Г.А. Насера (1956–1970) националистическая политика возобладала, но с приходом к власти Анвара Садата (1970) ислам вновь занял в идеологии ведущее положение (31, с. 195).

З.И. Левин считает, что в зависимости от взглядов «мусульманских националистов» на соотношение религиозного и национального факторов, их можно разделить следующим образом: 1) те, кто безоговорочно отдают приоритет интересам нации и национализма, 2) те, кто предпочитают видеть пальму первенства в руках адептов ислама и панисламизма, 3) те, кто стремятся установить некоторое сбалансированное соответствие между исламской догматикой и националистической идеологией (10, с. 180).

Идеологов, отдающих приоритет исламу и его политизированной форме – исламизму, Б.С. Ерасов предлагал еще подразделять в зависимости от социальной направленности и идейного содержания их взглядов. С учетом этого в религиозной идеологии в современную эпоху ученый выделял три основных направления: «а) консервативный традиционализм (ортодоксия), б) реформаторский “модернизм” и в) утопическое возрожденчество, принимающее разную социально-политическую направленность. Конечно, – оговаривался ученый, – такое деление условно из-за того, что между ними трудно провести последовательную идейную и социальную границу» (5, с. 130).

Что же касается собственно институтов ислама, то их взаимоотношения с государственными структурами отличны от тех, что «дозволены» националистическим организациям, ибо, по замечанию Б.С. Ерасова, «отношения между властью и религиозной организацией не могут быть сведены к “использованию” религии для укрепления власти; мировая религия располагает и своими собственными средствами контроля как над обществом, так и над самой властью» (5, с. 57).

А.И. Ионова, анализируя характер проявлений «мусульманского национализма» в Индонезии после Второй мировой войны, отмечала, что его провозвестников в этой стране «отличал двойственный подход к духовному наследию первых реформаторов ислама. У своих предшественников они заимствовали отправные положения теологической и этической программ. При этом у одних сторонников “мусульманского национализма” наблюдался крен в модернизм, у других превалировала традиционалистская окраска» (7, с. 18). К приверженцам модернизации «и преодоления таких традиций, которые задерживали развитие общества в духе времени», она относила выделившихся из среды идеологов «мусульманского национализма» сторонников «исламской демократии» (или «национального государства ислама») (7, с. 100, 101).

Воззрения сторонников «исламской демократии», уточняла Л.Р. Гордон-Полонская, отвечали «стихийному демократизму мусульманских масс», но в то же время эта идеология питала «иллюзии, что сам факт создания мусульманского государства служит достаточной гарантией осуществления демократических свобод» (4, с. 251).

Показательными в этом смысле являются воззрения членов «Ассоциации братьев-мусульман» («*Гама'а (Джама'а) ал-ихван ал-муслимин*»), возникшей в 1928 г. в Египте. Идеолог «братьев» Хасан ал-Банна (1906–1949) воплотил свои идеи в созданной им в противовес «мусульманскому национализму» теории «национализма ислама». «Мусульманская нация с точки зрения ислама, – писал он, – составляет единую нацию, объединяющую братьев по вере» (цит. по: 14, с. 9).

«Национализм ислама» ал-Банна базировался на трех принципах: вера в Бога, гуманизм и «всемирность» (*аламийа*). Он делал различие между национализмом (*каумиийа*), как преданности народу, и патриотизмом (*ватанийа*), как обремененной в религиозную оболочку преданности отечеству, полагал, что «национализм без религии невообразим» (см.: 14, с. 9). Исходя из этой посылки, «братья-мусульмане» считали, что «ислам – это родина и гражданство» («*ал-ислам ватан ва джинсийа*»), все мусульмане – единая нация

(«*ал-муслимин джами'а умма*»), а исламский мир – единая «исламская империя» («*мамлакат ал-ислам*»). Отсюда следовал вывод: «Каждый мусульманин принадлежит двум отечествам – отечеству “телесного рождения” и духовному исламскому отечеству» (цит. по: 15, с. 14).

Идеологи «братьев-мусульман» разделяли исторические задачи, стоящие перед национализмом и исламским единством, на два этапа. Примирение арабизма и исламизма они видели в последовательном осуществлении целей сначала арабского, а затем мусульманского единства. Ал-Банна, исходя из принципа, что «арабы – нация ислама, а народы их разные», в качестве первого шага на этом пути рассматривал освобождение всех мусульманских народов, а в качестве второго – союз арабских народов на основе единства языка, религии и соседства. Реализация подобной стратегии, считал он, должна привести к возрождению славы ислама и единению его приверженцев (см.: 14, с. 10).

В декларации «братьев-мусульман» 1945 г. под названием «*Да'аватуна*» («Наш призыв») ислам был объявлен уникальным и универсальным общественным порядком, определяющим все аспекты человеческой жизни. «Ис-

лам – это вера и ритуал, родина и нация, дух и дело, религия и государство, Коран и меч» (цит. по: 29, с. 233). «Братья» считали, что ислам вбирает в себя нации подобно тому, как общество вбирает в себя семьи своих граждан. В национализме они видели фактор, ведущий к разобщению мусульман, «растаскиванию» верующих «по национальным квартирам» (см.: 12, с. 137). По их мнению, для мусульманина страна, гражданином которой он является, это лишь «малая родина». При этом возрождение каждой мусульманской

страны – есть одна из составных частей мусульманского патриотизма, предварительное условие для всеобщего благоденствия в рамках исламской родины.

Такие теоретики исламизма, как Хасан ал-Банна и лидер радикальной мусульманской партии «Джама'ат-ул-ислами» Абу-л-Ала Маудуди (1903–1979), подчиняли националистические лозунги религиозной идеологии: «Наш принцип, – писал Маудуди, – это подчинение Аллаху, а не секуляризм, планетарная община, а не ограниченный национализм, суверенная власть Бога и халифат, а не суверенная власть народа или правления масс» (цит. по: 12, с. 181). Симбиоз арабского национализма и ислама, по мнению исламистов, должен основываться на признании первым второго в качестве ведущего компонента духовного наследия арабов, а вторым первого – в качестве идеологии, подчеркивающей особое положение арабской нации среди других народов мира. При этом указывалось, что данная констатация напрямую вытекала из коранического положения о ниспослании Священного писания арабам на их родном языке {Коран, 16:103; 26:195} (33, с. 45).

Однако проблема взаимоотношений арабизма и исламизма оставалась: панарабизм как политическое движение, преследующее цели преобразования национального общества, не совпадает с исламизмом, ставящим задачу укрепления исламского единства независимо от национальной принадлежности. Ал-Банна попытался внести ясность в этот вопрос. Он утверждал, что арабское единство представляет собой важное условие возрождения славы исламской религии, укрепления мусульманской государственной системы и консолидации сил мусульман, что долг каждого мусульманина – трудиться во имя спасения и возрождения арабского единства и что ислам как система религиозных ценностей не противоречит патриотизму и национализму (см.: 32).

В идеологии «братьев-мусульман» полностью отрицается как космополитизм, так и национализм, как концепции, противоречащие исламу. Вместе с тем сам ал-Банна возвращался к идее космополитизма, но уже на основе ислама. Сущность арабизма, по его мнению, была воплощена в арабском языке. В качестве доказательства он ссылаясь на слова Пророка: «Арабизм – это, прежде всего, язык»; «Арабы не обладают какими-то высокими достоинствами, они только лучше, чем кто-либо из других народов усвоили религию» (25, с. 54). Именно поэтому арабы в глазах «братьев» – это «мужи и стражи ислама», которые рассматривают арабское единство в качестве предпосылки для единства исламского, причем основу арабского единства должна составлять вера. В идеале же в исламском обществе должен царить принцип абсолютного равенства: не должно быть никаких расовых,

национальных и иных различий, а богатство должно принадлежать всей нации.

Соотношение между арабским национализмом и исламом, а по сути подчиненность первого второму, Хасан ал-Банна определял так: «Воистину *умма* создала нацию из ее языка, религии, обычаев, культуры... и каждый представитель *уммы* является хранителем земли, на которой он родился, и по отношению к ней он является египтянином, сирийцем, иракцем... Он член этой великой *уммы*, которую объединяют язык, религия, общие чувства... и он араб в этой *умме*» (цит. по: 15, с. 14).

Подобные взгляды не разделялись той частью мусульманских идеологов и политических лидеров, которые отдавали предпочтение националистическим концепциям развития стран исламского мира. По мнению сирийского публициста Абд ал-Хамида аз-Захрави, «не должно быть так, чтобы государственная религия ислам стала причиной разобщенности между религиозными меньшинствами, мешала развитию чувства любви к нации и родине, стремлению работать для них» (цит. по: 9, с. 15). Арабские националисты критиковали «мусульманских ретроградов», призывавших к сплочению мусульманского сообщества без учета национальных интересов различных народов. Они выступали против государствообразующей функции ислама, но поддерживали его как феномен культуры. «Арабские лидеры, – отмечал д-р Насир Арури, – выработали нелегкий компромиссный союз между национализмом и религией, в котором ислам рассматривается не как идеология, а как орудие реализации политической власти и осуществления внешнеполитического курса» (24, с. 278). Крайнюю степень подобного рода воззрения получили в идеологии Партии арабского социалистического возрождения (Баас). По словам ее основателя, Мишеля Афляка, «сила ислама в современную эпоху возродилась и нашла проявление в новой форме – арабском национализме» (цит. по: 28, с. 87), а сама партия позиционировала себя, по выражению С. Плеханова, в качестве воплощенной мечты о националистическом Коминтерне (19, с. 260).

Особенно остро эти проблемы дебатировались в восточных сообществах, где ислам был не господствующей религией, а являлся одной из конфессий. В этих условиях националисты, как отмечал З.И. Левин, «исходили из положения о том, что все граждане государства составляют единую нацию, должны пользоваться равными правами и обязанностями независимо от вероисповедания. Религиозная вера, по их мнению, – личное дело каждого, согласно установке – “Религия – для Бога, родина – для всех”» (9, с. 15).

Таковой ситуация сложилась в Британской Индии, где идеологические споры относительно сущности «мусульманского национализма» и «индусского коммунизма» впервые проявили себя в последней четверти XIX в. Они велись вокруг теории, утверждавшей правомерность отдельного

существования «двух самобытных наций», индусов и мусульман, и базировавшейся на принципах, согласно которым, по выражению Л.Р. Гордон-Полонской, было возможным «наделять религиозную общность чертами национальной общности» (4, с. 214).

«Отцом» мусульманского национального движения в Индии признается религиозный реформатор и общественный деятель Сайид Ахмад-хан (1817–1898). Он первым из мусульманских мыслителей ввел в оборот выражение «национальная солидарность» («*кауми хамдари*»), подразумевая под словом «*каум*» не только понятия «народ» или «нация», но и «религиозная общность». Поначалу, по замечанию З.И. Левина, Ахмад-хан верил, что «возрождение *уммы* возможно только в рамках единой Индии, что сотрудничество между мусульманами и индусами является залогом прогресса и счастья» (9, с. 125). Однако вскоре его взгляды изменились, и он пришел к выводу, что долгосрочные интересы индусов и индийских мусульман совпадают не во всем.

«В протестах индусов против того, чтобы урду стал официальным языком, – пишет З.И. Левин, – Ахмад-хан усматривал смертельный удар по “мусульманской нации”, а в образовании Индийского национального конгресса в 1885 г. – опасность установления индусской гегемонии в стране, где индусы составляют большинство населения. Теперь он стал заявлять о невозможности существования мусульман и индусов в рамках единой нации...» (9, с. 125–126) и выступать с сепаратистских позиций, говоря о принципиальной возможности государственного самоопределения индийских мусульман. Подобная ситуация, отмечает З.И. Левин, является характерной для многоконфессиональных государств, особенно тех, «где мусульмане составляют крупные по численности меньшинства, таких как Индия, Филиппины...» Здесь «“мусульманский национализм” направлен на отстаивание политических, культурных и правовых интересов мусульманской общины как автономной социальной группы и порою – на образование суверенного мусульманского государства в составе территорий с мусульманским большинством населения» (9, с. 122).

В практическом плане данная проблема особо остро встала в период между двумя мировыми войнами, сначала в ходе развернувшейся полемики по поводу необходимости и принципов раздела Британской Индии, а потом и борьбы за суверенитет, приведшей в итоге к образованию двух независимых государств – Индийского Союза и Пакистана (1947). В 1930–1940-е годы страна была охвачена дебатами между двумя политически непримиримыми сторонами: приверженцами сохранения единого суверенного индийского государства и поборниками расчленения Индии по территориально-религиозному принципу.

Л.Р. Гордон-Полонская, в 1963 г. посвятившая мусульманским течениям в общественной мысли Индии и Пакистане специальную работу (4), поставила перед собой задачу рассмотреть проблему «мусульманского национализма» в трех основных аспектах: 1) как одну из форм буржуазной модернизации ислама; 2) как политическую концепцию «мусульманского коммунализма» в Индии; 3) как официальную идеологию правящих классов Пакистана (4, с. 12). В терминах научно-политической лексики начала 1960-х годов она отмечала, что концепция «мусульманского национализма» (*«муслим каум парастии»*) соединила в себе идеи феодального патриотизма (движений в защиту традиционных религиозных институтов индуизма и ислама) с национализмом мусульманских групп буржуазии (4, с. 7–8).

В зависимой Индии, где мусульмане составляли меньшую часть населения, считала Л.Р. Гордон-Полонская, «мусульманский национализм» развивался «как общинная сепаратистская идеология» (4, с. 115). Она писала, что «мусульманский национализм» стал оружием мусульманских слоев индийской буржуазии и феодалов «в конкурентной борьбе с индусской и парсийской буржуазией». «На всем протяжении борьбы Индии за независимость “мусульманский национализм” сохранял двойственный характер». С одной стороны, он звал «оппозиционную мысль вперед по пути развития “своего” национального капитализма». С другой – отражал «стремление феодальных элементов сохранить в индийском обществе пережитки старых феодальных отношений и восстановить свое бывшее господство, которого их лишили иноземные правители» (4, с. 10).

В период между двумя мировыми войнами, отмечала исследовательница, «“мусульманский национализм” не был лишен антиколониального содержания, выражавшего интересы патриотически-настроенной части помещиков и буржуазии, он привлекал мусульманскую мелкобуржуазную интеллигенцию и народные массы...» Вместе с тем «значительно сильнее в нем было другое направление, связанное с наиболее реакционными полуфеодальными и компрадорскими элементами. Это направление, вошедшее в историю Индии под названием мусульманского коммунализма... использовалось империалистами для раскола индийского национально-освободительного движения и служило поэтому объективно интересам империалистического господства» (4, с. 10).

Лидер партии Мусульманская лига² Мухаммад Али Джинна неоднократно подчеркивал, что «религия касается “исключительно

2. Мусульманская лига была основана в 1906 г. в Британской Индии. В 1916 г. Мусульманская лига и Индийский национальный конгресс подписали меморандум о совместной борьбе за придание Индии статуса доминиона.

взаимоотношений человека с богом”, что она не должна оказывать влияния на политику» (4, с. 228). В обстановке обострившегося противостояния индусов и мусульман Индии в 1920-е годы он заявлял: «Моя культура, мои идеалы государственного устройства, образ жизни полностью синтезируются в исламе. Что касается Аллаха... то я, в конечном счете, мусульманин... но что касается свободы Индии и ее благосостояния, то я... в конечном счете, не кто иной, как индеец» (цит. по: 27, с. 145).

Позднее Мухаммад Али Джинна отошел от этих взглядов и характеризовал национально-религиозную ситуацию, сложившуюся на Индостане, следующим образом: «Индия населена двумя народами, отличающимися друг от друга происхождением, традициями и образом жизни так же, как и разные народы Европы... Разница между индусами и мусульманами не только в религии, но и в праве, и в культуре... Индуизм характеризуется таким феноменом, как каста, которая лежит в основе религии и социальной системы... Напротив, ислам основывается на концепции равенства людей» (цит. по: 20, с. 101). В письме к Махатме Ганди Джинна писал (1944): «Мы утверждаем, что мусульмане и индусы – две нации в полном смысле слова. Мы – нация, насчитывающая сто миллионов и, что еще важнее, имеющая свою культуру и цивилизацию, язык и литературу, искусство и архитектуру. Имена и названия, представления о ценностях, законы и моральные нормы, обычаи и календарь, историю и традиции, склонности и амбиции, короче говоря, у нас свой собственный, особый взгляд на жизнь. По всем законам международного права мы – нация» (цит. по: 21, с. 135). Вместе с тем он подчеркивал, что Пакистан ни в коем случае не будет теократическим исламским государством, «управляемым лицами духовного звания» (цит. по: 21, с. 112; см. также: 8).

Одним из противников идеи Джинны о самоопределении «мусульманской нации» выступил Абу-л-Ала Маудуди, ратовавший не за разделение Индии по религиозному принципу, а за полную ее исламизацию: «Мусульманская нация должна править Индией, как она правила ею в течение столетий, на том основании, что исламская идеология – высшая форма идеологии» (цит. по: 4, с. 232). В брошюре «Национализм и Индия» он писал: «Мусульманские националисты – это люди, которых мало интересует ислам, его принципы и цели. Они озабочены только... политическими и экономическими интересами нации, которая существует под наименованием “исламская”... Они не осознают своей неисламской позиции» (цит. по: 9, с. 122).

Относительно ситуации в Индии пакистанский поэт и философ Мухаммад Икбал (1875–1938) замечал, что «национализм встал перед

мусульманами как самостоятельная проблема только в странах, где они оказались в меньшинстве... В странах с мусульманским большинством национализм и ислам вполне идентичны, а в странах, где мусульмане составляют меньшинство, их требование самоопределения как культурного объединения вполне оправдано» (цит. по: 4, с. 212). Еще в 1909 г. Икбал следующим образом доказывал верность принципа религиозно-общинного сепаратизма в Индии: «Я сам считал, что религиозные различия должны исчезнуть в этой стране, и даже сегодня в личной жизни руководствуюсь этим принципом, тем не менее, я полагаю, что и индусам и мусульманам желательно сохранить свои национальные особенности. Мечта о единой индийской нации – прекрасная мечта, поэтически притягательная, но она, принимая во внимание современные условия и стихийные тенденции, проявившиеся в обеих общинах, неосуществима» (цит. по: 21, с. 133). Он заявлял: «Национализм в смысле любви к своей родине... является составной частью мусульманской религии и приходит в противоречие с исламом только тогда, когда начинает играть роль политической концепции и претендовать на то, что он является принципом общечеловеческой солидарности, требуя, чтобы ислам отступил на задний план как частное убеждение и перестал быть жизненным фактором национальной жизни» (цит. по: 4, с. 212).

Мухаммад Икбал доказывал, по Л.Р. Гордон-Полонской, «что народам, исповедующим ислам, свойственно стремление к консолидации на религиозной основе: “Сегодня (1930 г. – А.А.) это стремление в странах ислама полностью осознано и получило форму так называемого мусульманского национализма”». Обосновывая целесообразность самоопределения индийских мусульман, Икбал в то же время полагал, что было бы «вполне справедливым», если создание мусульманской Индии будет осуществлено «внутри Индии» (4, с. 211).

Эволюцию взглядов Мухаммада Икбала на положение мусульманской общины в Индии З.И. Левин описывал³ следующим образом: «Икбал считал ислам наиболее динамичной религией, предвосхитившей все возможные достижения человеческой мысли, все формы демократии, способной быть единственной основой интеграции человечества... Для того чтобы ислам мог выполнить свою всемирную миссию, по мнению Икбала, необходимо возрождение политической роли мусульманской общины. Икбал считал, что мусульманская община способна возродиться лишь через реализацию основополагающего для мыслителя принципа *ходи* – “самости” через развитие динамической личности в сфере практической деятельности, через самопознание и самосознание». Мухаммад Икбал полагал, что

3. Со ссылкой на: Malik H. *Moslem Nationalism in India and Pakistan*. – Wash., 1963. – P. 239, 240, 23–24; Qureshi H.I. *The Struggle for Pakistan*. – Karachi, 1969. – P. 321–322.

«“существование ислама как культурной силы в Индии в очень большой степени зависит от его локализации на особой территории”. В декабре 1930 г. на заседании Всеиндийской мусульманской лиги в г. Аллахабаде Икбал выдвинул идею самостоятельного мусульманского государства для мусульман Индии... Икбал следующим образом изложил “теорию двух наций”: индийские мусульмане – это подлинная нация современного типа. Им нужна своя территория, консолидация в рамках этой территории, а далее – объединение их с другими мусульманскими странами с последующим превращением всего мира в мусульманскую общину. Таков “мусульманский национализм”», – резюмирует З.И. Левин (9, с. 126). И далее комментирует: «В политической концепции Икбала ислам и национализм находятся в причудливом сочетании, в котором безусловно преобладает ислам... Но проявляя политический реализм, Икбал признавал позитивным фактором национализм угнетенного меньшинства, борющегося за свои права, и патриотизм, но до тех пор, пока они не приходят в противоречие с исламом» (9, с. 127).

Призывы к разделу Индии на основе концепции «двух наций» решительно отвергались сторонниками сохранения единого государства. Отвергая довод о том, что единая религия является неотъемлемым признаком нации, первый президент независимой Индии Раджендра Прасад (1884–1963) отмечал, что ни по одному сколько-нибудь значимому параметру мусульмане и индусы не могут считаться двумя различными нациями, что ислам в Индии принял индусскую окраску, а мусульмане, со своей стороны, придали новые оттенки индуизму (см.: 20, с. 104).

Видный деятель Индийского национального конгресса Абу-л-Калам Азад (1888–1958) в книге «Индия добивается свободы», ссылаясь на исторический опыт развития мусульманских государств, писал: «...Ислам пытался создать общество, стоящее выше расовых, лингвистических, экономических и политических границ. Однако история показала, как ислам был вынужден признать себя бессильным объединить все мусульманские страны в одно государство лишь на основании религиозного единства» (1, с. 318). Наряду с этим он полагал, что «ни одно локальное или национальное движение не может принести пользу мусульманам» (цит. по: 4, с. 173). «Такая постановка вопроса, – по мнению Л.Р. Гордон-Полонской, – во-первых, позволяла противопоставить религиозное единство национальному..., во-вторых, отводила главное место в политической жизни мусульман религиозным авторитетам» (4, с. 173).

Последовательным противником раздела Индии по религиозному принципу выступал Джавахарлал Неру (1889–1964): «Из двух братьев один может быть индусом, а другой мусульманином, следовательно, они будут принадлежать к разным нациям... Бенгальский мусульманин и бенгальский

индус, живущие вместе, говорящие на одном языке, следующие одинаковым традициям и обычаям, принадлежат к разным нациям. Все это было очень трудно понять – это казалось возрождением каких-то средневековых теорий», – недоумевал он (18, с. 425). В «Автобиографии» он писал, что в Индии «национализм представлял собой сложное явление – в нем можно было различить индусский национализм, мусульманский национализм, взоры которого были отчасти устремлены за пределы границ Индии, и, что более соответствовало духу времени, – индийский национализм» (17, с. 87).

Позже Дж. Неру объявил «индусский коммунизм» и «мусульманский национализм» не только не соответствующими потребностям современности, но и противоречащими основополагающим принципам национализма: «Национализм не может существовать вместе с коммунизмом. Национализм не означает индусский национализм, мусульманский национализм и сикхский национализм... Каждому человеку нужно поставить перед собой вопрос: что я хочу сделать из Индии – единую страну, единую нацию или 10, 20 или 25 наций, раздробленное и разделенное государство, лишенное силы и стойкости, готовое распасться на куски при легчайшем ударе?» (цит. по: 13, с. 128).

Пакистанский исследователь Башир Ахмад Дар, напротив, подчеркивал, что именно «ислам не дал мусульманам раствориться в индуизме... Мы осознали себя нацией не потому, что мы во всех отношениях отличаемся от индусов, а потому, что мы мусульмане... Ислам спас нас от уничтожения как нацию» (цит. по: 20, с. 102; 21, с. 133).

После обретения суверенитета, считает З.И. Левин, идея существования «двух наций» в условиях политических реалий Пакистана значительно трансформировалась: «“Отец нации” М. Джинна, возглавивший Исламскую Республику Пакистан, отдавал безусловный приоритет государственным интересам. Его “мусульманский национализм” принял форму национализма мусульманского лидера секулярной ориентации...» (9, с. 130). О возведении «мусульманского национализма» в ранг «официальной идеологии правящих классов» Пакистана писала также Л.Р. Гордон-Полонская (4, с. 11).

Однако в условиях страны, где слова «Исламская Республика» не случайно вошли в состав официального названия государства, «секулярная ориентация» правящих кругов не могла пользоваться поддержкой у приверженного исламу населения, и пакистанская модель «мусульманского национа-

лизма» приняла здесь, по выражению З.И. Левина, «компромиссный характер» (9, с. 130). Характеризуя его, председатель пакистанского Консультативного совета исламской идеологии Аллама Аллауддин Сиддики писал: «Под “исламским национализмом” мы понимаем нераздельную

приверженность как исламу, так и данной стране, не тая злого умысла по отношению к любой другой религии, нации, государству» (цит. по: 9, с. 122).

В итоге, большинство идеологов «мусульманского национализма» сошлись во мнении, что мусульманские идеалы еще могут послужить инструментом в деле реализации внутренней и внешней политики стран исламского мира и должны быть использованы при выработке той или иной стратегии социально-политического развития. Однако эти воззрения вступают в противоречие со сложившимся положением, когда в мире практически уже не существует народа, все представители которого исповедуют одну и ту же религию. Поэтому в общем плане споры о том, является ли религия одним из признаков современной нации, выглядят схоластичными. Убежденность в богоизбранности какого-либо народа может, конечно, тешить тщеславие некоторых его представителей, но при этом лишь искажает сложившуюся картину, когда обыденным явлением стало существование как многоконфессиональных наций-государств, так и мировых (по сути – полиэтнических) религий.

По мнению ряда российских политологов, мусульманский мир, несмотря на свою специфичность, не сможет оставаться вечно обособленным по вполне определенным причинам, лежащим вне сферы религиозных и / или национально-государственных интересов составляющих его стран. Они являются следствием неравномерного социально-экономического развития отдельных стран и регионов. В частности, выступающие за приоритет «западных» систем ценностей В.Л. Иноземцев и С.А. Караганов полагают, что «суверенитет отдельных государств несовместим с международной демократией, предполагающей подчинение в той или иной форме меньшинства большинству... Отсутствие демократических порядков внутри отдельных стран, их неспособность к социальному и экономическому развитию заставляют усомниться в способности таких наций реализовывать свои суверенные права» (6, с. 9). С их точки зрения, большую часть «третьего мира» составляют так называемые «падающие» или «несостоявшиеся» государства, которые характеризуют неспособность к «самостоятельному развитию» и которые «представляют собой серьезную угрозу международной стабильности» (там же). «Очевидным отличием новой системы международных отношений от нынешней, – делают вывод эти специалисты, – станет и восстановление системы управления падающими и несостоявшимися государствами усилиями отдельных великих держав или их коалиции. Но не с целью эксплуатации природных богатств или людских ресурсов этих стран, а ради защиты элементарных прав их граждан и предоставления им гарантий соблюдения [этих прав], как таковых. Вестфальская система не уйдет в

прошлое, но будет модифицироваться по мере установления приоритета прав человека над правами народов, наций и государств» (6, с. 26).

Вопрос лишь в том, согласятся ли с уготованной им участью правительства и народы «несостоявшихся» неевропейских государств, призываемые к отказу от своих традиционных ценностей и этноконфессиональной самобытности в угоду планам по созданию новой системы международного порядка?

Литература

1. *Азад, Абул Калам*. Индия добивается свободы: Автобиографический очерк / Пер. с англ. М.Б. Граковой-Свиридовой; Ред. и предисл. Г.Л. Бондаревского. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 348 с.
2. *Армстронг К.* Мухаммад: История Пророка / Пер. с англ. А. Янгуразовой. – М.: София, 2008. – 448 с.
3. *Беленький А.Б.* Национальное пробуждение Индонезии. – М.: Наука, 1965. – 346 с.
4. *Гордон-Полонская Л.Р.* Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана. (Критика «мусульманского национализма»). – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – 326 с.
5. *Ерасов Б.С.* Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. – М.: Наука, 1982. – 280 с.
6. *Иноземцев В., Караганов С.* О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. – М., 2005. – Т. 3, № 1. – С. 8–26.
7. *Ионова А.И.* «Мусульманский национализм» в современной Индонезии, (1945–1965). – М.: Наука, 1972. – 283 с.
8. *Каид-и азам Мухаммад Али Джинна, (1876–1948)* / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 1995. – 158 с.
9. *Левин З.И.* Ислам и национализм в странах зарубежного Востока: (Идейный аспект). – М.: Наука, 1988. – 223 с.
10. *Левин З.И.* Ислам и проблема арабского национализма // Современный ислам: Проблемы политики и идеологии / Отв. ред. Е.М. Примаков. – М.: Наука, 1982. – С. 179–185.
11. *Левин З.И.* Развитие арабской общественной мысли, 1917–1945. – М.: Наука, 1979. – 198 с.
12. *Левин З.И.* Реформа в исламе. Быть или не быть?: Опыт системного и социокультурного исследования. – М.: Ин-т востоковедения РАН; Крафт+, 2005. – 231 с.
13. *Мартышин О.В.* Политические взгляды Джавахарлала Неру. – М.: Наука, 1981. – 311 с.
14. *Милославская Т.П.* Деятельность «братьев-мусульман» в странах Востока // Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока: Сб. ст. / Ю.В. Ганковский (отв. ред.). – М.: Наука, 1982. – С. 7–24.
15. *Милославская Т.П., Милославский Г.В.* Концепция «исламского единства» и интеграционные процессы в «мусульманском мире» // Ислам и проблема национализма в странах Ближнего и Среднего Востока: Сб. ст. / Ю.В. Ганковский (отв. ред.). – М.: Наука, 1986. – С. 5–40.
16. *Михайлов Ю.А.* Пора понимать Коран: Сб. ст. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Ладомир, 2007. – 237 с.

17. *Неру, Джавахарлал.* Автобиография / Пер. с англ. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 656 с.
18. *Неру, Джавахарлал.* Открытие Индии / Пер. с англ. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 652 с.
19. *Плеханов С.* Цену вечности знают в Багдаде // Так говорил Садам / Сост. Пруссак В.А. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2004. – С. 255–267.
20. *Пруссакова Н.Г.* Концепция «мусульманской нации» и «исламского государства» в идеологии движения за образование Пакистана. (По работам индийских и пакистанских публицистов и историков) // Ислам в истории народов Востока (Сб. ст.) / Отв. ред. И.М. Смилянская, С.Х. Кямилев. – М.: Наука, 1981. – С. 100–122.
21. *Степанянц М.Т.* Мусульманские концепции в философии и политике XIX–XX вв. – М.: Наука, 1982. – 248 с.
22. *Тихонова Т.П.* Светская концепция арабского национализма Саты аль-Хусри. – М.: Наука, 1984. – 221 с.
23. *Yomt Y.M.* Мухаммад в Медине / Пер. с англ. – СПб.: ДИЛЯ, 2007. – 479 с.
24. *Aruri N.* Nationalism and religion in the Arab World: Allies and Enemies // Muslim world. – Hartford, 1977. – Vol. 67, N 4. – P. 266–279.
25. *Al-Banna H.* Five tracts of Hasan al-Banna, (1906–1949): A Selection from the «Majmu'at Rasa'il Imam al-Shahid Hasan al-Banna». – Berkeley etc.: Univ. of California press, 1975. – VIII, 180 p. – (Near Eastern Studies; Vol. 20).
26. *Gibb H.A.R.* Modern trends in Islam. – Chicago, 1945. – XII, 141 p.
27. *Iqbal A.* Life and time of Muhammed Ali. – New-Delhi, 1979. – XII, 443 p.
28. Iran – Iraq: Guerra, politica, sociedad / Musalem D., Zeradoun Z. (Comp.). – Mexico: Ceestem, 1982. – 347 p.
29. *Mitchell R.P.* The society of the Muslim Brothers. – L., 1969. – 283 p.
30. *Wolfson M.* Die Politische Funktionen der Religion // Dritte Welt. – Meisenheim, 1978. – Jg. 6, N 1. – S. 125–180.
31. *Yapp M.E.* Contemporary Islamic revivalism // Asian affairs. – L., 1980. – Vol. 11, Part 2. – P. 178–195.
32. *Ад-Дусуки А.* Фикрат ал-каумийа инда ал-ихван ал-муслимин // Афак арабийа. – Багдад, 1977. – N 3. – С. 98–105. – На араб. яз. Концепция нации у «братьев-мусульман».
33. *Тума Э.* Ал-Харакат ал-иджтимаийа фи-л-ислам. – Бейрут: Дар ал-Фараби, 1980. – 191 с. – На араб. яз. Социальные движения в исламе.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

В.М. Шевырин

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ РЯБУШИНСКИЙ

Шевырин Виктор Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Павел Павлович Рябушинский – из известного купеческого рода, его отец – П.М. Рябушинский, предприниматель, текстильный фабрикант. П.П. Рябушинский родился в Москве 17 июня 1871 г., в 1891 г. окончил Московскую практическую академию коммерческих наук. С 1900 г. он глава семейной фирмы – Товарищество мануфактур П.М. Рябушинского с сыновьями. Кроме того, Рябушинский был в руководстве ряда банков и предприятий: правления Харьковского земельного банка (1901), Банкирского дома «Братья Рябушинские» (1902) Московского банка, председатель совета Российского взаимного страхового союза (1906), Московского купеческого общества взаимного кредита, Товарищества типографии П.П. Рябушинского, Московского биржевого комитета (председатель его с 1915 г.), Совета съездов представителей промышленности и торговли, Общества хлопчатобумажных фабрикантов Московского района (председатель).

В 1905 г. включился в общественно-политическую жизнь страны, был лидером группы «молодых» московских промышленников (А.И. Коновалов, С.И. Четвериков, С.Н. Третьяков, П.А. Бурышкин и др.). Они выступали за коренные реформы в стране, за народное представительство, настаивали на том, чтобы промышленники действовали в интересах всей страны. Рябушинский и многие из «молодых» организовали умеренно-промышленную партию. В ноябре 1905 г. Рябушинский – член «Союза 17 октября». В октябре 1906 г. вышел из Союза из-за одобрения А.И. Гучковым военно-полевых судов, стал членом ЦК партии «Мирного обновления». В архиве Рябушинского сохранилось письмо к нему, относящееся ко времени первой революции: «Вообще Россия опять в ужасном виде и упадке, и мы с Вами напрасно очень уж оптимистичны! Мы результатов не увидим, и мы

должны себя признать жертвой сего времени... Прошлое гибнет, а новое еще долго не начнет нарождаться... Вдруг еще временно явится и Иван Грозный» (6, л. 16–17). Рябушинский стал одним из идеологов «прогрессизма», деятельно участвовал в организации «прогрессистов» (член ЦК, председатель Московского комитета, 1912 г.). В 1906 г. издавал «Народную газету» с приложением «Голос старообрядца», финансировал журнал «Церковь» (1908–1917).

На старообрядческом съезде в январе 1906 г. в Нижнем Новгороде Рябушинский – товарищ председателя съезда. Рябушинский считал, что в Госдуме следовало защищать единство и целостность России, монархию, отменить сословные преимущества, добиться свободы вероисповедания и неприкосновенности личности, сломать бюрократический строй, ввести всеобщее бесплатное обучение, наделить крестьян землей, учесть справедливые требования рабочих.

Рябушинский стремился добиться единения различных старообрядческих толков и активизировать их выступления за политическую и религиозную свободу, сочетать традиции национальной культуры с институтами гражданского общества, «возродить Русь самобытную, независимую».

Ему претила «особенность» государственного хозяйства, управления России – «постоянное отставание от других народов и государств», непредвидение и неумение довести начатое до конца (6, л. 71).

С 1908 г. в доме Рябушинского проходили «экономические беседы» «молодых» московских предпринимателей и элиты либеральной профессуры (Е.Н. и Г.Н. Трубецкие, П.Б. Струве, С.А. Котляревский, А.А. Мануйлов и др.), в ходе которых происходило обсуждение экономического и политического положения России.

В 1911 г. Рябушинский подписал письмо 66 известных предпринимателей и финансистов с протестом против репрессий министра народного просвещения Л.А. Кассо против преподавателей Московского университета. Это письмо было напечатано в газете Рябушинского «Утро России».

В «Утре» и «Утре России» развивались идеи прогрессизма. На V съезде представителей промышленности и торговли (май 1912 г.) Рябушинский произнес знаменитые слова: «купец идет», проникнутые верой в созидательные возможности российского предпринимательства. Он считал, что купечество должно, соответственно своей экономической мощи, обладать «политическим влиянием». 4 апреля 1912 г. на обеде, устроенным торгово-промышленным миром Москвы в честь премьер-министра В.Н. Коковцова, Рябушинский провозгласил тост «не за правительство, а за русский народ!» В 1913 г. на 50-летие Купеческого общества Рябушинский составил речь, в

которой отмечалось, что главнейшими задачами времени являются осознание общности интересов, единство в действиях, осознание большой ответственности, лежащей на купечестве, в создании России будущего. Объединение крупного, среднего и мелкого купечества – неотложная задача времени. Перед «купечеством будущим стоят великие задачи».

Он был убежден, что власть не должна мешать проявиться творческой силе русского народа. Предприниматели хотели видеть Россию великим государством и не хотели, чтобы власть цеплялась за отжившее прошлое, а была полна жизни, полна устремлений к новому. Идя вместе с народом, она должна была бы вести всех к прогрессу, к созданию великой свободной России.

Рябушинский считал, что для развития всякого дела необходима достойная обстановка. Если нет этих условий, нужно создать их, как бы ни было это трудно. Само время повелительно требовало многого от торгового класса. Ему казалось, что росло внутреннее самосознание купечества, создававшее силу, которая могла бы направить Россию по верному пути. Он видел, что дворянство ослабло, теряло свои земли, хотя еще цепко держалось за свои права, призывая даже некоторых из предпринимателей в свои опустевшие ряды, «делая первых купцов последними дворянами». Само же время, сама судьба, по мнению Рябушинского, указывали купечеству в грядущем руководящую роль. Значение его для государственно-экономического развития признано всеми, в руках торгового класса были все экономические нити. Этот класс объединял производителей страны. Даже маленький торговец был первым лицом в деревне. Поэтому, на взгляд Рябушинского, и стал важен рост внутреннего сознания предпринимателей, для которых было необходимо понять свое призвание, свою миссию. Москва – торговый центр России, почти купеческий город, живший под сенью исторических воспоминаний, и нужно проникнуться общественными обязанностями и неустанно работать над созданием материальной и моральной мощи торгового класса, обеспечивая этим необходимость считаться с его деятелями, создавая должную почву для прочного развития и процветания всего государства. И тогда, верил Рябушинский, – «день победы буржуазии наступит» (6, л. 45–46).

Будучи сторонником решительной оппозиции правительству, в марте 1914 г. Рябушинский – один из инициаторов создания Информационного центра, объединявшего либеральных деятелей и социалистов для усиления оппозиции правительству. Их «блок» оказался эфемерным и прекратил свое существование уже в следующем месяце. С августа 1914 г. Рябушинский активно участвовал в оказании помощи больным и раненым воинам, выезжал на фронт, явился инициатором создания военно-промышленных комитетов (май 1915 г.). В июне 1915 г. он – председатель Московского военно-про-

мышленного комитета, с того же времени – председатель Московского биржевого комитета. В августе 1915 г. – участник съездов общественных организаций, встреч руководителей либеральных партий.

В августе 1915 г. от имени Биржевого комитета Рябушинский послал царю телеграмму, по сути требующую создания правительства общественного доверия. 25 августа Рябушинский на совещании Московского военно-промышленного комитета призвал «путем давления на центральную власть добиться участия общественных сил в управлении страной... Нам нечего бояться, нам пойдут навстречу в силу необходимости, ибо армии наши бегут перед неприятелем» (2, с. 101). В депутации из шести человек, избранных Земским и Городским съездами (7–9 сентября 1915 г.), был и Рябушинский. Депутация, однако, не была принята царем. Тяжелым чувством исполнилось общественное сознание. Рябушинский писал: «Что-то безысходно-темное повисло над всеми нами» (6, л. 131).

В сентябре 1915 г. Рябушинский стал членом Государственного совета (по выборам от торговли и промышленности). В Государственном совете он высказывался о том, что существующая власть может погубить Россию: «Мы, люди порядка, признающие идею власти... боимся существующей власти. Мы ждем в настоящем не охраны власти, а возможности охраны России от существующей власти, чтобы этим предохранить Россию от государственного уничтожения, а может быть, даже и государственной смерти... Но в глазах власти всякая организованность есть уже преступление» (6, л. 57–59). Он предостерегал власть: «Все наболело, наша власть потеряла Бога, долг, правду. Мучается Россия, тщетно протягивает к престолу свои руки. Она просит хлеба, а ей дают камень. Мы пришли с последним словом. Пойдет ли, наконец, высшая власть со своим народом или против него. В последнем случае просто может пасть. Не испытывайте же больше русский народ, горе будет нам» (6, л. 41–42).

По почину Рябушинского была организована рабочая группа при Московском военно-промышленном комитете (ноябрь 1915 г.). Рябушинский много работал для создания Всероссийского союза торговли и промышленности (конец 1916 – начало 1917 г.). По мнению многих промышленников и банкиров, деятельность Рябушинского была направлена на то, чтобы купеческое сословие превратилось в сильный своим государственным сознанием торгово-промышленный класс, занимающий достойное место в ряду других сил, направляющих дело государственного строительства России. Предприниматели видели в Рябушинском верного истолкователя своей тревоги, своего протеста против надвигавшейся грозы во внутренней жизни страны. Они полагали, что Рябушинский ясно и определенно говорил то, что они сами остро сознавали, что «так дальше жить

нельзя. Как ни велика наша вера в доблесть нашего войска, но мир внешний без мира внутреннего не выведет Россию на путь славы».

На приеме представителей союзнических держав 27 января 1917 г. от имени предпринимателей Москвы Рябушинский говорил, что они присутствуют при великой трагедии русского народа, порвавшего со своей властью. Свое горе «мы должны пережить сами... Мы знаем, что никакими полицейскими приказами нельзя изменить экономических законов, которые могут жестоко покарать каждую власть».

Февральскую революцию Рябушинский принял с удовлетворением. Его брат, Дмитрий Рябушинский, писал ему 28 марта 1917 г.: «Дорогой Павел. Особенно тебя хочется приветствовать по случаю обновления России, ведь в течение многих лет из среды торгово-промышленного класса ты был главным и неустанным борцом за права и свободу» (6, л. 27).

В Москве Рябушинский участвовал в формировании Комитета общественных организаций. В марте 1917 г. открыл работу I съезда Всероссийского союза торговли и промышленности, насчитывавшего более 1000 делегатов со всей России. Встреченный оглушительными аплодисментами, Рябушинский произнес, по сути, программную речь. В начале ее Рябушинский приветствовал «свободных граждан великой свободной России». Он говорил, что постылое прошлое «больше не возвратится». По его словам, «особенности революционного движения в России заключались в том, что оно было всенародно». Он призывал граждан страны к дружной, «созидательной работе». Рябушинский подчеркнул и необходимость довести войну до победного конца и всемерно «охранять власть Временного правительства», противостоять «всем вредным течениям», чтобы «свободная Россия не потеряла свободу», главное основание которой он видел в «спокойствии и порядке». Рябушинский считал, что «история не знает резких скачков. В жизни все изменяется постепенно». С трибуны съезда, избравшего его своим председателем, он говорил: «Будем ждать Учредительного собрания, всем решениям которого, каковы бы они ни были, мы все, отвергнув свои классовые и сословные интересы, должны подчиниться беспрекословно. Старая власть все разрушала и мертвила. Нам нужно время, чтобы оживить хозяйственную жизнь страны во всех ее проявлениях, особенно в вопросах продовольствия и транспорта». Рябушинский видел необходимость «поднятия народного благосостояния», решения рабочего и крестьянского вопросов. Он отметил, что торгово-промышленный класс не боится «новой жизни и новых ее форм» и стремится к «общей гармонии великих государственных задач» при взаимном уважении и мирном сожительстве всех трудящихся классов, – основной задаче времени. России нужно спешить, чтобы наверстать потерянное в прошлом. И он закончил речь словами о том,

что великая ответственность за экономическое будущее страны лежит на плечах всего торгово-промышленного класса: «Общими усилиями должна быть создана великая Россия. Отбросим все сомнения – русский народ никого не обидит. Перед нами занимается заря новой жизни». Торгово-промышленный класс «должен быть достоин этого великого будущего, должен стать творцом этой новой жизни, творцом победы над прошлым. Пойдем же смело вперед. Да здравствует новая Россия!» (5).

В последующие месяцы Рябушинский остро реагировал на развитие революционного процесса в стране. Он призвал Временное правительство к радикальному разрыву с диктатурой Советов, к установлению твердой власти «правительства национального спасения», которому будет предоставлена свобода и независимость действий. В выступлениях на различных съездах, совещаниях, в печати Рябушинский резко критиковал министров-социалистов и руководителей Советов за их политику, которая, по его представлению, грозила России голодом, нищетой и финансовым крахом. В августе 1917 г. на II Всероссийском торгово-промышленном съезде он считал этот крах уже неизбежным. «Но, к сожалению, нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и советов, чтобы они опомнились» (2, с. 112).

Рябушинский был видным участником Совещания общественных деятелей, Государственного совещания (Москва, август 1917 г.). Он надеялся на силовое решение проблемы двоевластия, на Л.Г. Корнилова. Неудача выступления Корнилова и болезнь Рябушинского (он болел туберкулезом с 1916 г.) вынудили его уехать в Крым на лечение. Здесь он был арестован (сентябрь 1917 г.), но вскоре освобожден. Рябушинский отправил в Москву телеграмму: «Мой ничем не оправданный арест снят. Очень благодарю всех за сочувствие. Можно лишь скорбеть, что у нас вместо желанной, действительной свободы самовольно восстановили произвол и насилие».

На выборах в Учредительное собрание (от Москвы) Рябушинский был забаллотирован. Гражданская война застала его в Крыму. В 1918 г. он вошел в Киев в Союз государственного объединения России. После Гражданской войны – Рябушинский во Франции.

В 1920 г. Рябушинский говорил: «Многие из нас давно предчувствовали катастрофу, которая теперь потрясает всю Европу, мы понимали роковую неизбежность внутреннего потрясения в России, но мы ошиблись в оценке размаха событий и глубины, и вместе с нами ошибся весь мир. Русская буржуазия, численно слабая, не в состоянии была выступить той регулирующей силой, которая помешала бы событиям идти по неверному пути... Вся обстановка прошлого не способствовала нашему объединению, и в наступивший роковой момент стихийная волна жизни перекатила через нас, всех нас смяла, размела и разбила» (2, с. 117).

В эмиграции он деятельно работал по восстановлению значения Торгово-промышленного союза. На торгово-промышленном съезде в Париже, незадолго до смерти, он был избран почетным председателем. Рябушинский верил, что установленный в России режим не вечен и предприниматели должны будут всемерно содействовать возрождению новой России. Рябушинский умер в Камбо-де-бэн 19 июля 1924 г., похоронен в Париже на кладбище Батиньоль.

Литература

1. Вишневски Э. Капитал и власть: Прогрессивные московские предприниматели в начале XX в. М., 2006.
2. Петров Ю.А. Династия Рябушинских. М., 1997.
3. Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX в.: Предпринимательство и власть. 2002.
4. Торговое и промышленное дело Рябушинских. М., 1913.
5. «Утро России». М., 1917. 20 марта.
6. ГАРФ. Ф.4047. (П.П. Рябушинский).

И.В. Корнилова

ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВИЧ КУДРЯВЦЕВ:
ЭТНОГРАФ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ

**Корнилова Ирина Валерьевна – кандидат
исторических наук, доцент Елабужского
государственного педагогического университета.**

Интерес к региональной истории, познанию прошлого своего требует изучения жизни и деятельности людей, чей подвижнический труд и вклад в российскую историческую науку еще далеко не всегда известны за пределами краевой историографии, но должны быть по достоинству оценены нашими современниками. Среди них и незаурядная личность Василия Филипповича Кудрявцева (1843–1910), этнографа, историка, архивиста, литератора, человека, много сделавшего для исследования центральных и северных губерний Российской империи. Его жизнь в разные годы была связана с Вятской, Нижегородской, Казанской, Московской и Тверской губерниями. Он был хорошо известен в научных и просветительских кругах Волго-Вятского и Прикамского края. Труды В.Ф. Кудрявцева издавались не только в Казани, Твери, Нижнем Новгороде, Вятке, но и в столичных городах страны. Он является автором более 15 книг, многочисленных научных публикаций в местной прессе, в сборниках губернских статистических комитетов, в «Трудах...» ученых архивных комиссий и Казанского императорского университета. Его основной труд — «Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края»¹ — и сегодня остается настольной книгой для всех, кто занимается исследованием Вятского края. Показательна в этой связи характеристика, данная Василию Филипповичу ученым, большим знатоком елабужского края Н.М. Валеевым: «В 1897–1905 гг. увидела свет большая работа “Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края” в 4-х выпусках, написанная Василием Филипповичем Кудрявцевым — ученым-архивистом, нашим земляком, влюбленным в свою “малую” родину, который сумел обобщить и проанализировать сделанное

предшественниками – Кулыгинским, Шишкиным, Невоструевым – и высказать свою собственную точку зрения на данную тему... В целом книга В.Ф. Кудрявцева, как попытка описания Елабуги и Прикамья, удалась. Ученый сумел беспристрастно взглянуть на родной город, обстоятельно описать его историю, по-новому взглянуть на опыт предшественников»².

Однако до настоящего времени имя В.Ф. Кудрявцева не встречается в работах российских историков, отсутствует его жизнеописание, не были известны даже даты рождения и смерти. Нами впервые предпринята попытка воссоздания биографии ученого и просветителя на материале опубликованных и неопубликованных источников.

Родился Василий Филиппович 2 марта 1843 г.³ в г. Елабуге Вятской губернии в семье бедного священника. Его отец Филипп Иоаннович – сын сельского священника Рождественской церкви села Челнов Елабужского уезда, не получил специального духовного образования, служил дьяконом Никольской церкви, а затем Спасского собора города Елабуги. В начале XIX в. Ф. Кудрявцев приехал в Елабугу – небольшой уездный город на Каме, а с 1809 г. начал службу в Спасском соборе. Мать Василия Филипповича Елена Иосифовна принадлежала к купеческому сословию.

В начале XIX в. уездная Елабуга, занимая выгодное географическое положение, уже принадлежала к числу наиболее богатых и торговых городов Вятской губернии⁴. Древний город имеет богатую историю, овеянную преданиями, сказаниями и легендами.

Семья Кудрявцевых, как, впрочем, и многие семьи священнослужителей, была многодетной: семеро сыновей и пять дочерей. Василий был самым младшим ребенком в семье. Православие, глубинная церковность, доступный богатейший и красивейший язык канонических текстов, богослужения составляли духовно-нравственную основу, царившую в окружении и в семье Кудрявцевых. Дети воспитывались в атмосфере богопочитания. Семеро сыновей получили духовное образование и положены в сан священника.

Начальное образование, традиционное для семей священнослужителей, Василий Кудрявцев получил в Елабужском духовном училище (1851–1859), основанном Вятской епархией в 1847 г. Среди воспитанников училища наиболее известными личностями были К.И. Невоструев (1815–1872)⁵, член-корреспондент Императорской академии наук, известный специалист по древнерусской литературе, крупнейший ученый-филолог, археограф и археолог, автор капитального труда «Описания славянских рукописей Московской синодальной библиотеки»; знаменитый миссионер, просветитель народов Сибири, этнограф и богослов архиепископ Мелетий (Михаил Кузьмич Якимов) (1835–1900), а также И.М. Красноперов (1839–1918), революционер-шестидесятник, участник Казанского заговора 1863 г., мемуарист, а позднее известный ученый-статистик. Небольшая ремарка.

И.М. Красноперов с трудом окончил Елабужское духовное училище и поступил в Вятскую духовную семинарию по протекции преподавателя словесности, выпускника Петербургской духовной академии, сына ректора семинарии А.А. Красовского⁶. Эти два человека (И.М. Красноперов и А.А. Красовский) сыграют немаловажную роль в дальнейшей судьбе В. Кудрявцева.

Начальная духовная школа XIX в. «давала возможность благородного соревнования, при которой каждый учащийся знал, что успехи его оцениваются не только произволом учителя, но могут определяться и действительно ценностью его трудов, бесспорною и для всех очевидною; приучала детей к усидчивости и трудолюбию, а также к самостоятельности в работах...»⁷. Василий имел репутацию лучшего ученика Елабужского духовного училища.

1860 год – особый в биографии Василия Кудрявцева: он был зачислен в число учащихся низшего класса Вятской духовной семинарии⁸ губернского центра. Духовная семинария, основанная в 1835 г. при Трифоновым монастыре, была известна далеко за пределами Вятской губернии. Одновременно с В. Кудрявцевым в 1862–1867 гг. в философском классе Вятской духовной семинарии обучался В.М. Васнецов (1848–1926), будущий знаменитый художник, автор известной картины «Богатыри».

Семинаристы изучали не только патристику, но и светские дисциплины. В учебной библиотеке была богатая книжная коллекция на латинском, церковно-славянском и других языках. Среди учителей выделялась личность А.С. Верещагина (1835–1908), выпускника Казанской духовной академии⁹, преподавателя логики, психологии и латинского языка. Он оказал огромное влияние на формирование научных интересов молодого Кудрявцева. Александр Степанович, являясь активным исследователем вятской старины, прививал своим воспитанникам не только любовь к знаниям, но и к изучению родного края, его прошлого. А.С. Верещагин, будучи одновременно редактором «Вятских губернских ведомостей», а с 1864 г. – членом губернского статистического комитета, издал более 40 документов и материалов по истории Вятского края. В 1904 г. при его непосредственном участии состоялось открытие Вятской губернской архивной комиссии, причем А.С. Верещагин был избран редактором «Трудов»¹⁰, издаваемых комиссией.

Первая небольшая статья Василия Кудрявцева по истории города «Кулачные бои в купеческой Елабуге» (1863), написанная не без влияния А.С. Верещагина, была опубликована в период его обучения в Вятской семинарии на страницах «Вятских губернских ведомостей»¹¹. Она основана на детских воспоминаниях о кулачных боях между Спасской и Никольской

сторонами Елабуги; попутно сообщаются сведения по истории возникновения боев, начало которых восходит к XV в.

Можно предположить, что в формировании взглядов Василия Кудрявцева сыграло немаловажную роль старшее поколение елабужских священнослужителей, которые часто бывали в доме Кудрявцевых. Среди них необходимо отметить священнослужителя, первого елабужского летописца, заложившего подлинно научные основы изучения истории родного края – П.Н. Кулыгинского (1798–1855), члена-корреспондента Императорского географического общества, в сборниках которого регулярно публиковались его статьи. Своей главной привязанностью Петр Никитич считал историю г. Елабуги, изучению которой посвятил большую часть жизни¹². В 1844–1847 гг. Петр Никитич опубликовал в «Вятских губернских ведомостях» ряд статей по истории края и города Елабуги¹³, положенных позднее И.В. Шишкиным в основу «Истории города Елабуги»¹⁴.

Василий Филиппович, посвятивший скупuleзному исследованию истории родного Елабужского края большую часть жизни, в своих очерках «Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края» указывал на ошибочность некоторых взглядов и выводов П.Н. Кулыгинского. Например, о поездке Ивана Грозного по Каме, об основании им Покровской церкви и о некоторых других сюжетах местной истории, связанных с Елабугой¹⁵. По свидетельству современников, свои работы П.Н. Кулыгинский писал научным, но доступным слогом, четким красивым почерком, был чрезвычайно требователен к слову. В дальнейшем этими же правилами руководствовался его талантливый ученик – В.Ф. Кудрявцев. Об этом свидетельствуют рукописи работ В.Ф. Кудрявцева, сохранившиеся в ГАКО¹⁶. Даже черновые наброски рукописей написаны каллиграфическим почерком с подчеркиванием и выделением отдельных слов красными чернилами. Аккуратность и прилежание, чрезвычайная требовательность к своим сочинениям всегда были характерными качествами В.Ф. Кудрявцева.

Заметное влияние на Василия Кудрявцева, учащегося семинарии, оказал А.А. Красовский, преподаватель словесности, лекции которого будили умы семинаристов, заставляли их задумываться о русской действительности. Вокруг Красовского сложился кружок из наиболее талантливых учеников, заседания которого проходили в его квартире, расположенной на территории Трифонова монастыря. Одновременно он прививал своим воспитанникам любовь к родному краю. В частности, рекомендовал учащимся во время летних и рождественских каникул наблюдать и изучать крестьянскую жизнь и писать сочинения на темы из народной жизни: «Крестьянские свадьбы», «Сельские ярмарки и базары», «Народные суеверия» и т.п. Сочинения многих учащихся духовной семинарии были опубликованы в местных губернских ведомостях. Личная библиотека Красовского давала возможность

семинаристам глубже познакомиться с произведениями В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, с западноевропейской литературой. Библиотека А.А. Красовского стала центром просветительской и революционно-демократической деятельности в Вятке. Красовский установил связи со столичными революционными организациями, а его вятский кружок сделался своего рода ответвлением тайного общества «Земля и воля», организованного в 1861 г. Кружок Красовского поддерживал связи и с казанской организацией «Земля и воля». Некоторые члены кружка приняли активное участие в студенческом революционном движении 1863 г. Среди них был и И.М. Красноперов.

В 1863 г. администрация была вынуждена отчислить многих воспитанников за поведение, несовместимое с уставом семинарии¹⁷. Василий Кудрявцев, несмотря на свои способности, по воле случая оказался в числе исключенных семинаристов. При принятии такого решения немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что он был знаком с Красноперовым, принимавшим деятельное участие в организации беспорядков в Вятской семинарии.

В. Кудрявцев в годы обучения в семинарии собрал этнографический материал, который послужил основой для статьи «Крестьянские святки в Елабужском уезде», опубликованной в «Вятских губернских ведомостях» в 1864 г.¹⁸ уже после исключения его из семинарии. В статье представлены святочные праздники с элементами местного фольклора, приведены тексты обрядовых песен и т.п. Редактор «Ведомостей» А.С. Верещагин, опекая своего ученика, поместил статью без фамилии, ограничившись только псевдонимом с инициалами *К-въ*. Память о событиях 1863 г. в Вятке была еще свежа. Разгадать «Инкогнито» удалось известному краеведу Кировской области Г.Ф. Чудовой¹⁹. Авторство статьи подтверждается наличием сохранившейся в ГАКО рукописи, присланной В. Кудрявцевым для «Вятских губернских ведомостей»²⁰.

Не окончив полного курса Вятской духовной семинарии, Василий Кудрявцев некоторое время (в 1863 и 1864 гг.) работал учителем в Николаевском приходском училище в селе Икское Устье Елабужского уезда²¹. Выбор села объяснялся тем, что в Икском Устье у него жили родственники. О его деятельности в училище сохранились сведения в «Исторической записке Елабужского городского трехклассного училища», составленной в 1896 г. Н.И. Кутше²². Описывая жизнь в Елабужском училище, в частности, Кутше приводит в качестве примера сохранившуюся программу литературного вечера, состоявшегося в воскресенье 15 декабря 1863 г. в Николаевском приходском училище. Среди учителей, выступавших

на этом вечере, встречается фамилия Кудрявцева, учителя истории и литературы²³. Речь Кудрявцева отличалась эмоциональной патетикой, заботой о нравственном здоровье молодого поколения. На этом литературном вечере он выступил с беседами на темы: «О войне 1812 года» (по истории Ишимовой), «О народном здравии, чистоте и опрятности»²⁴. 20 апреля 1865 г. В. Кудрявцев по прошению был перемещен на должность учителя в Елабужское уездное училище. Летом 1865 г. он выдержал установленные экзамены в Испытательном комитете Казанского университета, получив звание учителя русского языка.

14 июня 1865 г. В. Кудрявцев был назначен учителем русского языка в Васильское уездное училище Нижегородской губернии. Столь быстрому переезду в другую губернию способствовал ряд обстоятельств – в уездном городе Василе жил один из старших братьев и, что не менее важно, в окрестностях Василя в этот период писал свои этюды его земляк И.И. Шишкин, живо интересовавшийся историей родного Елабужского края.

Будучи талантливым педагогом, В. Кудрявцев принимал деятельное участие в улучшении учебно-воспитательной работы. Как секретарь педагогического совета Васильского уездного училища, он неоднократно выступал на заседаниях совета по вопросу улучшения преподавания русского языка.

В государственном архиве Нижегородской области сохранился журнал трех заседаний педагогического совета училища, состоявшихся 5, 7 и 12 мая 1868 г. Кудрявцев затрагивал там вопросы, связанные с улучшением методики преподавания русского языка, и предложил свои уже опробованные им способы обучения орфографии. Занимаясь воспитанием детей в возрасте от шести до пятнадцати лет, Василий Филиппович уделял внимание игровой деятельности, обращал внимание на то, что игры можно организовать в целую воспитательную систему. В статье «Детские игры и песенки в Нижегородской губернии: Этнографические материалы»²⁵, опубликованной на страницах «Нижегородского сборника», при описании игр он старался сохранить местный колорит: говор, выражения, порядок игры, время и последовательность действий играющих. Он считал, что в играх заложен большой педагогический потенциал, указывал на важность дифференциации игр различных народов, которые столь разнообразны «в каждой местности, варьируются сообразно географическому положению, степени образованности...»²⁶. Изучение и описание игр различных народов способствуют выявлению признаков их национальной идентичности. При описании игр в Нижегородской губернии Василий Филиппович использовал сравнение с играми в Вятской губернии, приводил и свои детские воспоминания об играх в Елабуге²⁷.

Просветительская и педагогическая деятельность не мешала ему заниматься изучением истории той местности, в которой он проживал. Круг его исследовательских интересов был разнообразен: он собирал исторические сведения о той или другой местности края, предания и легенды, изучал памятники глубокой старины. В 1870-е годы он опубликовал ряд статей и книг по истории и этнографии Нижегородской губернии²⁸.

В 1875 г. на заседании Нижегородского губернского статистического комитета Василий Филиппович был избран действительным членом комитета²⁹. Избранию способствовало тесное сотрудничество Кудрявцева с комитетом, поддерживавшим его издательскую деятельность. Занимаясь изучением истории Нижегородского края, Василий Филиппович в 1877 г. составил описания старинной крепости «Цепель» и «Чертова городища», расположенных вблизи города Василя, а также очерки, посвященные городской Хмелевской церкви и иконе Покровского собора³⁰. Эти работы не нашли отражения в официальных изданиях, сохранившись в рукописном виде в рабочих журналах заседаний Нижегородского губернского статистического комитета, а потому остались неизвестны широкому кругу читателей и ждут своих исследователей.

В середине 1870-х годов В.Ф. Кудрявцев переехал в Москву, где, окончив духовную семинарию, продолжил свою педагогическую работу в военном учебном заведении³¹. В этот период он дослужился до гражданского чина коллежского советника VI класса.

В 1890-е годы, выйдя в отставку, Василий Филиппович поселился в Твери, откуда и поддерживал связь с родным Вятским краем, при посредничестве своего учителя А.С. Верещагина участвовал в изданиях, посвященных истории края. Так, в 1898 г. В.Ф. Кудрявцев послал в Вятку для публикации свои очерки «Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края». В них он выступает как проницательный исследователь, статистик, прекрасно знающий историю города Елабуги и всего Прикамья, многочисленные предания и легенды о городе, работы первых историографов. Труды Кудрявцева вывели елабужское краеведение на качественно иной уровень, открыв новые замечательные страницы истории края, за что Василий Филиппович снискал славу одного из самых талантливых историографов Елабуги конца XIX – начала XX в.³²

Современники по-разному оценивали этот труд В.Ф. Кудрявцева: священнослужители критиковали (Н. Блинов)³³, историки – и любители, и профессионалы – ссылались на него (И. Сатрапинский, Н.И. Шишкин, Д.К. Зененин, Н.Г. Гусев, Знакомцев)³⁴. Бесспорным признанием заслуг Кудрявцева в области изучения местной старины стало избрание его в 1898 г.

действительным членом Вятского губернского статистического комитета³⁵. В 1897 г. Василий Филиппович был избран членом Тверской ученой архивной комиссии³⁶, работа в которой требовала большой самоотдачи, высокого уровня знаний в области истории, археологии, архивоведения.

Доклады, которые делал Василий Филиппович по иконографии и некоторым рукописям Тверского музея, по отзывам членов комиссии, отличались полнотой и глубоким знанием предмета. Его выступление в 1899 г. на LXXII заседании Тверской ученой архивной комиссии с докладом на тему: «Образ страшного суда в Тверском Отроче монастыре сравнительно с списками того же образа в других местах»³⁷ заслужило высокую оценку комиссии. Свидетельством признания плодотворной исследовательской деятельности В.Ф. Кудрявцева стала публикация его статей духовно-нравственного содержания в «Трудах...» комиссии, а также на страницах научного журнала «Русский архив»³⁸.

Творческая биография В.Ф. Кудрявцева тесно связана с судьбой других известных личностей своего времени. Его коллегами по перу и единомышленниками были секретарь Вятского губернского статистического комитета Н.А. Спасский (1846–1920), секретарь Нижегородского статистического комитета А.С. Гациский (1838–1893), историки А.С. Верещагин (1835–1908), братья Ардашевы, уроженцы Елабужского уезда Вятской губернии, архивариус Московского архива Министерства юстиции Николай Николаевич (1862–1923) и профессор Юрьевского и Киевского университетов Павел Николаевич (1865–1922) и мн. др.

В последние годы Кудрявцев вновь преподавал в Тверском техническом училище. Умер Василий Филиппович в Твери 12 февраля 1910 г.³⁹. Известие о его смерти было опубликовано в «Отчете о деятельности и занятиях Вятского губернского статистического комитета за 1911 год»: «...В предыдущем году скончался в Твери один из старейших членов Вятского статистического комитета – Василий Филиппович Кудрявцев, поместивший в 90-х годах прошедшего столетия в Календаре Вятской губернии целый ряд очерков по истории г. Елабуги»⁴⁰.

В.Ф. Кудрявцев был похоронен на Смоленском кладбище, но его могила, к сожалению, не сохранилась. В первые десятилетия становления советского государства на гребне антирелигиозной пропаганды были варварски уничтожены старые кладбища по всей стране. Среди них оказалось и Смоленское кладбище, где покоился прах многих знаменитых тверичей – в том числе историка и краеведа В.И. Колосова (1854–1919), основателя Тверского музея А.Г. Жизневского (1819–1896), замечательного краеведа Василия Филипповича Кудрявцева, заслуги которого в исследовании отечественной истории еще требуют обстоятельного освещения.

Литература

1. См.: Кудрявцев В.Ф. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края. (Очерк). Вып. 1–4. – Вятка, 1897–1905. – Вып. 1–4.
2. Краеведы Елабуги / Авт.-сост. Н.М. Валеев, И.В. Корнилова. – Елабуга, 2007. – С. 124–125.
3. См.: Метрическая книга за 1843 год // Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). – Ф. 992. – Оп. 1. – Д. 176. – Л. 7об.; Клировые ведомости Елабужского и Малмыжского уездов за 1843 год // НА РТ. – Ф. 992. – Оп. 1. – Д. 175. – Л. 6об., 11об.
4. Шишкин Н.И. История города Елабуги с древнейших времен. – Елабуга, 1901. – С. 107.
5. Валеев Н.М. Высокое служение Отечеству. Капитон Иванович Невоструев. – Елабуга, 1998. – С. 21.
6. Гомаюнов С. Очерки истории Вятской духовной школы. – Киров, 2005. – С. 29–30.
7. Валеев Н.М. Подвижник науки. Капитон Иванович Невоструев // Валеев Н.М. Гармония культур. Избранные труды. – Казань, 2001. – С. 242.
8. Клировые ведомости Елабужского Духовного Правления за 1860 год // НА РТ. – Ф. 992. – Оп. 1. – Д. 244. – Л. 23–24.
9. Гареев Н.И. Студенты Казанской духовной академии на службе в Вятской губернии (1846–1892). – Вятка, 1892. – С. 19–20.
10. Хроника общественной жизни г. Вятки и Вятской губернии на 1904 год // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 год. – Вятка, 1905. – С. 163–164.
11. Кудрявцев В.Ф. Кулачные бои в купеческой Елабуге // Вятские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1863. – № 5. – 21 февраля. – С. 51–52.
12. Краеведы Елабуги ... – С. 12.
13. См.: Кулыгинский П.Н. О пожаловании Царем Иоанном Васильевичем Покровской церкви образа Трех Святителей // Вятские губернские ведомости. – 1842. – № 43; 1844. – № 41; Он же. О месте чудесного явления, празднуемого св. церковью 1 августа // Там же. – 1847. – № 1–3; Он же. Трехсвятское село или нынешняя Елабуга во время Пугачева // Там же. – 1847. – № 3–8; Он же. Акаевщина // Там же. – 1847. – № 34–35.
14. См.: Шишкин И.В. История города Елабуги. – М., 1871.
15. Кудрявцев В.Ф. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края. – Вятка, 1898. – Вып. II. – Гл. XVI. – С. 22–23.
16. См.: Государственный архив Кировской области (ГАКО). – Ф. 574. – Оп. 8. – Ед. хр. 17. Рукопись для Вятских губернских ведомостей (№ 2–6 за 1861 г.) Крестьянские свадьбы в Елабужском уезде. – 14 л.; Там же. – Ед. хр. 27. Рукопись для Вятских губернских ведомостей (№ 2–3 за 1864 г.) Крестьянские святки в Елабужском уезде. – 11 л.; Там же. – Ед. хр. 73. Рукопись для Памятной книжки и календаря Вятской губернии В.Ф. Кудрявцева «Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края». (Очерк). – 68 л.; Там же. – Ед. хр. 80. Рукопись В.Ф. Кудрявцева об Ананьинском могильнике. – 31 л.; Там же. – Ед. хр. 82. Рукопись В.Ф. Кудрявцева. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края. Окончание. – 56 л.
17. Гомаюнов С. Очерки истории Вятской духовной школы... – С. 32.
18. К-в (Кудрявцев В.Ф.) Крестьянские святки в Елабужском уезде // Вятские губернские ведомости. – 1864. – № 2. – 11 января. – С. 9–10; № 3. – 18 января. – С. 15–17.
19. См.: Чудова Г.Ф. Елабуга и Елабужский уезд Вятской губернии. Указатель литературы, учтенной в краеведческом каталоге «Летопись Кировской области». – Киров, 1985. – Вып. 2.

20. См.: ГАКО. – Ф. 574. – Оп. 8. – Ед. хр. 27. Рукопись для Вятских губернских ведомостей (№ 2–3 за 1864 г.) Крестьянские святки в Елабужском уезде. – 11 л.
21. Государственный архив Нижегородской области (ГАО). – Ф. 554. – Оп. 1. – Ед. хр. 19 // Формулярный список о службе учителя Кудрявцева В.Ф. за 1865 г. – Л. 1об.
22. См.: Кутше Н.И. Елабужское городское трехклассное училище (1809–1896 г.): Ист. записка. – Казань, 1896.
23. Там же. – С. 195.
24. Там же. – С. 196.
25. Там же.
26. Там же. – С. 172.
27. Там же. – С. 173–174.
28. См.: Кудрявцев В.Ф. Замечательные местности около г. Василе // Нижегородские губернские ведомости. – 1867. – № 28. – С.; Он же. Зимние народные увеселения в городе Василе // Нижегородский сборник – Нижний Новгород, 1870. – Т. III. – С.; Он же. Детские игры и песенки в Нижегородской губернии: Этнографические материалы. – Нижний Новгород, б.г.; Он же. Детские игры и песенки в Нижегородской губернии: Этнографические материалы // Нижегородский сборник / Под ред. А.С. Гациского. – Нижний Новгород: Нижегородский губернский статистический комитет, 1871. – Т. IV. – С. 167–238; Он же. Историческое описание города Василе Нижегородской губернии. – Нижний Новгород, 1877; Он же. Историческое описание города Василе Нижегородской губернии / Нижегородский сборник. – Нижний Новгород: Нижегородский губернский статистический комитет, 1877. – Т. VI. – С. 1–100.
29. Нижегородский сборник. – Нижний Новгород, 1889. – Т. VIII. – С. 618.
30. См.: Кудрявцев В.Ф. Хмелевская церковь; Он же. Чертово городище; Он же. Цепель; Он же. Икона Покровского собора; Он же. Место, где стоял древний Василь Новгород // http://trust.narod.ru/uhp3_1.htm.
31. Журнал 108-го заседания Тверской Ученой Архивной Комиссии 22-го августа 1910 года / Под ред. И.А. Виноградова. – Тверь, 1910. – С. 6.
32. Краеведы Елабуги.... – С. 125.
33. См.: Блинов Н. Был ли Пугачев в Елабуге? // Вятские епархиальные ведомости. – 1912. – № 28. – С. 762.
34. См.: Сатрапинский И. Материалы для истории Елабужского Троицкого монастыря // Труды Вятской ученой архивной комиссии. – 1909. – Вып. I – С. 23; Шишкин Н.И. История города Елабуги с древнейших времен. – Елабуга..., 1901; Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края / Сост. Д. Зеленин. – Юрьев, 1904. – С. 46–47; Н.Г. Город Елабуга (заметка по поводу книги Н.И. Шишкина) // Приложение к Вятским губернским ведомостям. – 1903. – № 18. – 11 февраля. – С. 4; Знакомцев. По поводу 25-летия «Памятных книжек Вятской губернии и Календаря» // Там же. – 1904. – № 11. – 24 января. – С. 3.
35. См.: Отчет о деятельности и занятиях Вятского губернского статистического комитета за 1897 год. – Вятка, 1898. – С. 30; Отчет о деятельности и занятиях Вятского губернского статистического комитета за 1898 год. – Вятка, 1899. – С. 3.
36. Журнал 67-го заседания Тверской губернской ученой архивной комиссии 6-го марта 1898 года / Под ред. А.В. Владиславлева. – Тверь, 1898. – С. 1–2.
37. Журнал 72-го заседания Тверской Губернской Ученой Архивной Комиссии от 10 декабря 1899 года / Под ред. И.А. Виноградова. – Тверь, 1899. – С. 1.
38. Кудрявцев В.Ф. Об иконе Рождества Богородицы по Тверскому подлиннику в сравнении с другими подлинниками и некоторыми старинными иконами. – Тверь, 1909; Он же.

Старинная апокрифическая повесть о трех монахах, отыскавших пояс земной // Рус. архив. – М., 1909. – Кн. 3. – С. 465–482.

39. Журнал 108-го заседания Тверской губернской ученой архивной комиссии 22-го августа 1910 года / Под ред. И.А. Виноградова. – Тверь, 1910. – С. 6.

40. Отчет о деятельности и занятиях Вятского губернского статистического комитета за 1911 год. – Вятка, 1912. – С. 1.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

П. М. Лавринец

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РУССКОГО
КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА
В ЛИТВЕ

Лавринец Павел Михайлович –
доктор гуманитарных наук, доцент
кафедры русской филологии
Вильнюсского университета,
член правления Русского
культурного центра.

Двадцать лет тому назад, в разгар стремительных перемен в Литве родилась русская общественная организация, названная Русским культурным центром. Центр оказался первым объединением такого рода не только в Литве, но и во всех бывших советских республиках. Инициаторами его создания были актеры, журналисты, писатели, ученые. Тогда в переломный момент надо было напомнить о том, что в Литве проживают русские, что им дорога их культура и при этом они видят себя частью литовского общества. Среди основных задач были восстановление исторической памяти и прерванных традиций, изучение прошлого русской культуры в стране и его популяризация. Не менее важным было противостоять насаждавшемуся национальными

радикалами образу русского оккупанта и колониста, разрушать сложившийся стереотип, ставивший знак равенства между советским и русским.

Эргали Гер, один из основателей Русского культурного центра, ныне московский писатель, на открытии выставки, посвященной двадцатилетию РКЦ, в Библиотеке-фонде «Русское зарубежье» признал, что в бурную переходную эпоху конца 1980-х – начала 1990-х годов политику было сложно отделить от культуры. Со временем, уже в новых условиях, когда Литва стала самостоятельным государством, РКЦ все больше внимания начал уделять культурной работе. Центр перепробовал все возможные формы поддержки и популяризации русской культуры – от поэтических вечеров, концертов, выставок, презентаций книг до семинаров и конференций, от конкурсов для школьников до циклов радиопередач, интернетных публикаций и книжных изданий. С 1992 г. в Центре была открыта собственная галерея, в которой прошло свыше двухсот выставок живописи, графики, скульптуры, фотографии, русских народных промыслов. Здесь выставлялись художники Белоруссии, Латвии, Литвы, Македонии, Норвегии, России, Украины, США, Эстонии. Особо следует отметить выставку рисунков учеников виленской Пушкинской гимназии 1938–1939 гг. из личного архива известного литовского искусствоведа Владаса Дремы, в межвоенные годы

работавшего в гимназии учителем рисования и черчения, а также выставку документов, фотографий, реликвий из частных архивов бывших гимназистов.

Впервые в Советском Союзе в 1989 г. РКЦ удалось провести Солженицынские чтения. В 1991 г. Центр организовал первые Карсавинские чтения. Позднее традиция проведения международных конференций, посвященных русскому религиозному философу и историку культуры Льву Карсавину, прожившему свыше двадцати лет в Литве, была продолжена кафедрой русской филологии Вильнюсского университета.

За прошедшие годы Центром были организованы встречи с поэтами Евгением Рейном и Сергеем Гандлевским, с писателем Алексеем Варламовым и режиссером Камой Гинкасом, с поэтом и литературоведом Томасом Венцловой и философом Арвидасом Юозайтисом, ныне атташе по культуре Генерального консульства Литвы в Калининградской области, с политиками, актерами, музыкантами. Многие проекты Русского культурного центра осуществлялись совместно с государственными учреждениями Литвы, России и других стран. Успешно развивалось сотрудничество с Литовской национальной библиотекой имени Мартинаса Мажвидаса, Литовским художественным музеем, Литовским музеем театра, музыки и кино, Благотворительным фондом

литовско-русского сотрудничества имени Юргиса Балтрушайтиса.

Литовская Национальная библиотека поддерживала инициативы РКЦ по организации выставок и конференций, посвященных популяризации русской культуры и ее отдельных представителей, таких как Мстислав Добужинский, Василий Качалов или Михаил Бахтин, и менее известных, но оставивших заметный след в истории культуры Литвы – историка и поэта Павла Кукольника, младшего брата известного писателя и поэта, журналиста и переводчика Евгения Шкляра. В 2006 г. РКЦ и Национальная библиотека при содействии Департамента национальных меньшинств и эмиграции при правительстве ЛР и Посольства Российской Федерации в Литве провели большую выставку и цикл встреч под названием «Современная русская гуманитарная книга». При поддержке российского посольства в 2007 г. на сцене Русского драматического театра Литвы было организовано проведение цикла совместных концертов классической музыки и джаза в исполнении литовских и российских музыкантов.

В залах музея, некогда дворце магнатов Радзивиллов, проводились вечера русской поэзии, звучавшей на русском и на литовском языках. На одной из таких творческих встреч была представлена книга стихотворений Марины Цветаевой в

переводах известной литовской поэтессы Рамуте Скучайте.

Начиная с 2004 г. совместно с Литовским художественным музеем и Центром по изучению негосударственных культур Вильнюсского университета осуществляется один из крупнейших проектов Русского культурного центра последних лет. Он включает организацию международной выставки, цикл встреч и публикаций, посвященных истории и художественной традиции староверов Литвы, Латвии, Польши, Эстонии. Открытие весной 2005 г. выставки «Культура староверов Балтийских стран: иконопись, книжность, традиции церковного пения» было приурочено к 15-летию восстановления независимости Литвы. Выставку в Музее прикладного искусства сопровождала обширная культурная программа: встречи с иконописцами, исполнителями и собирателями устного творчества, авторами книг по культуре и истории староверия, демонстрация кинофильмов. На выставке были представлены рукописные и старопечатные книги, традиционная одежда, утварь, фотографии моленных и наставников, литые иконки, складни, кресты, иконописные прориси, свыше ста икон от XVI в. до наших дней из музеев и библиотек Латвии, Литвы, Польши. Часть ценных экспонатов была предоставлена коллекционерами и староверческими общинами Вильнюса, Каунаса, Зарасай, Риги, Даугавпилса, Резекне. Завершится проект изданием художественного альбома

репродукций и фотографий икон, образцов медной пластики, церковной утвари, рукописных и старопечатных книг из старообрядческих храмов, государственных библиотек, музеев, частных коллекций, сопровождающихся научными статьями по истории старообрядчества в балтийских странах. Книга увидит свет в этом году и даст новый импульс исследованиям многоконфессиональной полиэтнической культуры Литвы в прошлом и настоящем. У готовящегося издания и проекта в целом, помимо академических задач, есть более широкая и важная задача: формировать понимание того, что культура Литвы и ее история разнообразнее, чем принято считать. Ее живой и ценной составной частью с давних времен является русская культурная традиция в своих различных проявлениях.

Все эти годы Центр искал взаимопонимания с другими этническими группами, активно участвовал в жизни страны, формулируя свое понимание демократизации литовского общества, интересов русского населения, национальных меньшинств, неправительственных организаций. Он не просто участвовал в диалоге с властями, а был той организацией, которую привлекали к разработке законов, касающихся национальных меньшинств, – прежде всего Закона о национальных меньшинствах и Закона о государственном языке. РКЦ оказался одним из инициаторов

создания социального ведомства по делам национальной Литвы – нынешнего департамента национальных меньшинств и эмиграции.

Довольно быстро у Центра обнаружили единомышленники балтийских стран, прежде всего в латвийском обществе русской культуры и Обществе русской культуры в Эстонии, позднее в Даугавпилсском центре русской культуры, Русском исследовательском центре Эстонии, Эстонском культурном центре «Русская энциклопедия» и т.д. Насущная потребность осознать новую ситуацию, в которой оказались русские в балтийских странах, обсудить общие проблемы и возможности их решений побудили еще в 1990 г. провести в Вильнюсе конференцию «Русские Балтии» с участием лидеров русских организаций, политиков и политологов, социологов, журналистов, культурологов. За первой конференцией последовал цикл семинаров и конференций, проводившихся попеременно в столицах балтийских стран, посвященных таким злободневным проблемам, как механизм культурной интеграции, образование на русском языке, участие русского меньшинства в гражданском обществе. Последняя такая встреча состоялась в январе 2009 г. В

дискуссии за круглым столом «Русские Балтии: 20 лет жизни в независимых государствах» представители русских организаций Вильнюса, Висагинаса, Паневежиса, Риги, Даугавпилса, Департамента по делам национальных меньшинств и эмиграции, Совета национальных общин обсудили вопросы образования на родном языке, деятельность русских общественных организаций, средств массовой информации на русском языке, представительства национальных меньшинств в органах власти, поделились опытом диалога с государством.

В заключение хотелось бы сказать, что сегодня только в Литве насчитывается около ста русских общественных организаций разных типов, в том числе культурно-просветительские общества, детские клубы, молодежные театры, объединения любителей русского романса, авторской песни, поэзии. И хотя некоторые из них только значатся в списках Департамента национальных меньшинств и эмиграции при правительстве Литовской Республики, фонда «Русский мир» или Московского дома соотечественников, среди действующих немало таких, которые возникли по инициативе и при содействии РКЦ.

А.С. Шуринов

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ СЕМЕЙНО-
РОДОВОЙ КУЛЬТУРЫ: СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Шуринов Александр Сергеевич –
член-корреспондент Петровской
академии наук и искусств,
руководитель Центра по изучению
семейно-родовой культуры.

Проблемы демографии, социализации молодежи и духовно-нравственного состояния общества волнуют научное мировое сообщество уже не одно десятилетие. В мае 2006 г. Президент России Владимир Путин впервые поставил демографическую проблему во главу угла Российской внутренней политики как равную основным Национальным проектам общероссийского масштаба. В этом случае задача научного осмысления процессов, происходящих в обществе, опирающаяся на реализацию функций института семьи, получила приоритетное государственное значение. Но прежде эта перспективная задача проявила себя в направлении деятельности ряда общественных организаций, к которым относится

Историко-просветительский и учебно-методологический Центр семейно-родовой культуры «Родовая семья» имени Леонида Михайловича Савёлова.

Интересна и поучительна история создания этого Центра. Центр был создан в начале 2004 г. при Обществе потомков участников Отечественной войны 1812 г., поэтому логично начать историческую справку с момента создания этого уникального Общества. Общество потомков было первоначально создано в январе 1913 г. после празднования 100-летнего юбилея победы в Отечественной войне 1812 г. по инициативе известного историка и генеалога действительного статского советника и камергера Леонида Михайловича Савёлова. Последний обратился к императору Николаю II после юбилейных торжеств празднования 100-летия победы в Отечественной войне 1812 г. с просьбой разрешить его создание Указом Императора.

Л.М. Савёлов как никто другой осознавал исключительную пользу Общества потомков. Во-первых, он понимал его исключительное патриотическое значение и влияние на общество. Во-вторых, с его помощью он надеялся раскрыть механизмы преемственности поколений в традиционном самоотверженном служении Отечеству, определить особенности русской семейно-родовой культуры в сохранении и восстановлении исторической памяти предков. Еще в 1904 г. им

было создано Историко-Родословное Общество в Москве, 100-летний юбилей которого отмечался относительно недавно в Государственном историческом музее в Москве. Л.М. Савёлов был избран первым председателем Общества и активно начал работу. В 1916 г., после назначения его Холмским губернатором, председателем Общества был выбран генерал от инфантерии М.Н. Загоскин. До 1917 г. Обществом был издан сборник трудов и воспоминаний участников и их потомков. Затем деятельность Общества прекратилась и была возобновлена только в период хрущёвской «оттепели» усилиями энтузиаста-исследователя бухгалтера 1-го московского подшипникового завода Владимира Алексеевича Казачкова, который с 1962 г. вел работу по выявлению ныне живущих потомков участников Отечественной войны 1812 г. и в 1964 г. создал Совет потомков при только что открытом музее-панораме «Бородинская битва».

Именно с этого момента следует считать возобновление деятельности Общества потомков участников Отечественной войны 1812 г., которое создавали в 1913 г. Леонид Михайлович Савёлов и его коллеги-сподвижники.

Важно заметить, что членство в Обществе основывается на предоставлении документов, подтверждающих родство потомков с предками, участвовавшими в Отечественной войне 1812 г. Это необходимо для проведения

исследований механизма преемственности способности самоотверженного служения Отечеству из поколения в поколение в семье участника, изначально предполагая, что победители в Отечественной войне 1812 г. такими качествами обладали и потому сумели защитить Отечество.

Таким образом, члены Общества обладали и обладают документальными архивными подтверждениями участия предков в Отечественной войне 1812 г. и родовой связи с ними. С 1964 г. они участвуют в патриотических мероприятиях в музее-панораме «Бородинская битва» и музее-заповеднике «Бородинское поле», выступают с докладами и сообщениями на научно-практических конференциях, встречаются с представителями воинских частей, учащимися школ и членами военно-исторических клубов. По мере деятельности Общества было установлено (а точнее, подтверждено!) благотворное влияние духовного опыта героических предков на формирование нравственности и духовности новых поколений, выявлены особенности влияния на новые поколения традиций и особенностей русской семейно-родовой культуры.

В настоящее время Общество потомков продолжает работу и организует деятельность более 100 действительных членов, нескольких десятков сотрудников Общества – историков-архивистов и историков-исследователей, широкой общественности, которая участвует

в различных мероприятиях Общества, конференциях и симпозиумах по тематике Отечественной войны 1812 г. и традиционной семейно-родовой культуры. Среди действительных членов Общества жители Москвы, Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Саратова, Ростова-на-Дону, Донецка, организован филиал Общества в Киеве. В числе членов Общества потомков есть представители дальнего и ближнего зарубежья.

С 30 мая 1998 г. председателем Общества являлся профессор МЭИ Александр Кириллович Нарышкин, праправнук участника Бородинского сражения штабс-капитана К.М. Нарышкина (брата М.М. Тучковой – основательницы Спасо-Бородинского монастыря), прапраправнук генерал-майора Н.И. Сутгофа. Недавно он подал в отставку по состоянию здоровья и этой ситуацией накануне 200-летнего юбилея (в 2012 г.) пытается воспользоваться группа ранее малоактивных членов Общества.

С 1999 г. в Обществе потомков велась кропотливая системная исследовательская работа по изучению механизмов преемственности духовного и социального опыта поколений в семье, изучение традиционной семейно-родовой культуры общества и состояния семейно-родовой культуры в настоящее время.

На основании изучения традиционного опыта передачи в семье «служилого человека» способности к самоотверженному служению Отечеству в 2001–2003 гг.

в Обществе потомков была организована работа постоянно действующего семинара «Духовно-нравственные основы семьи и общества», которая проводилась в музее-панораме «Бородинская битва». В течение двух лет на ежемесячных семинарах велась работа в этом направлении с представителями учебных заведений, общественных и государственных организаций России, с частными лицами, интересующимися проблемами современной семьи, традиционной семейно-родовой культурой, традиционным православным вероисповеданием и современными проблемами демографии, образования и воспитания.

В результате наработанного материала и его осмысления было решено создать при Обществе потомков Историко-просветительский и учебно-методологический Центр семейно-родовой культуры «Родовая семья» имени Л.М. Савёлова.

В этой общественной организации на альтруистической основе работали десятки членов Общества потомков, сотрудники Общества потомков и партнеры по патриотической работе.

Уже с 2002 г. представители Общества потомков пытались сотрудничать с Департаментом образования г. Москвы: участвовали в заседаниях Общественного консультативного совета «Образование как механизм формирования духовно-нравственной культуры общества», разрабатывали и предлагали свои

учебно-воспитательные методики и программы, но ...Аналогичная работа проводилась с Управлением по воспитательной работе Минобороны РФ, куда направлялись методические материалы для работы в военкоматах и строевых частях по борьбе с дедовщиной и безответственностью, предлагалось проведение методических семинаров с офицерами и младшим командным составом.

В феврале 2004 г. уже созданным Центром семейно-родовой культуры была проведена научно-практическая конференция, направленная на развитие семейно-родовой проблематики: «Роль семьи в демографическом и духовном возрождении России», а в конце марта научно-патриотическая конференция «Наши предки брали Париж», посвященная 190-летию окончания эпохи наполеоновских войн в Европе.

В 2003–2008 гг. Обществом потомков и Центром организовывалась работа секций по внедрению тематики семейно-родовой культуры в образовательный процесс в рамках Международных Рождественских образовательных чтений, делались головные доклады и сообщения. Авторитет Центра и значение проводимой работы определялись общественностью достаточно высоко. Например, при организации работы секции «Семейно-родовая культура в современном образовании», проводимой 01.02.07 в рамках Международных Рождественских образовательных чтений, заявили о своих докладах

академики, доктора наук и другие ключевые специалисты России по данной проблематике.

В 2004, 2006, 2007 и 2008 гг. Центр участвовал в работе Всемирного Русского Народного Собора, различных Съездах, международных симпозиумах, конгрессах и других мероприятиях.

За 2004–2006 гг. в Центре удалось отработать ключевые концептуальные моменты научного подхода

к проблематике семейно-родовой культуры, была разработана концепция демографического развития России, которая получила положительные отзывы от Общественной палаты Российской Федерации и Минздравсоцразвития РФ. С 2006 г. Центр участвует в деятельности рабочей группы по реализации мер поддержки молодой семьи при Минобрнауки РФ.

По результатам работы в средних образовательных учреждениях (школах, центрах образования, кадетских корпусах) в Центре удалось определить необходимость нового образовательного курса «Основы семейно-родовой культуры» и выработать педагогические аспекты его внедрения в учебный и воспитательный процессы образовательных учреждений России.

В 2005 г. было впервые выпущено методическое пособие «Изучение семейно-родового уклада в образовательных учреждениях». В нем даны методические рекомендации как для педагогов, так

и для родителей, представлены пять программ обучения для учащихся разного возраста со списком рекомендованной литературы. В последующем на его основе было разработано методическое пособие «Семейно-родовая культура. Истоки научного подхода. Программы образования. Концепция развития». Этот вариант пособия пользуется большим спросом и издается с дополнениями уже трижды. Сегодня Центр нуждается в финансировании выпуска новых тиражей пособия и обеспечения им учебных заведений.

В настоящее время региональной администрацией и управлениями образования уже производится закупка методических пособий, разработанных в Центре, и идет работа по внедрению данной тематики в программы дополнительного образования учебных заведений. Центр принимает заказы на издание этих и других пособий по тематике семейно-родовой культуры.

Кроме дополнительного издания пособий, в творческих планах Центра издание концептуального труда по проблематике семейно-родовой культуры. Уже три года он ждет внимания меценатов-инвесторов и государственных структур.

Особыми строками в деятельности Общества потомков и Центра стоит необходимость издания сборников статей членов Общества потомков и сотрудников Центра, сборников докладов на проведенных Центром конференциях, съездах, форумах, конгрессах и заседаниях секций в

рамках Международных Рождественских образовательных чтений.

В 2005, 2006 и 2007 гг. Центром были инициированы и проведены 1-я, 2-я и 3-я научно-практические конференции «Род – Семья – Отечество», которые актуализировали проблематику семейно-родовой культуры на самых высоких уровнях власти Российской Федерации (Государственная дума РФ, Совет Федерации РФ, Администрация Президента). Письма с Решением 1-й научно-практической конференции «Род – Семья – Отечество» были направлены в структуры власти страны в январе 2006 г., откуда были получены благожелательные ответы с поддержкой идеи возрождения семейно-родовой культуры. Сегодня работа с Государственной думой РФ, Советом Федерации Федерального Собрания РФ, министерствами и ведомствами продолжается.

В 2006–2008 гг. Центр сотрудничал с Курсами повышения квалификации педагогов, музейных работников и администрации при московских вузах, расширяет свою деятельность в регионах (Тамбов, Липецк и др.).

Кроме перечисленного, в 2007 г. Центр участвовал в ряде важнейших мероприятий, круглых столах и форумах. Из них можно выделить круглый стол при администрации Тамбовской области, где Центр представлял свои разработки в части семейно-родовой культуры. 16–18 марта Центр был приглашен на 7-й Форум русистов Украины в Ялту,

где был представлен доклад А.С. Шуринова: «Семейно-родовая культура и язык как национальное достояние братских народов». Доклад был отмечен вниманием оргкомитета Форума и в настоящее время опубликован на интернет-сайте посольства Российской Федерации в Украине (<http://embrus.org.ua>). Этот доклад отмечен как самый посещаемый на сайте посольства.

17 ноября 2007 г. Центром была организована и проведена 3-я научно-практическая конференция «Род – Семья – Отечество», посвященная памяти выдающегося русского ученого-генеалога и общественного деятеля Леонида Михайловича Савёлова.

Перечень мероприятий, в которых участвовал Центр в 2008 г., не менее значителен. Тут и X Рождественские чтения в Ельце, и XVII Международные Рождественские образовательные чтения, и IV Свято-Филаретовские чтения и мн. др.

За пять лет работы Центром подготовлены и проведены более десяти конференций, опубликовано более 100 научных и научно-популярных статей по тематике семейно-родовой культуры и разработано несколько методических пособий для преподавания «Основ семейно-родовой культуры» в образовательных учреждениях.

Сегодня целями и задачами Центра являются:

– дальнейшее изучение механизмов возобновления и развития в обществе, главными из которых являются процессы преемственности социального и духовного опыта в семье, формируемых в результате воздействия традиционной семейно-родовой культуры и взаимодействия всех членов семьи;

– разработка предложений по государственному подходу к возрождению и развитию семейно-родовой культуры, как культуры решающей современные проблемы мужчин, женщин и детей в семье, проблемы демографии, социального и духовно-нравственного развития общества;

– разработка и внедрение программ по обучению «Основам семейно-родовой культуры» в учебных заведениях разного уровня (от детских садов и средних школ до вузов), включая курсы повышения квалификации;

– популяризация знаний о значении и влиянии семейно-родовой культуры на все типы общественного устройства и виды общественной деятельности.

Координаты Центра для связи: тел. (495) 485-21-82, 8-916-424-47-46 (моб.); электронный адрес: A.C.Shurinov@mail.ru; сайт в интернете от 2003 г.: <http://iro2003.narod.ru>.

Новый сайт Центра <http://semrodokult.ru> находится в состоянии разработки.

Э.В. Соколова

ДОМА-МУЗЕЙ Ф.И. ШАЛЯПИНА

Соколова Элеонора Вениаминовна –
директор Дома-музея
Ф.И. Шаляпина, член
Международного совета музеев,
член Союза театральных деятелей.

*В русском искусстве
Шаляпин – эпоха, как
Пушкин.*

М. Горький

Шаляпин – истинный гений, гений оперной сцены, с неслыханной мощью и блеском воплотивший на ее подмостках дух русского народа. Обладатель уникального голоса и дара перевоплощения ошеломляющей силы, он прошел путь от юноши, доведенного голодом до отчаяния и помышлявшего о самоубийстве, до артиста, которому рукоплескал весь мир. Шаляпин выступал в театрах Европы, США, Латинской Америки, Новой Зеландии, Австралии, Китая, Японии. Он исполнял все басовые партии мирового оперного репертуара, пел духовную музыку, романсы, песни...

Великий труженик, отец десяти детей, он работал не покладая рук, денно и ночью, и в 60 лет голос его

звучал поразительно свежо, сильно и проникновенно. Послушать эти записи, сделанные в 1932 г. в Лондоне, можно в Доме-музее Федора Ивановича Шаляпина, что находится на Новинском бульваре. 23 сентября 1988 г. распахнул для посетителей он свои двери.

...Небольшая усадьба XVIII в., примостившаяся сегодня между двумя «монстрами» – зданием американского посольства и Торговым центром на Новинском бульваре – это единственный собственный дом великого русского певца – Федора Ивановича Шаляпина. В этом особняке конца XVIII в., чудом уцелевшем после пожара 1812 г., жила его семья, его дети, здесь жил сам певец с 1910 по 1922 г. Отсюда уехал он на долгие гастроли за рубеж, после которых уже не вернулся...

Недалеко от особняка – дом, в котором в 1795 г. родился А.С. Грибоедов. В других домах неподалеку в разные времена жили П.И. Чайковский и А.А. Алябьев, А.И. Куприн и Ф.Н. Плевако, А.П. Чехов. Здесь еще со времен Екатерины II устраивались знаменитые подновинские гулянья, на которые мальчиком не раз привозили Ф.М. Достоевского. Они проходили ежегодно и готовились в течение нескольких дней. Старожилы помнили и знаменитые Новинские базары с ресторациями на открытом воздухе, с палатками со всевозможными закусками и лакомствами. Привлекали москвичей и многочисленные развлечения –

карусели, перекидные качели, пантомимы и театральные представления. Огромное впечатление на публику производил паровоз «Меркурий», впервые появившийся на Новинском бульваре в начале 1840-х годов. Под звуки полковой музыки паровоз «выпускал дым из трубы» и возил по рельсам на небольшое расстояние коляски с публикой. Несколько раз гулянья посещал и А.С. Пушкин. На Новинском бульваре имели дома многие друзья и знакомые Александря Сергеевича, у которых гостил поэт. Бывал он и в доме, который спустя годы стал домом Шаляпина. В начале XIX в. дом этот принадлежал знакомому Пушкина, страстному любителю литературы и театра, драматургу и переводчику Степану Петровичу Жихареву – автору более 13 пьес и драматических переводов, написавшему богатую по документальным материалам книгу «Записки современника». Об этом, безусловно, могла рассказать Шаляпину владелица дома г-жа Баженова, у которой он приобрел дом. 8 мая 1910 г. в нотариальной контроле Соколова между супругой Шаляпина Иолой Игнатьевной Торнаги и Баженовой был заключен договор о купле-продаже земельного участка и дома с прилегающими службами по Новинскому бульвару.

Построенный в конце XVIII в. как типичная московская усадьба, с рублеными стенами, оштукатуренными «под каменные», с анфиладой комнат, двумя

флигелями и садом, протиравшемся до Москвы-реки, дом неоднократно перестраивался.

К моменту приобретения Шаляпиным дом нуждался в ремонте. Все заботы взяла на себя Иола Игнатьевна. Переклеили обои, отремонтировали паркет, перекрасили окна, двери, кровли. Дом устраивался на европейский лад: в нем появились ваннные комнаты, водопровод, газ, телефон. Одноэтажный со стороны фасада, двухэтажный с внутренней стороны, дом был окружен огромными раскидистыми липами и кленами. Терраса дома выходила в палисадник, за которым простирался громадный двор, который упирался в громадный, приблизительно на девять машин гараж, сбоку была прачечная. За гаражом простирался огромный парк, огражденный забором. В парке не слышно было города. По тогдашним московским понятиям дом был достаточно скромным. На двух этажах размещались двадцать пять больших, светлых и просторных комнат. На первом этаже находился парадный белый зал с чудесным роялем фирмы «Бехштейн», подаренный Федору Ивановичу в 1913 г. почитателями его таланта. Здесь собирались для репетиций, устраивались концерты, выступали известные певцы и драматические актеры, здесь и сам Шаляпин неоднократно пел для своих гостей. Верхний этаж дома состоял из детских спален, классной комнаты, комнат для гувернанток и детской столовой, куда на специальном лифте доставлялась еда из кухни,

размещавшейся в подвальном этаже. «Уютный и складный был наш домик, – вспоминала старшая дочь певца Ирина Федоровна, – и его усиленно стали посещать многочисленные друзья и знакомые Федора Ивановича; в нем собирались интереснейшие люди нашего времени». Сюда приходили М. Горький и С. Рахманинов, М. Дальский и И. Москвин, И. Бунин и С. Скиталец, К. Коровин и Л. Андреев, Н. Телешов и А. Головин.

Кроме большой семьи Шаляпиных, в которой к тому времени было пятеро детей, в доме постоянно жили родственники, знакомые, няни, гувернантки и др.

Любили в доме устраивать спектакли. А началось все с детской оперы «Грибной переполох». Эскизы костюмов к ней были сделаны Валентином Серовым и Константином Коровиным, шили костюмы лучшие костюмеры Москвы. Затем стали ставить и другие спектакли. Постепенно из всех этих детских затей выросла «Маленькая шаляпинская студия», из стен которой вышли многие известные впоследствии актеры – М. Астангов, Р. Симонов, О. Андровская, К. Держинская.

Когда такие представления случались летом, при открытых окнах, на бульваре собиралась толпа. Люди прислушивались и шептали: «У Шаляпиных репетиция». Бывало, что в представлениях принимал участие и сам Федор Иванович. На его «зловещий бас» прибегал Булька, французский бульдог и начинал

подвывать. В обычные дни Федор Иванович, когда бывал дома, он любил посидеть за роялем. Задумчиво перебирал клавиши и вдруг начал петь. Все в доме немедленно умолкали, окружали рояль и, затаив дыхание, слушали каждое его слово.

После революции, в 1918 г., дом национализировали. Он стал заселяться новыми жильцами. В 1922 г. Федор Иванович уехал на длительные гастроли за рубеж. Вслед за отцом постепенно уезжали и дети. Оставшаяся в Москве с Иолой Игнатьевной дочь Шаляпина – Ирина Федоровна – составляла списки домашних вещей и раздавала их друзьям и знакомым, записывая в памятную тетрадку места их хранения. Так благодаря этому сохранилась посуда, обтянутые темно-коричневой кожей стулья, столики и другие предметы.

В 1947 г. Иола Игнатьевна с Ириной Федоровной переехали из «коммунального» особняка в небольшую двухкомнатную квартиру на Кутузовском проспекте. В нее с трудом втиснулись некоторые вещи из прошлой жизни. А в особняке менялись жильцы, перегораживались комнаты, дом ветшал, разрушался и, наконец, пришел в аварийное состояние. Прошло 70 лет. Ирина Федоровна и приезжавшие из-за границы другие дети Шаляпина в очередной раз подняли вопрос о создании в здании дома-музея Федора Ивановича. Наконец, вопрос был решен, и в таком ужасающем виде в 1978 г. решением Моссовета здание было

передано Музею музыкальной культуры имени М.И. Глинки. Правда, в 1980 г. дом вновь оказался на волоске от гибели: в преддверии «Олимпиады-80» его чуть не снесли как ветхое аварийное сооружение. Но сотрудники музея отстояли историческое здание.

Восемь лет шли сложнейшие реставрационные работы. 23 сентября 1988 г. музей открыл свои двери для посетителей. Толпы людей шли на встречу с великим Мастером. Многие из желающих посетить дом еще помнили последние выступления певца в Москве, другие хотели услышать чарующий голос Шаляпина, войти в его дом, прикоснуться к той жизни, которая когда-то происходила здесь. И сегодня люди с удовольствием приходят в Шаляпинский дом, проходят по комнатам, где когда-то бывало столько интересных людей, слушают концерты и абонементные вечера в Белом зале особняка.

Дом сегодня выглядит таким, каким его знал Шаляпин: «соломенный», светло-палевый фасад, фигурные дымники на зеленой крыше, резные чугунные ворота с маленькой калиткой, декоративные вазы на столбах ограды.

Заходишь в калитку, в удивительно уютный московский дворик, и исчезает вся сутолока и толчея сегодняшнего шумного и совсем не «садового» кольца. Забывая о времени, переносишься в те далекие годы, когда дети Федора Ивановича катались здесь на велосипедах, а зимой играли в снежки.

Каждого, кто приходит в музей, охватывает какое-то удивительное волнение: ведь знакомство каждого с музеем начинается с того входа, с той лестницы, по которой в детские комнаты любил ходить Шаляпин. После спектакля тихонько проходил он на второй этаж и нередко до поздней ночи рассказывал, а порой представлял в лицах сочиненные им сказки. Это продолжалось до тех пор, пока не приходила, чтобы восстановить порядок, обеспокоенная шумом и восторгом детей Иола Игнатьевна. Комната хозяйки дома находится на первом этаже.

С нее начинается знакомство со всеми мемориальными комнатами особняка. В этой комнате жена Федора Ивановича любила отдыхать, а иногда принимать очень близких людей. Вглядитесь в портрет Иолы Игнатьевны, написанный сыном Борисом в Париже в 1931 г. Немолодая женщина с удивительно молодыми, невероятно красивыми «говорящими» глазами, словно вспоминает ту очень непростую жизнь, которая прошла в доме на Новинском.

Дверь из комнаты хозяйки дома ведет в столовую. Огромный стол как бы «упирается» в не менее огромный «шаляпинский» буфет. Чудом сохранился он и вернулся на прежнее место. Столовая почти всегда была полна многочисленных гостей — приходили писатели и художники, поэты и музыканты, артисты и политики. «Отец любил людей, — вспоминала дочь певца Ирина Федоровна. ...Приходили

запросто: сидели либо в комнате отца, либо в столовой. Беседы начинались обычно с политики, искусства и заканчивались шутками и анекдотами. Здесь царил Коровин, неподражаемый мастер рассказа. Нередко и Федор Иванович увлекал всех забавными историями».

В кабинете Федора Ивановича стоял письменный стол. Здесь он писал статьи, книги, работал над ролями и отдыхал после репетиций и спектаклей.

В Белом зале Шаляпин работал над партиями, готовился к концертам, репетировал со знаменитыми композиторами, музыкантами, концертмейстерами – С. Рахманиновым, М. Слоновым, А. Корещенко, Д. Вейсом, Ф. Кенеманом. Как-то в этом зале пела замечательная певица Надежда Плевицкая и Федор Иванович показывал ей, как нужно исполнять русскую народную песню «Помню, я еще молодухой была...»

Лепнина потолка и стен, белые обои и огромная старинная с золотом люстра придают особую торжественность залу. Стеклопанная дверь ведет на террасу и в палисадник. Сегодня, как и много лет назад, во времена Шаляпина, во дворе цветет каштан и благоухают кусты сирени и жасмина... В Белом зале особняка проходят концерты и творческие вечера прекрасных певцов, инструменталистов, драматических артистов. Весной и в начале лета исполнителям дарят после выступления огромные букеты сирени. Это удивительное ощущение. Словно Федор Иванович

вышел в сад и нарвал эту сирень в благодарность за прекрасное исполнение...

Говоря о доме Ф.И. Шаляпина, невозможно не сказать о первом директоре музея Николае Николаевиче Соколове. Блестяще образованный, талантливый музыкант, известный ученый, исследователь творчества Федора Ивановича, он был тем подвижником, благодаря стараниям которого мы сегодня имеем это одно из самых притягательных мест Москвы. Сколько сил, здоровья положил он на создание музея. Он жил музеем, обожал его и, казалось, все 24 часа в сутки проводил в нем. Его волновало все, что происходило в доме.

Мелкие и крупные проблемы дома были его личными проблемами. Не случайно, на вечере памяти Н.Н. Соколова, народный артист СССР Е.Е. Нестеренко сказал, что таких директоров, как он, можно пересчитать по пальцам одной руки и что первому директору должны поставить памятник во дворе шаляпинской усадьбы.

Именно благодаря стараниям Н.Н. Соколова в музее были учреждены ежегодные конференции «Шаляпинские собрания», по материалам которых выпускались ежегодные научные сборники, ставшие сегодня раритетами. Конференция, посвященная 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина, была признана одной из лучших пушкинских конференций юбилейного года.

При жизни Н.Н. Соколова увидели свет две прекрасные книги.

Книга «Этот гений – Федор Шаляпин» была признана лучшей книгой 1995 г. А незадолго до смерти Николая Николаевича была опубликована вторая книга, подготовленная им, – «Федор Шаляпин. Воспоминания. Статьи». Совместно с другими музеями и театрами Н.Н. Соколов организовал ряд интереснейших фестивалей: «Шаляпинские дни в Москве», «Обуховские дни в Москве», «Мамонтовские дни в Москве» и др. Благодаря ему в музее проводился ряд конкурсов юных и молодых исполнителей, был задуман и прошел первый конкурс басов в Москве. Уже с первых годов существования музея, выставки, посвященные творчеству Ф.И. Шаляпина, стали вывозить в разные города и страны. Одна из первых зарубежных выставок была осуществлена в 1993 г. в столице Финляндии г. Хельсинки. Она называлась «Царь оперы – Федор Шаляпин». Сколько людей посетили эту прекрасную выставку! Среди них было очень много русских эмигрантов, помнивших выступления Ф.И. Шаляпина. Ежегодно в маленьком французском городке Кальмаре В.Т. Спиваков устраивает фестивали, каждый из которых посвящен жизни и творчеству одного из выдающихся деятелей музыкального искусства XX в. В 1998 г. фестиваль в Кальмаре был посвящен Федору Ивановичу Шаляпину. Дом-музей великого певца предоставил на этот фестиваль выставку, посвященную гениальному артисту.

В 2008 г. Дом-музей Шаляпина отмечал 20-летний юбилей. Поэтому в доме царила особенная, торжественная атмосфера. Шаляпинский сезон завершился в феврале 2009 г. большой конференцией «Шаляпинские собрания».

Обычно конференции проходят ежегодно в апреле-мае. Но в сезон 2008 г. решено отметить торжественные события в месяц рождения Шаляпина, в феврале 2009 г. Каждое выступление конференции было посвящено жизни и творчеству Шаляпина, его окружению, истории дома на Новинском и его обитателей. Но и не только этому. Начинаясь 2009 год – еще и пушкинский год. Исполняется 110 лет со дня рождения поэта. В связи с этим, ряд выступлений будет посвящено пушкинской традиции в творчестве Ф.И. Шаляпина.

Несмотря на огромное количество книг, воспоминаний, исследований, статей, посвященных творчеству Шаляпина, многое в его уникальном мастерстве до сих пор остается тайным и неразгаданным. На протяжении многих лет и профессиональные музыканты, и писатели, и искусствоведы, и филологи, и любители вокального искусства собирали материалы и документы о его жизни и творчестве. И мы, люди XXI в., продолжаем искать и изучать новые материалы о Шаляпине, воспоминания его современников, письма, рецензии на спектакли с его участием, которые хотя бы в какой-то мере помогли объяснить феномен Шаляпина. На основе новых материалов,

сообщений, сделанных на конференции «Шляпинские собрания», музеем будут изданы специальные сборники. Как и при жизни Н.Н. Соколова, Дом-музей Ф.И. Шаляпина продолжает вести огромную научно-исследовательскую работу. Готовится к публикации ряд книг, статей, исследований, таких как: «Ф.И. Шаляпин и русская печать его времени», автор – кандидат искусствоведения Е.Л. Уколова; «Шляпинская пушкиниана», написанная директором музея Э.В. Соколовой; «Дом Ф.И. Шаляпина на Новинском бульваре и его окружение» – научного сотрудника И.В. Арсеева; «Русские и зарубежные гастролеры на сценах столичных, провинциальных и частных музыкальных театров России второй половины XIX – начала XX веков» – автор Э.В. Соколова и др. В плане музея подготовка материалов для сборника, посвященного памяти Н.Н. Соколова, работа над созданием книги «Ф.И. Шаляпин и Франция» и мн. др. Так, только в юбилейный год научные сотрудники Шляпинского дома выступали в различных музеях и научно-исследовательских институтах Москвы, Санкт-Петербурга, Пятигорска, в Тарханах и др. Соколовой Э.В. был прочитан курс лекций по истории музыкального театра в Швейцарии, США, состоялось выступление на круглом столе ЮНЕСКО в музее-заповеднике «Кусково» и др.

В планах музея – проведение обзорных экскурсий по теме: «Ф.И. Шаляпин в Москве» с их завершением в Доме-музее, подготовка новых тематических экскурсий по дому. Сотрудники музея стремятся создать на основе нашего дома центр всемирного шляпиноведения.

Большой интерес вызывают у посетителей музея абонементные циклы. За всю 20-летнюю историю музея ни один цикл ни разу не повторился по своей тематике. Это и ставшие очень популярными вечера с 20-летним стажем – «Вечера на Новинском», и «Кумиры прошлого столетия», и «Романсовые вечера», а также такие циклы, как «Ф.И. Шаляпин в жизни», «Ф.И. Шаляпин и русское зарубежье», «Живая музыка экрана», «Ф.И. Шаляпин глазами современников», «Ф.И. Шаляпин и лучшие оперные театры мира», «Ф.И. Шаляпин и художники» и др. Когда в 1988 г. музей был открыт, большой популярностью пользовались шляпинские елки. При жизни Федора Ивановича елки, проводящиеся в его доме, имели очень большой успех в Москве. В этом году мы восстановили шляпинскую елку у нас в доме и надеемся повторять ее ежегодно.

Несмотря на очень сложное время, мы полны различными планами и идеями. Правда, для осуществления многих из них нужна помощь не только Министерства культуры РФ, но и спонсоров, которых сегодня становится все меньше и меньше, но хочется надеяться, что имя великого Шаляпина поможет нам. А нужно

музеем многое. Это, прежде всего, и хорошая аппаратура для проведения различных вечеров, это новое здание, в котором был бы зал, фонотека, видеотека, читальный зал, реставрационные мастерские и фондовые хранилища. Исследователи творчества Ф.И. Шаляпина, приезжая к нам со всего мира, должны иметь возможность изучать многочисленные шаляпинские материалы, прослушивать записи, просматривать киноматериалы, изучать рисунки и другие художественные работы певца, его эпистолярное наследие, знакомиться с его рассказами, новеллами, повестями.

Шаляпин был талантлив во всех отношениях. Замечательный рассказчик, скульптор, художник, он прекрасно писал; его рассказы, повести, стихи не могут не вызывать восхищения. Его скульптурные автопортреты и портреты друзей сегодня украшают экспозиции многих театральных и музыкальных музеев. И все-таки, прежде всего, он был подлинным артистом, артистом во всех проявлениях. В зеленой гостиной дома на Новинском бульваре, где обычно проходили репетиции маленькой шаляпинской студии, Федор Иванович часто подходил к граммофону, стоящему у окна. Задумчиво смотрел в окно. По Новинскому бульвару, усаженному прекрасными липами и кустами сирени, гуляли люди. Шаляпин ставил пластинку, включал граммофон, и на чарующий звук шаляпинского голоса люди оборачивались, видели в окне

Федора Ивановича, выражали свое восхищение, восторги, просили автографы... Настроение на весь день становилось прекрасным...

Среди обитателей шаляпинского дома было много интересных людей разных возрастов и национальностей. Дети Федора Ивановича называли свой дом «Лигой наций». И это было действительно так. Особенно запоминающимся был камердинер Шаляпина, китаец Ненбо Джан Фухай, названный Василием. В его обязанности в основном входило следить за гардеробом великого певца – светским и театральным. Был он довольно высокого роста, красивый и стройный и очень следил за своей внешностью. Носил длинную косу, которую для удобства закручивал вокруг головы и которая заканчивалась кисточкой, свисавшей у виска. Одевался он всегда очень аккуратно и элегантно. Носил только китайскую одежду. Его костюмы были из тяжелого дамасского шелка, затканного узорами в цвет материала. Через плечо висела на шнуре шитая золотом сумочка, в которой находились часы и носовой платок. В его обязанности входило также подавать к столу. Делал он это легко и бесшумно. Шаляпин очень любил Василия и всегда держал его возле себя.

Удивительным временем в доме было Рождество. Дом наполнялся радостным шумом. В столовой кипел самовар, огромный стол украшали различные яства. Восторг детей достигал апогея, когда начинали доставать подарки.

Шаляпин смотрел на все это и радостно улыбался. Это было самым большим счастьем его жизни.

Позднее в эмиграции, когда дети, уже взрослые и большие, собирались на вилле St. Jean de Luz, они вновь, окружая отца, пели с ним хором, вспоминая те неповторимые мгновения их московской жизни.

Вспоминали свой дом, который в то время уже был превращен в коммунальную квартиру,

вспоминали огромный парк, которого уже не было. Разнесли и растаскали заборы, вытоптали траву, вырвали кусты, срубили многие деревья...

И только в конце XX в. в дом начала возвращаться прежняя жизнь. И мы все, сегодняшние обитатели Дома на Новинском, радуемся чуду, имя которому ФЕДОР ИВАНОВИЧ ШАЛЯПИН.

АННОТАЦИИ

О.Т. Богомолов. Уроки глобального финансового кризиса

Ключевые слова: финансовый кризис, экономический кризис, мировая финансовая система, Россия.

Нынешний глобальный финансово-экономический кризис показал неадекватность существующих на мировом рынке механизмов и правил поведения агентов рынка требованиям стабильного экономического развития стран и регионов. Необходима более высокая степень участия государства в управлении мировыми процессами, прежде всего в кредитно-инвестиционной сфере с соблюдением интересов всех стран, включая Россию.

The current global financial crisis revealed inadequacy of the existing mechanisms and behavior rules on the world market to the demands of stable economic development of countries and regions. Wanted is a higher degree of the state's participation in the regulation in world processes, credit and investment above all, to meet the interests of all states including Russia.

Н.В. Смородинская. Развитый мир против мира офшоров: Кто сильнее?

Ключевые слова: офшорный бизнес, оншорный бизнес, отмывание денег, налогообложение, глобализации, мировой финансово-экономический кризис.

В начале XXI в. офшорный бизнес превратился в глобальную сферу со своими нормами и правилами игры, идущими вразрез с устоявшимися традициями мировой экономической системы и способствующими уклонению от налогов и отмыванию грязных денег. Необходима реформа системы для предотвращения угрозы ее подрыва миром офшоров.

In the beginning of the 21st century offshore business became a global domain with its own norms and game rules running counter to the world economic system traditions and enabling tax evasion and dirty money washing. To prevent the system from being blasted by the offshore world, its reform is urgently needed.

Н.К. Меден. Нефть и газ из России: Трактовки энергобезопасности в Германии

Ключевые слова: нефть, газ, энергоресурсы, энергобезопасность, Россия, Германия, российско-германские отношения.

Российской стороне присущи до определенной степени завышенные ожидания в отношении сотрудничества с германскими партнерами в области энергетики. В основе германского подхода к сотрудничеству с Россией в данной области лежат прагматические расчеты. Экономически Германия весьма заинтересована в поставках российского газа, но в силу ряда политических факторов в настоящее время оптимальный вариант развития двусторонних германо-российских контактов в области энергетики – умеренно-нейтральный.

The Russian side expresses rather high expectations concerning its cooperation with the German partners in energy. The German side has pragmatic reasons at the core of its cooperation approach. Economically, Germany is quite interested in the deliveries of Russian gas, but political factors tend to make the development of Russian-German energy contacts more moderate.

Л.В. Скворцов. Парадигма цивилизационной истины и самосознание человека

Ключевые слова: цивилизация, глобализация, истина, прогресс, сознание.

Понимание цивилизационной истины с позиций традиционных философских подходов сталкивается сегодня с противоречиями самосознания, обусловленными эпохой глобализации. Позитивный путь современной эволюции связан с действием парадигмы цивилизационной истины, влияющей на «действие» молчания, внутренних компромиссов, моральных уступок. Цивилизационная истина оказывается результатом сложного выбора субъекта, который образуется единством истины факта, истины универсального развития и истины исторического творчества.

Understanding the truth of civilization through traditional philosophical approaches meets today with the contradictions of self-consciousness determined by the globalization epoch. A positive way of modern evolution is connected with the complex paradigm of truth, constant «action» of silence, inner compromises, moral concessions. The truth of civilization turns out to be a result of the subject's hard

choice influenced by the unity of the three truths: those of fact, universal principle and history's creativeness.

О.А. Вусатюк. Современный массовый человек и история (на примере Украины)

Ключевые слова: массовый человек, массовое сознание, историческое сознание, Украина, российско-украинские отношения.

Массовый человек склонен к простым и прямолинейным решениям, не обремененным историческим знанием и неизменно ориентированным на «окончательное» «улучшение истории». В восприятии прошлого доминируют мощные нигилистические комплексы, устремленные к «полному» разрыву связей с предшествующими эпохами и социокультурными состояниями. Именно в этом русле осуществляется проект «музеев советской оккупации», уже реализованный в Риге, Вильнюсе, Тбилиси и Киеве.

Man of the masses is inclined to make simple linear decisions, not overburdened by historical knowledge and permanently oriented toward «final» interpretation of history. Perceptions of the past are dominated by strong nihilistic complexes aimed at complete destruction of ties with the preceding epochs and socio-cultural conditions. Exactly in this context the project of «museums of Soviet occupation» is implemented in Riga, Vilnius, Tbilisi and Kiev.

Л.Н. Шаншиева. Образ России в учебниках истории стран Балтии

Ключевые слова: образ России, страны Балтии, история, учебники.

В ноябре 2003 г. в Государственной библиотеке иностранной литературы (г. Москва) прошла конференция на тему «Старые и новые образы России в современных учебниках истории», организованная Ассоциацией историков России XX в. совместно с Фондом Фридриха Науманна (ФРГ). Ряд докладов был посвящен проблемам взаимоотношений России и стран Балтии – Латвии, Литве и Эстонии.

In November 2003 a conference was held at the State Library of Foreign Literature in Moscow on the theme «Old and New Images of Russia in Current History Textbooks» initiated by the Association of Historians of 20th Century Russia and

Friedrich Naumann Stiftung (FRG). A number of reports were devoted to Russia's relations with Latvia, Lithuania and Estonia.

Ю.А. Щербакова. Восприятие России в современной Чехии

Ключевые слова: образ России, Чехия, XXI век, российско-чешские отношения.

По признанию самих чешских исследователей, стереотипы чешского отношения к России имеют 200-летнюю традицию, но и сегодня отличаются высокой эмоциональностью и полярностью оценок. Самая распространенная в Чехии модель восприятия России позиционирует ее как «миф и пространство». Вместе с тем среди характерных черт чешского восприятия России – использование политических лозунгов и сентенций.

Czech researchers admit that although current stereotypes of Russia have a two centuries history, they are still highly emotional and polarly different today. The most popular model of Russia's perception positions it as a «myth and space». At the same time among typical perceptions are those influenced by political slogans and attitudes.

Л.М. Светлорусова. Болгарская периодика о России в новом веке

Ключевые слова: образ России, Болгария, периодика, российско-болгарские отношения.

Болгарская периодика дает неоднозначную характеристику современной России. Подчеркивается, что все реализуемые в России программы опираются на доходы от высоких цен на энергоносители и успешное экономическое развитие страны в начале XXI в. позволило обеспечить стабилизацию государственности. Ряд авторов указывают, что без пирамидальной структуры власти Россия как держава просто не могла бы существовать.

Bulgarian periodicals offer a very differentiated picture of Russia. It is marked that all programs implemented in today's Russia are based on the income from high energy prices and it is economic success at the start of the new century that allowed to consolidate Russian statehood. Some authors point out that Russia could not exist as a great power without authority structured on a pyramid principle.

А.А. Сальникова. «Великая», «святая», «далекая»... Первая мировая война в восприятии детей-современников

Ключевые слова: Первая мировая война, русские дети, восприятие войны.

Образы Первой мировой войны и образ врага конструировались в сознании российских детей на стыке слияния собственного опыта и агитационно-пропагандистского воздействия, на стыке реальности и мифа. Восприятие войны у каждого ребенка было свое, в целом негативное. После 1917 г. оно стало быстро стираться под влиянием революции и новой социальной реальности.

The images of World War I and the enemy were formed in the minds of Russian children under the influence of their own experiences and mass propaganda combining thus myth and reality. On the whole children's perceptions of war were negative. After 1917 they became more and more obsolete in view of the revolution and new social reality.

И.Л. Беленький. О контекстах проекта сборника «Русская наука»

Ключевые слова: Россия, история науки, историография, Лаппо-Данилевский.

В конце 1916 – начале 1917 г. А.С. Лаппо-Данилевский, при поддержке В.И. Вернадского и ряда других крупнейших русских ученых, предложил проект создания обобщающего труда по истории отечественной научной мысли – сборника «Русская наука». Этот проект так и не был осуществлен.

At the end of 1916 and beginning of 1917 A.S. Lappo-Danilevsky supported by V.I. Vernadsky and other notable Russian scholars proposed a project of a synthetic work on the history of Russian scientific thought entitled «Russian Science». This project was never fulfilled.

Н.Н. Платошкин. Берлин в августе 1961 г.: Установление пограничного режима

Ключевые слова: «холодная война», ГДР, Западный Берлин, «берлинская стена».

Возведение стены между восточной и западной частями Берлина в 1961 г. было одним из ключевых моментов в развитии «холодной войны» между СССР и Западом. Западная пропаганда изображала этот акт стремлением тоталитарного режима к изоляции. В действительности он был вызван массовой скупкой жителями Западного Берлина продовольственных товаров в ГДР.

The erection of the Berlin Wall was a crucial moment in the history of the Cold War. It was interpreted by Western propaganda as an act of the totalitarian regime's self-isolation. Actually it was caused by mass purchases of food products in the GDR by West Berliners.

А.В. Бакустин. Турция, Россия и государства Центральной Азии в XXI веке

Ключевые слова: Турция, Россия, центральноазиатские государства, XXI век.

Стремительно растущие в последнее время связи на различных уровнях (ОЧЭС, взаимные визиты, саммиты тюркоязычных государств, двусторонние контакты) позволяют вновь говорить о повышении влияния и значимости Турции в Евразийском регионе.

Ties between Turkey and Central Asian states have been speedily growing in the recent time at various levels from the Organization of Black Sea Economic Cooperation and summits of the Turkish language states to bilateral contacts and mutual visits. This makes it possible to speak about a resumed rise of Turkey's influence in the Eurasian area.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (499) 120-4514
E-mail: market@INION.ru

Россия и современный мир № 2-2009 (63)

Дизайн обложки Г. И. Козубов

Верстка Н. Ю. Копылова

Корректоры

О. П. Дормидонтова
С. А. Левитанская

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.

Подписано к печати 03.06.2009 г.

Формат 70x100/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Цена свободная

Усл. печ. л. 19,8 Уч.-изд. л. 14,6

Тираж 900 экз. Заказ № 99

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9